

лечить чахотку). — Прим. перев.

* См. «Духовнонаучные разъяснения к "Фаусту" Гёте», том 1 (ПСС. Т. 272).

** Марбах Освальд **Рудольф Штейнер** (1810-1890) профессор технологии в Лейпциге. Поэт и прозаик, руководитель франкмасонской ложи «Бальдур». **Мизвержение духов Тьмы** (ментариум), 1881.

Духовные подосновы внешнего мира

* ПСС. Т. 146. Относительно Вильсона см. лекцию пятую этого тома. **Чемнадцать лекций, прочитанных в Дорнахе**

* «Внутреннее видение человека между смертью и новым рождением», 8 лекций, прочитанных в Вене с 6 по 14 апреля 1914 г. (ПСС. Т. 153). О «социальной карциноме»

СА 177

см. лекцию от 14 апреля 1914 г. **ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ**

* см. лекцию пятую в этом томе Дорнах, 29 сентября 1917 г.

* Маутнер Фриц (1849-1923) «Словарь философии, новый вклад в критику и выработку двух основ философии». **Аббаццо** Пармиджио, который о старейшем «История» я судил вас, причём так: «Останется идеология Нардежи разрушительной знак на шенехе, аусторемлю природу без телеремлюция, это и вперёд и вперёд над нами быть забывает и практически углубиться в духовную». **Пассана Фердинанд** (1825-1864). **Маркс Карл** (1818-1883).

Поможь примеру духовный словарь **Якоби** и **Вильгельма Гиббелса** в **Аугсбурге** наиболее информативны в целом, но будем при этом помнить, что возвращаясь к русскому языку, мы должны, основываясь на словах и словари «был» стремления «Филиппо Амбала» ленте в современной трагичекой рингации в первой априорной форме. **Михаил Булгаков** выраженное неприятие. Мы ведь наблюдаем, как уже более трёх лет в мире! **Васильев** является большинством обаянием и уважению **Фрейд** более характеризовать. Ибо все мы это чувствуем, все ощущаем и должны сказать: то, что теперь происходит — мир, верность, чужие, но в результате угнетения, **Стефан** восторженно **Павлу** арешу будет щено наше интереснейшим образом. Примем **Фред** рождением. Если попытаться заново **Метерлинк**, **Морис** (1862-1949) — бельгийский драматург, поэт, прозаик, философ. Написать: так же должно **Жизнь муравья** (1926) и «Жизнь насекомых» (1930) — устрашающим, трагичекой **Фрейд** (последних лет 73). Вот что французский социолог и публицист **Или** искренне не хотим остаться безучастными к этому, теперь происшедший социалистический **Морис** французский оккупационный министр **Кетт** если в 1999 году произошло, никак не могло, как последние **Мамисур** общественные работы, затем военный министр мирного помещателя **Академик** от французской **Академии** называли «Бессмертные» наше время переидет много людей — такие были **Пуанкаре** **Раймон** (1860-1934) — президент Французской республики с 1913 по 1920 гг.; проводил силовую и агрессивную антигерманскую политику.

отношении этих событий. Только бодрствующие, оглядываясь сейчас на то, что наполняло их души последние четыре-пять лет, имеют такое чувство, как если бы перед этим они находились под впечатлением старинной книги или картины, которая написана столетия назад. Как бы отодвинутыми в далекую даль, далекую временную перспективу выглядят события, которые происходили с нами до начала этого всемирного помешательства.

Кто независимо от происхождения этих событий, бодрствуя в духовнонаучном смысле, вглядывается в мир, тот может заметить, что же, собственно, там надвинулось. И многие из наших друзей могут припомнить (я неоднократно вынужден обращать на это внимание) ставшие уже стереотипными ответы на вопросы, которые постоянно возникают на публичных лекциях. Как вам известно, все время звучит один такой вопрос: как быть с этим доказанным статистикой приростом населения и учением о повторных земных жизнях? Народонаселение на земле увеличивается со страшной скоростью. Как же увязать это с установленным духовной наукой фактом, что на землю приходят одни и те же души? И я постоянно вынужден отвечать: только видимость, что статистика безукоризненно установила, что население земли увеличивается, — просто принимаются во внимание недостаточно продолжительные периоды времени, чем для этого необходимо; чтобы прийти к правильной постановке такого вопроса, рассматриваются слишком короткие промежутки времени. И я всегда говорил, что, быть может, недалеко то время, когда люди с ужасом убедятся, что началось убывание населения. Ответ на такие вопросы приходится давать уже с начала столетия.

В духовной науке всегда так: невозможно коротко и ясно дать ответ на многие вопросы, потому что наши современники еще не готовы принимать некоторые истины в правильном разрезе. На многое приходится только намекать. Если вы заглянете в лекции, которые были прочитаны мной в Вене незадолго до начала этой ужасающей мировой катастрофы, то вы найдете там одно место, где говорится о социальной карциноме^{**}, о социальной раковой болезни, которая поражает все человеческое развитие. При помощи этого и других подобных намеков должно было быть указано на предстоящее в человеческом развитии с требованием это осмыслить. Ибо такое осмысление — единственное, что может сделать нас в истинном смысле бодрствующими. Бодрствование — вот что нужно нам, а также и всему

человечеству. И если духовная наука хочет выполнить свою задачу, то в первую очередь она должна инициировать полное бодрствование. Ведь одно знание только о происходящем в чувственном мире и о законах, которые разум открывает в чувственном мире, в высшем смысле означает сон. К полному бодрствованию человечество придет только тогда, когда сможет развить понятия, идеи о духовном мире, который находится вокруг нас, как воздух и вода, как звезды, как Солнце и Луна. И как человек, когда он целиком отдается ночью внутренним процессам, происходящим в его теле, является спящим и не имеет никакого представления о происходящем вокруг, вне его телесного мира, так человек спит, когда он предается только внешнему чувственному миру и миру рассудка, а также законам природы, господствующим во внешнем чувственном мире, и не имеет никакого представления об окружающем его духовном мире.

Примечательно, что именно в последнем столетии, а заметнее всего на переходе от XIX к XX веку, человечество так кичилось своим духовным прогрессом и своими научными достижениями, а вместе с тем никогда бессознательная, инстинктивная жизнь не была так распространена, как в это время, и вплоть до наших дней бессознательно-инстинктивное все больше проникало в человечество. Отказ от видения находящегося вокруг нас духовным образом, отказ считаться с этим духовным — вот в чем, в конечном счете, причина этой ужасающей мировой бойни. И никак не скажешь, что за годы, которые стоят столетий, если их переживать в бодрствующем состоянии, человечество достаточно научилось чему-то в связи с разразившимися ужасами. К сожалению, можно сказать только прямо противоположное.

Что же является характерным из того, что повседневно, ежечасно бросается в глаза, если прослеживаешь, о чем думают современные люди, или, лучше сказать, отказываются думать, отказываются желать? Собственно, самым характерным является то, что, в сущности, во всем мире никто не знает, чего хочет. Никому не приходит в голову, что то, чего можно правомерным образом желать — неважно, как эта правомерность толкуется отдельными представителями разных народов, — гораздо лучше может быть достигнуто, если избежать этих страшных кровавых событий; а эти страшные кровавые события совершенно бесполезны для достижения желаемых результатов.

Вообще же в этих событиях господствуют таинственные

взаимосвязи. Но если вы возьмете многое из того, что только намеками в ходе лет было сказано в наших духовнонаучных лекциях, то вы обнаружите, что и в отношении самого значительного из событий последних лет многое было достаточно ясно указано. Если вы возьмете только то, что в последние годы, говорилось о характере русского народа* и о противоположности русского народа и западно- и среднеевропейских народов, то вы убедитесь, что для понимания событий, которые на первый взгляд неожиданно и бурно разыгрались в последнее время, вам не понадобится ничего другого; то же самое относится и к тому, что принято сейчас называть русской революцией, — событию, которое ворвалось как своего рода возмездие, но внутренне совершенно понятное кармическое возмездие, причем это слово надо понимать как технический термин, не вкладывая в него морализаторского смысла.

И не только русские, не только европейцы, а человечество во всем мире еще долго будет размышлять о событиях, которые теперь разыгрываются на востоке Европы гораздо более таинственным образом, чем, собственно, принято думать. Ибо там выступило на поверхность то, что готовилось столетиями. И то новое, что хочет образоваться, сегодня еще являет совершенно иной облик, совершенно не похожий на тот, что собирается принять. Будущие поколения еще будут иметь возможность наглядно отличить видимость от реальности на примере того, что образуется в ближайшие десятилетия на востоке Европы. Ведь нынешние поколения как раз принимают майю за реальность, а не за майю. Они принимают происходящее за чистую монету. Но это неверно. То, что декларируется, не совпадает с преследуемыми целями.

При этом западные народы плохо оснащены для понимания декларируемых на поверхности целей. Почему же они так плохо оснащены? Это может показаться поразительным для современного человека — не для вас, а для «нормального» современного человека (ведь, примкнув к Антропософии, вы уже выбываете из числа «нормальных» людей), — но современность в гораздо большей степени, нежели какая-нибудь другая эпоха, требует от человека того, к чему он менее всего стремится: духовно-научного понимания. Для «нормального» человека современности прозвучит в высшей степени удивительно, что порядок из хаоса современности возникнет не ранее, чем достаточное число людей потрудится над усвоением духовнонаучных

истин. В этом состоит всемирно-историческая карма.

Пусть себе говорят люди, которые верят, что нынешняя война похожа на предыдущие, что мы вскорости заключим мир, подобный предыдущим мирным соглашениям, — пусть они в это верят. Это люди, которые любят майю, люди, которые не могут отличить истину от заблуждения. Пусть эти люди сами каким-то образом заключают видимость мирного соглашения: порядок произойдет из хаоса, пронизывающего современный мир, только тогда, когда взойдет заря духовнонаучного постижения. И если вы ощутите своим сердцем: долго еще не будет порядка, — ибо, может быть, вам что-то подсказывает, что люди еще долго не станут трудиться, чтобы вошла заря духовной науки, — то будете правы. Но тогда вам придется также признать, что порядка из этого хаоса долго не будет. Он наступит не раньше, чем духовнонаучное постижение проникнет в человеческие сердца. Все остальное было бы чистой видимостью, только кажущимся успокоением, под которым постоянно будут тлеть угольки. Ибо порядок впервые возникнет из этого хаоса, когда постигнут его причины.

Да, этот хаос возник из бездуховной концепции реальности. Духовный мир нельзя игнорировать без последствий. Можно верить, что игнорирование духовного мира останется безнаказанным, можно верить, что допустимо отдаться понятиям и представлениям, заимствованным исключительно из чувственного мира, можно так верить, и это всеобщая вера современного человечества. Но это заблуждение. Нет, самое превратное из заблуждений состоит в том, что, выражаясь тривиально, духам понравится, когда их игнорируют. Примите это за эгоцентризм, за тщеславие духов, хотя применительно к духовному миру нужна другая терминология, нежели в нашем физико-чувственном мире. Итак, примите это за тщеславие духов, но духи становятся мстительными, когда их игнорируют. Таков закон, такова железная необходимость: духи мстят за себя. И среди множества других характеристик, которые можно дать современности, правильной является и такая, когда можно сказать: современный хаос в человечестве — это месть духов за то, что их так долго игнорировали.

Припомните, сколь часто здесь и в других местах я говорил: существует таинственная взаимосвязь между человеческим сознанием и разрушительными силами Вселенной, именно силами деградации. Да, существует таинственная взаимосвязь между разрушительными силами

Вселенной и сознанием. Она состоит в том, что одно может заменять другое — с одной стороны, а с другой — должно служить ему следующим образом.

Допустим, была бы такая эпоха, скажем, в последние двадцать или тридцать лет XIX века, когда человечество так стремилось бы к духовному, как оно в последние два, три десятилетия XIX века стремилось только к материальному познанию и меркантильным действиям. Допустим, в конце XIX столетия человечество устремилось бы к духовным переживаниям, к духовному познанию, к духовной практике. Что бы тогда произошло? Что бы произошло, если бы люди стремились к познанию духовного мира и, исходя из духовного мира, заложили бы основы физического мира, вместо того, чтобы в последние десятилетия XIX века, повинувшись инстинкту, все больше и больше гоняться за тем познанием, которое, в конечном счете, наибольший триумф празднует в изготовлении смертоносных орудий и считается только с материальными приобретениями? Что произошло бы, если человечество стремилось бы в социальной сфере обрести духовное познание и спиритуальные импульсы? Это была бы компенсация в отношении разрушительных сил! Степень бодрствования людей повысилась бы, вместо того, чтобы проспать происходившее в последние десятилетия XIX века. Степень бодрствования людей повысилась бы, и в первые десятилетия XX века не понадобилось бы вносить разрушение, если бы сознание людей было более сильным. Духовное сознание должно быть сильнее чувственно-материального. Будь сознание сильнее в последние десятилетия XIX века, разрушительным силам не понадобилось бы проникать в первые десятилетия XX века.

Самым интенсивным, самым проникновенным, но и, хотелось бы сказать, в познавательно-теоретическом отношении самым ужасающим образом это сказывается, когда знакомятся со многими умершими, которые пришли в духовный мир, — будь это в последние десятилетия XIX века или в первые десятилетия XX века. Среди них находятся множество душ, которые здесь в суете земной жизни, в погоне и стремлении к материальному, не имели возможности пробудить свое сознание воздействием спиритуальных импульсов. Многие прошли через врата смерти, не имея ни малейшего представления о тех понятиях и идеях, на которые указывают эти импульсы. Если бы здесь на земле, прежде чем эти души прошли врата смерти, для них существовала бы возможность принять спиритуальность

в свои представления и в свои понятия, то они пронесли бы ее через врата смерти. Это та ценность, в которой они нуждаются после смерти. Но ее они не смогли получить.

Знатоку духовной истории — так называемой духовной истории последних десятилетий XIX века и первых десятилетий XX века — прекрасно известно, что слово «дух» ни разу не было правильно применено: его применяли к самым разным вещам, но только не к тому, чем действительно является дух. Так что души не имели здесь никакой возможности познать дух. И они должны были это компенсировать. Теперь, когда они через врата смерти вступили в духовный мир, они испытывают страстную жажду. Чего же так страстно жаждут эти души, которые прожили здесь жизнь в материализме? Они жаждут принести разрушительные силы в физический мир. В этом состоит компенсация.

Невозможно разделаться с такими вещами при помощи удобных понятий. Если стремятся в этой области познать реалии, то надо возыметь чувство к тому, что в египетских Мистериях называлось железной необходимостью. Это устрашает, но необходимо, чтобы разрушение имело место, ибо прошедшие через врата смерти тоскуют по разрушительным силам, в которых они могли бы жить, после того, как здесь они не смогли получить компенсации при помощи спиритуальных импульсов.

Порядок из хаоса возникнет не раньше, чем люди решат действительно вместить в свои души эти серьезные истины, а также допустить эти серьезные истины в идеи, которые пронизывают политику современного мира. И если эти истины звучат пессимистически и вы думаете: как далеко еще человечество от подобных требований, — то вы правы. Но пусть из этого правомерного пессимизма последует внутреннее требование, причем это должно быть бодрствующим требованием, когда у вас возникает возможность, — в том жизненном положении, в которое вы поставлены, — пытаться пробуждать души в направлении, в котором духовная наука может посылать свои импульсы. Конечно, наше время дает тому мало возможностей, но надо действительно честно и откровенно, в доступной тому или другому форме, обращать внимание на факт, что современность вызывает у умерших стремление, резонирующее с тем, что мы, живущие здесь на физическом плане, переживаем с таким ужасом.

Если обдумать, насколько удобно так живописать своим

ближним сферу, в которую вступает человек, прошедший врата смерти, если проследить за елейными проповедями — а в наше время и политики пошли по стопам проповедников — с их удобными представлениями о духовном мире, то можно составить себе живое представление о том, насколько далеко от действительности удобное тщеславие ведущих людей современности. Когда слушаешь речи таких ведущих людей, — а эти ведущие люди в жизни как раз отмечены тем, что они весьма далеки от того, чтобы управлять, а, наоборот, сами управляются всевозможными бессознательными силами, причем редко правильными, — и когда сравниваешь эти речи с тем, что необходимо современности, тогда видишь, насколько серьезна, бесконечно серьезна ситуация.

Ведь наш физический мир непосредственно граничит с другим, сверхчувственным миром. И никогда не было столь интенсивным воздействие этого метафизического мира, как в наше время. Только люди не замечают этого; его не замечают даже тогда, когда оно становится ужасающим, устрашающим, когда оно выворачивает душу. По современному миру проносятся столь мощные пропагандистские лозунги, что, собственно, великое множество людей должно было бы насторожиться. Но, как правило, этого не наблюдается, по крайней мере, не заметно, чтобы это происходило.

Некоторые из наших друзей могут припомнить, как часто за последние три года* я обращал внимание на то, что, когда в будущем — к сожалению, современные критики этого не делают, хотя вполне могли бы, — будет написана история этой так называемой войны, невозможно будет употребить те же самые методы — эти сказки, эти легенды, как их ни назови, — которыми в наше время пишется история. Нынешнее историческое исследование возникает благодаря тому, что ученые господа, как их величают в миру, просиживают месяцы, годы, десятилетия в библиотеках, штудируют дипломатические документы, чтобы написать исторические труды. Должно настать время, когда исторические исследования, возникшие таким способом, по большей части превратятся в макулатуру. Историю последних лет невозможно будет написать таким методом, если у человека голова в порядке. Ибо причины современного хаоса никогда не раскроются тем, кто до сих пор писал историю, но только тем, кто имеет живое чувство того, что это значит, когда достойный сочувствия человек нашего времени поставлен перед судом и вынужден бросить

в лицо обвинителям горькие слова, итог его состояния: это произошло и в это мгновение я потерял рассудок! Эти слова произнес Сухомлинов**, человек вполне достойный, собственной персоной: там он потерял рассудок.

В это же самое время много других потеряли свой рассудок, не он один. Что же это за миг в ходе времен, который может быть определен тем, что люди вынуждены утверждать: они потеряли рассудок? Это тот миг, когда Ариман со своим воинством находит доступ к роду человеческому и к человеческим деяниям. Когда человек бодрствует в своем сознании, когда это сознание ни в коей мере не является пониженным и парализованным, тогда ни Ариман, ни Люцифер не имеют к нему доступа. Но когда оно понижено, когда к нему надо применять формулу: я потерял рассудок, — в этот момент Ариман со своим воинством вступает в мировую историю. Тогда происходят вещи, которых не записывают в дипломатические документы, тем более — замечу в скобках — что за последние десятилетия во всем мире в них написано поистине мало чего разумного. Но независимо от того, что происходит в наше время и что привело к этому хаосу, ведь действуют не только люди, здесь, прежде всего, участвуют ариманические существа, которые ищут доступ к человеку через понижение его сознания. Я знаю, что многим из сидящих здесь доподлинно известно, что сразу после начала нынешней мировой катастрофы я давал такое разъяснение: когда хотят говорить о причинах этой катастрофы, не надо этого делать, опираясь на документы, а необходимо в связи с этими мировыми событиями указывать на тот факт, что Ариман духовным образом нашел доступ к человеческой истории.

Необходимо только, чтобы такие вещи принимались с надлежащей серьезностью, чтобы не просто абстрактно-формальным образом, но действительно конкретно принимались в качестве реалий. Пусть те, кто не хотят знать об этих вещах, сегодня потешаются, когда говорят: Ариман нашел доступ к развитию человечества. Когда такие люди смеются над этими словами, над ними еще посмеется мировая история!

Никак не скажешь, что лежащие на поверхности суждения, представления и понятия за последние годы являют особую зрелость. Совсем нет! Ни разу не было понято, когда в разных местах и по разному поводу за полтора года указывалось, что возникнет нечто, требующее внимательного, бодрствующего наблюдения, а не просто

поверхностного ознакомления. И когда приводят конкретно то или иное, что призвано указать человеческой душе на это возникающее явление, всегда не хватает бодрствующей духовности для правильного восприятия таких указаний. И вот они осуществились. И приходится констатировать, оно принимается не как имеющее глубокие, глубокие корни на вполне определенной почве. Ведь раз оно имеет столько-то и столько-то строк, а они содержат предложения, то они так и расцениваются как столько-то строк, содержащих столько-то предложений, ибо современное человечество совершенно не приспособлено усматривать, в чем коренятся такие предложения, а попросту некритично принимает их.

Возможно, вы поняли, что я имею в виду. Вы поняли, что под все более ясно выступающим уже в течение полугодия я разумею послание Папы римского*. Я просмотрел множество изданий, чтобы хоть где-нибудь найти такое суждение, которое, собственно, должно следовать в связи с этим посланием Папы, — вопрос, который неизбежно должен возникнуть в душе человека. Примите только во внимание, что уже с XVI столетия — мы об этом часто говорили — берет свое начало то, что сегодня называется государством. Разумеется, те занятые люди, которых сегодня по всему миру зовут историками, говорят о государстве как о чем-то давно возникшем. Но эти историки очень плохо знают реальную историю. Современное государство не старше четырех-пяти столетий. А до этого было нечто совершенно другое. И очень важно знать об этом, действительно уяснить себе это. Святой престол в Риме поистине гораздо старше современных государств, и его существование было в свое время хорошо обосновано и многое принесло в мир. Я пытался разыскать, возник ли в ком-то такой вопрос: почему современное административное образование, возникшее четыре-пять столетий назад, не может найти возможности, исходя из себя самого, прийти к определенному порядку? Почему оно равняется на ветхий святой престол как на предмет актуальной дискуссии, которая в наше время имеет место здесь и там?*

Я хотел бы знать, кто согласится кататься на коньках по миллиметровой толщины льду! Ибо понятия, которыми располагает современный человек, чтобы составлять о чем-то суждение, по сравнению с импульсами, которые вливает Святой престол в современную жизнь, это миллиметровая толщина льда над водами, которые находятся под ним. И то, что сегодня пишут и говорят, напоминает катание на коньках

по льду миллиметровой толщины, ибо никто не стремится к пониманию происходящего — ведь дело не в том, чтобы взять в руки документ и проследить, какие в нем стоят фразы, а в том, чтобы знать, что одна и та же фраза может иметь совершенно разный смысл в зависимости от того, откуда она произошла.

Современность повсеместно взывает к серьезности, к основательности, к поиску взаимосвязи вещей, к поиску реального, а не внешней видимости. А этого лишается современный человек, когда заявляет: ну да, таково положение вещей, оно мне еще непонятно, поэтому я не хочу в него вступать. Совершенно неудивительно при той невероятной поверхностности всеобщего современного образования, что все считают себя сведущими, имеющими обо всем суждение. Но когда говорится, что нельзя судить таким образом, а нужно сначала подготовить базу для суждения, то современному человеку это представляется очень трудным. Да, ему вряд ли понравится, что необходимо сначала иметь базу, а затем составлять суждение.

Необыкновенно много для ближайшей перспективы зависит как раз от действительного понимания движущих сил, от понимания того, что хаос поистине не станет меньше, если — допустим это гипотетически — Святому престолу удастся добиться видимости порядка. Нет ничего более ошибочного, чем когда кто-то сегодня скажет: ах, какая разница, как наступит мир, хотя бы и трудами папы! Самое главное, что при сложившихся обстоятельствах не повредит, если мир придет трудами папы, это самоочевидно; все сводится к тому, в каком смысле его добиваются, кто в этом задействован.*

Надо снова уяснить душой, что наше время от нас ежечасно, ежеминутно требует: бодрствуй! И только тот в наши дни поймет духовную науку, — антропософски ориентированную Духовную науку — кто в состоянии постигнуть, что человечество поставлено перед выбором: либо настанет постижение духа, либо останется хаос. Перелицованный хаос несколько не лучше нынешнего, кровавого. Если в ближайшие годы у нас не будет ничего другого, кроме того же самого, а возможно и более изощренного материализма, если дойдет до того, что на основе случившегося за последние три года (а заспанное человечество до сих пор не отдает себе в этом отчет) возникнет новая погоня за материальными благами, которая многими воспринималась бы как дары мира, то души снова,

проходя через врата смерти, будут испытывать страстное стремление к разрушению. И разрушение не прекратится!

Самое главное — составить себе представление, обрести чувство, внутренний импульс относительно необходимости спиритуализации! И прогресс возможен в той мере, в какой это удастся. Кто хоть немного хочет постичь дух эпохи и поверять время серьезными истинами вроде тех, которые мы часто — и сегодня тоже — проводили перед своей душой, у того возникнет весьма своеобразное ощущение от всего ужасающего, от всего безнадежно тривиального и поверхностного, что ныне пишут и говорят.

Представьте себе компанию детей, которые ломают у своих родителей все — кастрюли, тарелки, стаканы. Кто-то видит это и думает, как бы удержать их, чтобы они не входили в кухню, в столовую и вообще туда, где можно что-то сломать. Наконец, ему приходит в голову, как их удержать. Присутствующие при этом — они как раз собираются стать воспитателями детей — приходят вот к чему: надо позаботиться о том, чтобы разбить все, что можно, чтобы ничего не осталось. А когда больше нечего будет ломать, тогда разрушению придет конец! Не знаю, много ли наберется тех, кто не посчитает таких воспитателей за дураков. Это ясно и так. Но когда считающие себя умудренными опытом люди провозглашают на весь мир: надо вести кровавую войну, пока сам собой не наступит мир, надо сначала все разрушить, чтобы на земле нечего было разрушать, — то это принимается за мудрость. Убивать, чтобы искоренить убийство, — это почитается за мудрость!

Для тех, в ком еще сохранилась хоть капля логики, это не более мудро, чем когда воспитатель говорит детям: чтобы больше нечего не ломать, надо быстро разбить все, что есть до последнего кусочка, и тогда нечего будет ломать. Почему последнее называется глупостью, а первое — перспективной политикой? Ибо современные люди перестают думать именно тогда, когда это требуется в наибольшей степени: когда мысли касаются судьбоносных вопросов.

Об этом мы поговорим завтра и увяжем это с некоторыми серьезными духовными истинами.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 30 сентября 1917 г.

Сегодня мне хотелось бы предварительно привести некоторые материалы с тем, чтобы завтра придать им законченный вид.

Современность — это такое время (вы это уже могли

почувствовать из вчерашнего рассмотрения), о котором можно сказать, что многое должно измениться в мышлении, в чувствах и воле людей. Должны измениться устремления душ. Как раз в отношении самого внутреннего в жизни души должны исчезнуть старые, унаследованные, традиционные привычки и должна выступить новая форма мышления и чувствования. Таково требование времени. Думаю, что на каждого может произвести важное и глубокое впечатление, когда дают подействовать на свою душу истинам, вроде тех, что обсуждались вчера, — истинам о проявлениях разрушительных процессов здесь, на физическом плане, и спиритуализации человечества. Примите только во внимание, что под впечатлением подобных истин мы вынуждены ощущать, так сказать, социальное единство с умершими, с ушедшими от нас. Конечно, можно с глубокой горечью ощущать происходящее здесь на физическом плане, и это нормально; но, с другой стороны, надо не забывать, что души — а таких совсем немало, — у которых в последние десятилетия была отнята духовная жизнь, алчут разрушительных процессов здесь, на физическом плане, ибо из этих разрушительных процессов они черпают силы для духовно-душевной жизни после смерти. И из этого следует практическое требование — делать единственно возможное, что способно в будущем предохранить человечество от разрушительных сил, то есть развивать жизнь спиритуальную. Надо только уяснить себе, что в прошлые времена дело обстояло иначе: тогда еще не проявился в такой мере закон, что каждая материалистическая эпоха влечет за собой войны и разрушения. Но в грядущем будет именно так.

Ведь человечество страдает от множества дошедших до нас из древности иллюзий. Эти иллюзии до сих пор не были столь вредоносны, какими они станут в будущем развитии человечества. В целом можно сказать, что души наших современников поистине пребывают в глубоком сне и не замечают многого, что так сильно меняется в наше время. Но иногда то или иное приходит совершенно инстинктивно. И тогда многие начинают ощущать великие загадки современности. Но многие еще не расположены ощущать их со всей энергией во всей их глубине.

Отдельные люди под впечатлением бурных, разрушительных событий теперь замечают некоторые из этих загадок. Но во многих отношениях эти люди бессильны дать ответ на них. Загадка, о которой я говорю, это имеющийся

разлад между интеллектуальным и моральным развитием. Ведь в первый раз в новейшее время материалистических представлений этот разлад повстречался как раз дарвинистам; уже Геккель сделал проницательное замечание в этом роде в своих «Мировых загадках»*. Но теперь, во время войны, все больше эта дисгармония между интеллектуальной и моральной жизнью человечества в его развитии предстает как загадка перед определенными душами. Люди справедливо говорят: какой неслыханный прогресс имеется в интеллектуальной, рассудочной жизни, — в той жизни, которую многие называют научной, — на которой строится современное материалистическое мировоззрение; как неслыханно продвинулся человеческий разум в постижении законов природы, в овладении ими, ради индустриального развития, а в новейшее время, в особенности, — для индустрии уничтожения! И многое еще станет предметом изучения этой науки. Она станет анализировать состав продуктов питания и будет фабриковать химические продукты питания, не отдавая себе отчет в том, что химические продукты питания не являются продуктами в том же смысле, как продукты природные, хотя они состоят из тех же самых веществ.

Интеллектуальное, если хотите, научное, развитие происходит по восходящей линии. Но моральное развитие в той же мере отстает от него. Как могла бы разразиться современная мировая катастрофа, как могло бы все пойти, как оно пошло, если бы моральное развитие шло в ногу с интеллектуальным! Ведь можно сказать: именно потому, что моральное развитие людей не продвигается вперед, а интеллектуальное развитие приняло определенную аморальную окраску, во многих отношениях выступило разрушение. Теперь уже многие замечают, что имеется разлад, дисгармония между моральным и интеллектуальным развитием человека. Только нынешнее время не способствует тому, чтобы подобные вопросы, способные пойти на пользу действительной эволюции человечества, ставились бы достаточно глубоко, ибо современный человек не может ведь быть воспитан в отношении глубинных подоснов своего мышления и практики, потому что в нем смешано все, что должно быть разделено и соотнесено разным областям Вселенной.

Современная наука имеет перед собой человека, то есть физическое тело, формообразующие силы или эфирное тело, астральное тело и "Я"; но все это перемешано. Наука этого не

различает. Но как можно вообще прийти к науке, способной постигать такие вещи, если все перемешивается, хотя различные члены человеческой природы относятся к совершенно разным областям Вселенной, связаны с совершенно различными сферами универсума? Нашим физическим телом и нашими формообразующими силами мы присутствуем здесь, в физическом мире; нашим астральным телом и нашим "Я" мы входим еженощно в совершенно иной мир — в мир, который поначалу имеет мало общего с тем миром, в котором мы бодрствуем днем. Эти два мира, собственно, действуют взаимно только потому, что они взаимосвязаны именно в природе человека.

Теперь примите во внимание, насколько моложе человеческое "Я" и человеческое астральное тело, нежели физическое тело и эфирное тело! Первый зародыш нашего физического тела мы получили во времена старого Сатурна. Оно прошло четыре стадии развития: через эпоху Сатурна, Солнца, Луны и Земли вплоть до нынешнего состояния. Эфирное тело прошло три стадии, а астральное тело две. "Я" впервые возникло в эпоху Земли, оно молодо; значит, оно относится к совершенно другой космической эпохе. Но ведь инструмент нашей интеллектуальности, ее орудие внутренне связано с нашим физическим телом. Только благодаря тому, что наше физическое тело проделало столь всеобъемлющее развитие через эпохи Сатурна, Солнца, Луны и Земли, оно стало тем совершенным инструментом, который проявлен в строении нервов, мозга, циркуляции крови. Этот совершенный инструмент мы употребляем при нашей интеллектуальной деятельности.

Однажды как раз в этом зале я указывал, что человек гораздо сложнее, чем принято думать. Когда мы говорим: физическое тело, то и это не так просто. Это физическое тело содержит в себе перенесенные еще с Сатурна задатки. Затем к нему присоединяется эфирное тело. Но это эфирное тело в свою очередь образует в физическом теле собственную часть, астральное тело опять-таки образует в физическом теле свою часть, и то же самое делает "Я". Так что это физическое тело внутренне расчленено на четыре части: одна часть физического тела соотносится сама с собой, другая — с эфирным телом, третья — с астральным телом, а четвертая — с "Я". Отвлечемся для начала от эфирного тела, которое в свою очередь тройным образом расчленено, ибо одна его часть соотносится сама с собой, другая — с астральным телом, третья — с "Я". Останемся при физическом теле. Оно

показывает, что ночью, когда мы спим, та часть физического тела, что соотнесена сама с собой, естественно продолжает жить своей жизнью; та, что соотнесена с эфирным телом, также может продолжать жить своей жизнью, ибо эфирное тело всегда остается при физическом теле. Но как обстоит ночью дело с той частью физического тела, которая соотнесена с астральным телом, приспособленным к выхождению из физического тела (ведь астральное тело ночью находится вне физического тела), и с той частью, что соотнесена с "Я"? "Я" тоже находится вне физического тела. Эти две части, назовем их астрально-физическое тело и "Я"-физическое тело, в ночное время покинуты, собственно, своим организующим началом. Мы ведь нашим "Я" и нашим астральным телом находимся вне того, к чему они относятся в физическом теле. Таким образом, во время жизни между рождением и смертью мы оставляем без присмотра в постели нечто, относящееся к этим высшим телам. Во время сна они должны действовать иначе, чем во время дневной жизни; это легко усмотреть. Ибо во время дневной жизни оставляемое в постели пронизано и прокалено астральным телом и "Я", тогда как во время сна — нет. В наше время человек не задается вопросом о том, как это происходит, ибо, как сказано, все в нем спутано и перемешано и он не различает эти четко различимые части своей телесности.

Та часть человеческого физического тела, которую можно называть астрально-физической, работает ночью во время сна с силами, очень похожими на силы Меркурия, — с меркуриальными силами, с силами меркуриальной текучести. Напротив, то в физическом теле, что соотносится с "Я", во время сна действует как Соль. Так что во время сна человек пронизан Солью и Меркурием.

Это было еще известно серьезным алхимикам XIV столетия. Только после этого настало время алхимического сектантства, а также книг, которые в наше время сделались популярными. Отголосок этих познаний встречается еще у Якоба Бёме*, который говорит о Соли, Ртути (Меркурии) и Сере.

Это относится к тайнам человеческой природы. И то, о чем мы говорили, мы можем обозначить следующим образом: когда мы спим, мы взираем вниз — на тело, ставшее меркуриально-солевым. И то, что тело становится меркуриальным, имеет далеко идущие последствия, о которых мы, возможно, в ходе этих недель еще поговорим. А что тело осолеваает — думаю, заметить это не трудно, когда

по утрам встают с постели.

Но что же это означает? В известной степени, в то, что является солевым, то есть ставшим в человеке минерализованным, и в то, что является меркуриальным, то есть пропитывающим человека живительным образом — ибо меркуриальное, на самом деле, есть нечто живительное, — при пробуждении привходит "Я" человека и его астральное тело, которые во время сна пребывали в духовном мире. Тогда происходит встреча того, что во время ночного сна было разделено. И из этого взаимодействия возникает возможность привнести на землю то, что было усвоено в духовном мире. Меркурий и Соль пребывали в покое; теперь привходят "Я" и астральное тело и проникают низшие тела пережитым в духовном мире. В результате физическое тело как инструмент, который развивался с сатурнических времен, становится еще богаче. С одной стороны, физическое тело представляет собой инструмент, который мы используем при нашей интеллектуальной деятельности и который является стародавним и хорошо построенным, имея за собой столь длительные эпохи развития, а с другой — благодаря описанному процессу к этому может присоединиться актуальное воздействие, принесенное из духовного мира. Вот источник того, что современные люди могут воздействовать из духовного мира на инструмент интеллектуальности, а сама интеллектуальность может приобрести такое значение в современности.

Но мир, в котором мы пребываем от засыпания до пробуждения, имеет определенную особенность: он сам по себе лишен морального закона. Каким бы странным вам это ни показалось, от засыпания до пробуждения вы пребываете в мире, не имеющим в себе никаких моральных законов. Это мир, который, можно сказать, еще не сделался моральным. Когда мы пробуждаемся, мы приносим из этого мира как раз тот импульс, который физическое и эфирное тело могут воспринять в интеллектуальном плане, но не могут сделать этого в плане моральном. Последнее совершенно исключено, ибо мир, в котором мы находимся между засыпанием и пробуждением, не имеет никаких моральных законов. А те, кто верят, что было бы разумнее, если бы боги так устроили мир, что человеку вообще не было бы нужды жить на физическом плане, весьма заблуждаются; ибо тогда человек не смог бы стать моральным. Моральность человек приобретает именно благодаря своей жизни здесь, на физическом плане. Моральным можно сделаться только на

физическом плане. Итак, из духовного мира мы свободно приносим в физическое тело мудрость, но не приносим моральности.

Очень важно получить объяснение того, почему люди должны отставать по части морали, тогда как боги прекрасно все предусмотрели по части интеллектуальности, которая поступает к людям не только через инструмент, выработанный во времена Сатурна, Солнца, Луны и Земли, но и снабдили их еще «прожиточным минимумом», когда пронизали мудростью тот мир, в который вступает спящий. Аналогичные состояния, когда во время сна человек будет вступать в моральный мир, впервые будут доступны переживанию в более поздние эпохи — во второй половине стадии Венеры. Этот факт показывает, как бесконечно важно видеть проникновение морали в нашу социальную жизнь.

Современное человечество не стремится в это вникать. Загадочность этого, как я уже говорил, временами ощущается, но в более глубокие подосновы люди не хотят вникать, ибо им это неудобно, ибо они хотят принимать человека, каков он есть, не думая, что человеческое существо включает в себе взаимосвязи, простирающиеся в космические миры, по ту сторону пространства и времени, и что человек совершенно необъясним с позиций своих житейских проявлений, если не проследивать эти взаимосвязи. Таков мощный, впечатляющий факт: сон приносит пользу нашей интеллектуальности, даже гениальности, — ибо и гений тоже приносит из своего сна нечто, чем пропитывает свою меркуриальную и солевую составляющую, более того, на этом основывается рост гениальности, — но что касается морали, то ею человек постепенно проникается здесь, на физическом плане.

Опорой моральной жизни для земного человечества является Импульс Христа. Поэтому так важно — я об этом часто говорил с других точек зрения, — обрести Импульс Христа именно здесь, на физическом плане. И это необходимо постигнуть с разных точек зрения. Из этого следует, что если кто-то инстинктивным путем обретает импульсы Мудрости (так как эти импульсы поступают нам во сне), так что мы можем изобретать наисложнейшие машины и принимать участие в научно-техническом прогрессе, то это совершенно не связано с моральным развитием, ибо оно, собственно, находится в совершенно другой сфере.

Такие вещи нынешним людям кажутся неудобными. И тем не менее, они должны стать известными, если мы хотим

преодолеть нынешний хаос. С этими истинами дело обстоит необычайно серьезно. Человечество не продвинется в развитии, если эти истины не вступят в земную жизнь. Ибо боги не хотели сделать людей автоматами, чтобы затем на них автоматически воздействовать, но пожелали одарить их свободной волей, дабы они могли познавать, благодаря чему могут продвигаться вперед. Причем аргумент: почему боги не вмешиваются? — не является аргументом. Должны делаться попытки духовного познания; и если такая попытка однажды не увенчалась успехом, то из этого не надо делать ложного вывода, а следующие поколения должны тем более иметь повод действовать в направлении дальнейшего духовного развития.

В последнее время я вынужден был много заниматься одной такой многозначительной попыткой, которая однажды была предпринята и в то время не увенчалась полным успехом. Это связано с первой частью моей статьи, которая будет иметь продолжение, о «Химической Свадьбе Христиана Розенкрейца в 1459 году» для журнала «Рейх»*. «Химическая Свадьба Христиана Розенкрейца в 1459 году» была написана в начале XVII столетия. Уже в 1603 году ее могли читать, а вышла она в 1616 году. Ее автором был Иоганн Валентин Андреэ; но этот Валентин Андреэ написал и другие работы: так называемые «*Fama fraternitatis*» и «*Confessio*». Примечательные сочинения, о которых наплетено много всякой всячины. Я сегодня не стану вдаваться в эти сочинения, укажу только, что они несут в себе важные импульсы, хотя поначалу могут произвести впечатление сатиры: импульсы к углублению природопознания в направлении к духу — можно сказать «духопознания природы» — до той грани, когда благодаря углубленному постижению законов природы раскрываются также законы социальной жизни людей, человеческого общежития.

Это область, в которой особенно трудно отличать майю, заблуждение от действительности. Те мотивы, которые мы сами подчас приписываем своим поступкам или посторонние приписывают нам, не являются истинными. Такое положение вещей может огорчать, но, как я уже часто говорил, эти мотивы не являются истинными. И социальные роли, которые люди играют во внешней социальной жизни, тоже не являются подлинными. Ведь внутренний человек в большинстве случаев представляет собой нечто иное, нежели внешний человек в социальном бытии и нежели то, чем он кажется самому себе. Как глубока вера в то, что мы

действуем, повинуюсь тому или иному мотиву! Большинство считает, что повинуется совершенно безличным мотивам, тогда как на самом деле истинный мотив — не что иное, как грубейший эгоцентризм. Но это остается неизвестным, потому что в отношении себя и своих социальных взаимосвязей живут в области майи. И по этой причине проникнуть к реальности можно только, если глубоко прозревать в существо этих взаимосвязей.

Среди прочего Иоганн Валентин Андреэ хотел также глубже заглянуть в эти взаимосвязи. Прозревать в действительность, преодолевая майю, — к этому пришел, в числе прочего, и Иоганн Валентин Андреэ. Но, естественно, он не был легковером, считающим, что можно что-то изменить при помощи тех тирад, которыми современные горе-педагоги и иже с ними хотят реформировать мир; напротив, он отдавал себе отчет, что сначала надо глубоко заглянуть в природные взаимосвязи, чтобы открыть природу духа. Тогда и можно ухватить те нити, что действительно связывают человека с духовным. Но тогда можно впервые узнать, какие действительные социальные законы требуются человеку. Нет возможности размышлять о социальных взаимосвязях, если человек думает научно в современном смысле слова, ибо природа, а также социальная жизнь открываются ему совершенно поверхностно. Иоганн Валентин Андреэ искал глубины природы и социальной жизни. Только там, в глубине, они впервые соприкасаются. Реальность такова: если вы представите себе границу между майей и действительностью, то вы, с одной стороны, имеете как бы провал для природы, а с другой — провал для социальной жизни. И только когда прозревают в глубины, обнаруживается: там они соприкасаются.

Но так глубоко люди не заглядывают; они остаются при поверхностном наблюдении законов природы, а затем много говорят о социальной жизни, основываясь на самых разных чувствах и собственной поверхностности. Так не станешь знатоком взаимосвязей, как к этому стремился Иоганн Валентин Андреэ; в лучшем случае — прошу прощения, но подчас приходится называть вещи своими именами, — становятся каким-нибудь Вудро Вильсоном, у которого все вообще лишено связей. А Иоганн Валентин Андреэ искал взаимосвязи. Это стремление пронизывает такие его труды, как «*Fama fraternitatis*» и «*Confessio rosicrucii*». Они были адресованы правителям государств и государственным деятелям его времени, это была попытка основать

социальный порядок, который должен был соответствовать истинному положению вещей, а не майе. «*Fama fraternitatis*» появилась в 1614 году, «*Confessio*» — в 1615 году, а в 1616 — «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца», написанная уже в 1603 году. А в 1618 году началась Тридцатилетняя война, которая смела все то благородное, к чему были устремлены «*Fama fraternitatis*» и «*Confessio*».

Мы живем в такую эпоху, когда один год войны по своей разрушительности равен тогдашнему десятилетию. За нашими плечами мы уже имеем Тридцатилетнюю войну, если мерить меркой тогдашних времен.

Попытайтесь понять все это как некую идею, которую вы можете принять в свою волю и устремление и которая выступила таким образом в XVII столетии, но была пресечена событиями Тридцатилетней войны. И я уже говорил: если это только попытка, то позднее не надо отвращаться от ее повторения, а наоборот, приложить тем большее старание, чтобы повторную попытку не постигла неудача. Но для этого необходимо действительно познать жизнь.

Теперь мне хотелось бы связать эти рассуждения с теми, что проводились мной в прошлом году и в начале этого года. Я обращал ваше внимание на примечательную особенность хода всей человеческой жизни, всей эволюции человечества. Я указывал на то, что, тогда как отдельный человек, отдельный индивид с возрастом стареет, человечество в целом проходит противоположный процесс. Человечество в целом некогда было старым и постоянно становится все моложе. Если мы обратимся к древним временам — для наших рассуждений достаточно дойти только до границы между атлантической и постатлантической эпохами, то есть дойти до атлантической катастрофы, — то сначала мы возвращаемся в древнеиндийскую, праиндийскую эпоху. Там отношения внешней жизни были совершенно другими; человечество в целом оставалось способным к развитию до 50-летнего возраста и больше. В наше время мы способны к развитию только в детском возрасте вплоть до достижения определенного юношеского возраста, так как тогда телесное развитие связано с душевно-духовным. Ребенком вплоть до достижения юношеского возраста мы проходим физическое развитие параллельно с душевно-духовным. Затем это прекращается. А в древнеиндийскую эпоху душевно-духовное развитие человека оставалось зависимым от его телесного развития вплоть до пятидесятих годов его жизни. Человек продолжал развиваться, как развивается ребенок, и это

прекращалось, когда он становился стариком. Вот откуда происходит тогдашнее безусловное и смиренное почитание старости.

Затем наступила праперсидская эпоха. В это время люди были способны к развитию уже только до наступления сорока-пятидесяти лет, начала пятидесятилетия; затем, в египто-халдейскую эпоху — только до сорокалетия. Потом наступило греко-латинское время; тогда люди оставались способными к развитию только до 35-летнего возраста. А затем наступает момент — вам ведь известно, что греко-латинская эпоха начинается в восьмом столетии до Мистерии Голгофы, — когда человечество было способно к развитию только до 33-летнего возраста. Это было время, когда произошла Мистерия Голгофы. Возраст человечества встретился с возрастом Христа в момент прохождения Мистерии Голгофы.

Затем человечество становилось все моложе. В начале пятой постатлантической эпохи, в XV столетии человечество было способно к развитию только до 28-летнего возраста и на том и застыло, а в наше время мы уже пришли к тому, что люди, если полагаться только на природу, вообще могут достигать только 27-летнего возраста. Тогда как в древние времена человек до глубокой старости был способен развиваться, современный человек завершает развитие, идущее само по себе и зависящее от его телесности, к 27 годам, если не приходит внутренний, душевный спиритуальный импульс и толкает к дальнейшему развитию. А те, с которыми этого не происходит: которые не получают внутреннего импульса к развитию, которые не принимают духовное, — те остаются в наше время в 27-летнем возрасте, хотя бы им стукнуло 100 лет. Это значит, что они несут в себе особенности, признаки 27-летнего возраста. А так как люди избегают искать внутренних, спиритуальных импульсов, то мы имеем в наши дни такую культуру, такую социальную жизнь, которая соответствует 27-летнему возрасту. Во внешней социальной жизни мы не перерастаем 27-летнего возраста. 27-летний возраст властвует над человечеством. Если так пойдет дальше, человечество придет к 26, 25, 24-летнему возрасту, в шестой постатлантической эпохе — только к 21-летнему возрасту, а позднее — к 14-летнему.

Необходимо прозревать такие вещи, причем они должны восприниматься не пессимистически, а так, чтобы в нас рождался импульс обратиться к спиритуальной жизни и

восполнить изнутри то, чего природа нам больше не может дать.

Это показывает с совершенно другой стороны, насколько спиритуальные импульсы необходимы для культуры. Типичные современные люди из числа ведущих сегодня таковы, что они не выросли за пределы 27-летнего возраста. Но они задают тон. Что же больше всего задает тон? Скажем, если в наше время рождается инициативный человек, который не слишком сильно поддается общепринятому, а отдается природному началу, избегнув преобладающего внешнего влияния, то тогда самым характерным в нем будет то, что исходит от него самого. Воспитание накладывает на многих свой отпечаток. Но возьмем вполне типичного человека, который несет в себе только признаки современности, который, может быть, родился в бедной семье и не имел возможности получить воспитание (оно во многом базируется на традициях), а давал воздействовать только тому, что прямо вытекало из его социального положения: он подрастает, становится активным, потому что в современности приветствуется, когда человек до 7, 14, 21 года проявляет активность, и к 21 году, возможно, станет весьма энергичным человеком. Но если он не хочет духовно развиваться, если является таким типичным человеком современности, то он застывает на 27-летнем возрасте. А если он является идеально типичным человеком современности, то должно произойти примерно следующее: в 27-летнем возрасте он достигнет определенного рубежа, то есть ситуация, в которую он вступит с наступлением 27 лет, не даст ему продвинуться дальше, так как он полностью вписался в жизнь. При нынешнем социальном положении это может возникнуть благодаря тому, что такой человек после того, как он стал тем, что называется самородком*, с огромной энергией, разнообразной предприимчивостью в рамках возможностей своего времени, в 27-летнем возрасте избирается в Парламент. Когда кто-то избирается в Парламент, то он настолько вписан в ситуацию, что не может отступить от определенных вещей и остается при них (к этому привело современное развитие), и тогда человек становится истинным представителем этой современной стадии развития. А поскольку Парламент является идеалом современности, то именно Парламент является заметным рубежом для человека, который отклоняет все, что несет ростки будущего, и целиком вращается во внешнюю ситуацию — словом, остается 27-летним. Итак, такой человек в

возрасте 27 лет в качестве человека сильного, энергичного, несущего импульсы своего времени, вступает в Парламент. Через некоторое время он выходит из Парламента, но уже в ранге министра. Затем он продвигается дальше, становится авторитетной личностью современности. Но он становится *всего лишь* человеком современности, типичным 27-летним.

Такой человек существует. Он так сроднился с обстоятельствами своей жизни, что воспринимал только то, что приносили сами эти обстоятельства, а не традиционное; он сделался сильным, энергичным человеком, опираясь на эти обстоятельства, — человек, который к своим 27 годам уже прошел огонь и воду и точно в 27-летнем возрасте был избран в Парламент, причем в начале в качестве неудобного оппозиционера, а затем сделавшего молниеносную карьеру и ставшего своего рода флюгером современности: и это Ллойд Джордж*. Трудно представить себе более типичного человека современности, чем Ллойд Джордж. И тот простой факт, что этот самородок в ту самую неделю, когда ему исполнилось 27 лет, был полностью ангажирован жизнью, будучи избран в Парламент, — этот факт указывает на то, насколько представительным, типичным для современной жизни он является — *для* той современной жизни, с которой должно быть покончено и на место которой в 27-летнем возрасте должны вступить спиритуальные импульсы.

Так проникают в те факты — если хотят прозревать жизнь изнутри, — которые другие не замечают, как во сне, — в важнейшие события современности. А знатоку внутренних взаимосвязей представляется весьма многозначительным, что такой «сделавший себя человек» именно в 27-летнем возрасте избирается в Парламент и там находит себя.

Это факты, которые человек должен постепенно наблюдать и принимать в расчет, — факты, из которых должны быть познаны глубокие взаимосвязи, имеющиеся в жизни, и мимо которых люди охотно бы прошли, потому что они им неудобны. А неудобны они потому, что свои страсти, свои эмоции, которые порождает внешний мир, они охотнее переживают на инстинктивном уровне, нежели стремятся прийти к их познанию, ибо они хотят переживать мир, исходя из этих эмоций, а не из самих себя.

Об этом мы поговорим завтра.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 1 октября 1917 г.

Я попробую в цикле лекций, который собираюсь вам теперь прочитать, дать нечто связующее, чтобы вы могли

понять современность и ближайшее будущее, по крайней мере, с одной определенной точки зрения. Но и дальше мне придется многое давать выборочно. Поэтому необходимо предусмотреть, чтобы через все лекции проходила, как теперь говорят, красная нить и отдельные частности были бы связаны с целым. Я буду подходить к теме с разных сторон, устанавливая разные краеугольные камни, которые подчас выглядят далеко отстоящими друг от друга, но все это необходимо для понимания современности.

В наше время (а под этим временем я, собственно, подразумеваю достаточно длительный отрезок, который охватывает несколько десятилетий в прошлом и в будущем) необходимо особенно обратить внимание на следующее. Должны быть высказаны истины, которые во многих отношениях прямо противоположны тому, во что современное человечество не только верит, но считает более или менее самоочевидным, так что позиция духовной науки в отношении общепринятых в мире мнений может быть выражена так: духовная наука сообщает то или иное; в мире бытует не просто несколько иное, а во многих отношениях прямо-таки противоположное мнение о том, что духовная наука возвещает как истину. В результате понятно, что люди воспринимают духовнонаучные истины как нечто невероятное, извращенное и бессмысленное.

Но необходимо сказать: если в другие времена истины, которые должны были быть возвещены, дабы вести в грядущее, отличались от расхожих мнений тогдашних людей, если во все времена существовало определенное различие между прогрессивной истиной и мнениями в той или иной стране или во всем мире, то такого огромного, такого решающего разрыва, до какого дошло человечество именно в наше время, не бывало никогда. Может быть, это не совсем верно в абсолютном смысле, но в относительном дело обстоит так, что современные люди внутренне совершенно нетерпимы и не переносят мнений, которые хоть сколько-нибудь отклоняются от их собственных.

Итак, субъективное чувство фантастичности в отношении новоприходящих мнений в ближайшем будущем будет охватывать наших современников сильнее, чем это бывало в этой области в прежние времена. Ибо дело обстоит так, что истины, которые вплоть до наших дней строго сохранялись в узких кругах и которые сообщались только дававшим обет строжайшего умолчания перед теми, кому они не могли быть сообщены, — такие истины должны в наше время все больше

сообщаться открыто, независимо от того, как относится к ним господствующее мнение и его носители, независимо от того, какие предрассудки и заблуждения им противостоят.

Почему это так, об этом мы еще поговорим в ходе этих лекций. Сначала я только укажу на отдельные особенности восприятия этих истин со стороны наших современников и грядущих поколений. Во многих отношениях наши современники, несмотря на их убежденность, что они далеко поднялись над иллюзиями и суевериями прошедших эпох, сплошь легковерны и в гораздо большей степени, нежели в былые времена, склонны предаваться иллюзиям относительно определенных существенных и важных сторон миропорядка, причем в такой степени, что эти иллюзии становятся силами, властвующими над миром, над народами, над всей землей. Это очень важно, ибо во всем хаосе современности — потому-то он и является хаосом — господствуют именно иллюзии, иллюзорные представления.

Мы хотим сразу же указать на одну такую, если можно так выразиться, капитальную иллюзию, на принципиальную иллюзию современности — на иллюзию, которая внутренне связана с материалистической направленностью эпохи, с тягой людей к материализму. Эта иллюзия отличается тем, что люди все больше стремятся составить себе совершенно ложный взгляд на то, что мы в нашем духовнонаучном познании именуем физическим планом. И все менее становится понятным одно изречение из Нового Завета, которое является основополагающим в этом отношении, все менее понимаются слова: «Царство Мое не от мира сего»*. Это изречение настолько превратно понимается современностью, что именно популярные политики, ведущие деятели современности предаются иллюзии, что во всех отношениях их царство должно быть от этого мира, их царство должно быть возведено на физическом плане.

Что я имею в виду? Кто способен видеть реальность, кто способен прозревать действительность, тот знает, что мир физического плана никогда не сможет стать совершенным. А тот, кто мыслит материалистически, тот предается иллюзии, что на физическом плане может быть достигнуто что-то совершенное. Вот источник всех иллюзий, из которых особенно характерной является социалистическая иллюзия современности.

Ведь иллюзии руководят в наше время нюансами мнений, партийными различиями людей и тому подобным. Люди либеральных взглядов конструируют определенные

образования на физическом плане и думают, что если им удастся эти образования провести в жизнь, то возникнет рай на земле. Социалисты опять-таки думают ни о чем ином, как обустроить мир этого физического плана так, чтобы все на физическом плане было хорошо, чтобы каждый имел возможности для особо приятного существования в том смысле, как его себе представляют: все общедоступно и так далее. И когда такие люди начинают рисовать себе будущее устройство физического плана, то всегда возникает прекрасный райский мир. Проверьте, насколько планы тех, кто причисляет себя к различным социалистическим партиям, идут в этом направлении!

Но не только с этой стороны нам встречаются такие воззрения и мнения. Возьмите, например, педагогов. Само собой, в наше время любой пропагандист или писатель убежден в том, что он должен основать такую систему воспитания или выдвинуть такие принципы воспитания, которые превзойдут все, что только можно помыслить, причем они будут лучшими в абсолютном смысле, то есть ничего лучшего невозможно придумать.

Перед нами такое устремление, отклонять которое выглядит настоящим ретроградством. Ибо в наше время положение вещей таково, что вряд ли кто-то мог бы сказать что-то другое, чем: если кому-то не нравится, чтобы мир был устроен на самом лучшем фундаменте, значит это совсем дурной человек. И можно понять такой образ мысли. Но что если вовсе не дурные наклонности препятствуют такому пониманию, а ясное, честное восприятие действительности, которое говорит нам: верить, что на физическом плане может быть достигнута такая степень совершенства, значит попросту предаваться иллюзиям. Если бы существовал такой закон, что на физическом плане никогда не будет достигнуто совершенство, наподобие закона, что три угла треугольника составляют 180 градусов, то эту истину надо встречать мужественно и отважно.

Такие иллюзии — результат исключительно материалистических предпосылок. Когда в наши дни многие говорят, что верят в духовный мир, то это только слова; у большинства это остается пустым звуком, сотрясением воздуха. Ведь в ощущениях, в чувствах, в подсознательных импульсах человека таится нечто иное — стремление к материалистическому мышлению. И это стремление, ведет к тому — даже если утверждают, что верят во что-то другое, — что верят только в происходящее на физическом плане. И

тот, кто верит только физическому плану, кто не верит, что в его окружении нет ничего кроме физического, тот ведь не может поступить иначе, как признать в качестве единственно возможного идеала происходящее в физическом мире, то есть что рай может быть построен на земле; иначе весь мир превращается вообще в бессмыслицу. Для материалиста не существует никакой другой возможности, если он не хочет признать весь мир бессмыслицей, как предаться той иллюзии, что хотя происходящее сейчас на физическом плане поистине далеко от совершенства, но может быть достигнуто такое состояние, когда этому несовершенству наступит конец и его место займет совершенство.

Все, что пропагандируется в этой области в наше время — будь то общие интересы, за которые на словах борются всевозможные политические, социальные и прочие агитаторы, будь то отдельные частности, скажем, из области педагогики или других областей, — все покоится на иллюзиях. А иллюзии, в свою очередь, покоятся на том, что утрачено прозрение в то, как физический план соотносится с другими мировыми сферами, утрачена возможность составить себе представление о том, почему Христос Иисус сказал эти слова: «Царство Мое не от мира сего», почему Христос Иисус не пожелал здесь, на физическом плане, осуществить царство совершенства. Нигде в Евангелиях не найдешь указания, что Христос это царство внешнего физического мира хотел преобразить в царство совершенства. Ясно, что такой иллюзии Христос никогда не предавался. Но Он восполнил это отречение от рая на физическом плане тем, что хотел дать людям нечто не от этого мира: пронизать душу импульсами, которые продолжали бы жить в мире, но происходили бы не от этого мира, то есть не от физического плана.

Эти иллюзии охватывают сегодня самые широкие круги человечества. Но это влечет за собой нездоровые социальные отношения. Ибо ясно, что эти иллюзии могут быть восприняты людьми: они ведь наделены свободной волей. Но в более материальных областях подобные иллюзии сразу обнаружат себя как иллюзии. И те лазейки, которые в теоретическом плане эти иллюзии находят, сразу же обнаруживают свою иллюзорную природу. Но в широком разрезе социального и политического общежития эта иллюзорная природа обнаруживается не сразу.

Я вам часто рассказывал: когда я был молодым школяром, годов этак 22-23, ко мне прибежал одноклассник с пылающим

лицом, страшно возбужденный, и сказал, что сделал важное, эпохальное открытие. Ну, говорю я, это прекрасно, а что с ним делать? Как, говорит он, мне надо немедленно мчаться к Ратингеру (так звали профессора машиностроения в Высшей школе) и рассказать ему! Сказано — сделано, он помчался к Ратингеру, но тот был занят и попросил прийти позднее. Тогда я сказал: может быть, ты мне пока что расскажешь (у нас было немного времени), что такое ты изобрел? Это оказалось весьма остроумной штукой. Он изобрел такой паровой двигатель, в который надо было только вначале положить немного топлива, чтобы разогреть машину; а после не надо было больше добавлять угля, так как потом машина двигалась своим ходом. Надо было сделать только единственный толчок. Естественно, это было бы чем-то эпохальным. Вы, наверное, удивлены, почему до сих пор это никому не известно! Я выслушал все его объяснения и тогда сказал ему: знаешь, все это очень остроумно; но если взять вещь в целом, то это не что иное, как если бы ты захотел привести в движение железнодорожный вагон, забравшись в него и толкая его изнутри. Если кто-то толкает вагон снаружи, то, естественно, он может его сдвинуть; но если он находится внутри, то при всей затрате энергии он не сдвинет вагон ни на миллиметр. Но ведь все сводилось к этому.

Нечто может быть построено необыкновенно логично, необыкновенно остроумно, с применением всевозможных технических принципов, и, тем не менее, быть бессмыслицей, пустой выдумкой. И дело не в остроумии, не в логике, а в том, чтобы думать сообразно действительности. После этого разговора он уже не пошел к Ратингеру.

Конечно, в области материального, в сфере механики, такие вещи сразу обнаруживаются. Но в области социальной, в политической сфере, вообще в той сфере, которую можно назвать способом осчастливить мир во всех смыслах, это обнаруживается не сразу. Можно и другими подобными вещами заставить людям глаза — они поверят. Но ведь самый принцип состоит в том, что человек-то находится внутри вагона и прикладывает энергию изнутри. Однажды наступит время, когда современный порядок вещей будут называть по одной его характерной черте, которая типична для внутренне совершенно иллюзорного, оторванного от реальности мышления. И очень может быть, что в будущем станут говорить о вильсонизме начала XX века, ибо этот вильсонизм в политической сфере — то же самое, что попытки сдвинуть вагон изнутри.

Все понятия, которые относятся к арсеналу вильсонизма и которые производят в наше время такое сильное впечатление, — это насквозь нереальные понятия, независимо от того, что они по совершенно другим причинам все еще имеют огромное влияние на современников. Они именно потому и оказывают неслыханное влияние, что их невозможно провести в жизнь. Стоит провести их в жизнь, как сразу станет ясной их никчемность. Но зато можно воображать, что нечто подобное осуществимо. Если бы можно было провести в жизнь именно вильсонизм, то по всему миру распространилась бы страшная обывательщина. Ибо Вудро Вильсона* можно по праву назвать Спасителем всего обывательского. И хотя как раз обывателям пришлось бы несладко в мире вильсонизма, да его и невозможно воплотить, но обыватели, по меньшей мере, представляют себе: если бы вильсонизм покорил мир, то воплотились бы наши идеалы.

В будущем станут рассказывать: в начале XX столетия возникло поразительное устремление: как сделать мир идеальным отображением обывательщины? И станут анализировать вильсонизм, дабы иллюзии этой обывательщины представить как основную особенность начала XX столетия.

Итак, вы видите, имеются не только мелкие, но и значительные примеры иллюзорного мышления современности. И в наше время не только какие-то богом забытые секты, но и весьма распространенные сообщества фанатиков предаются такому оторванному от реальности, иллюзорному мышлению.

Но в наше время миру должны быть возведены важные, решающие, подлинные истины. И они будут по названным причинам мало созвучны общепринятым мнениям, исходящим из имеющихся доселе предпосылок. Для понимания этих истин должны быть созданы другие предпосылки. Истины, которые должны прийти, имеют для нынешних широких кругов нечто отталкивающее: они неудобны, поистине неудобны. А те истины, которые нравятся людям сегодня, удобны, они соответствуют уже наличествующим задаткам.

Некоторые из этих неудобных истин мы должны будем изучить в ходе этих лекций. И те истины, в которых нуждается мир и которые должны быть возведены, исходя из определенного высшего чувства ответственности, прежде всего не должны ограничиваться только физическим планом,

ибо они предназначены искоренить иллюзии, которые строятся относительно физического плана, и на их место выдвинуть реальное. Ведь наибольшее число легковых и фантазеров встречается сегодня среди тех, кого менее всего принимают за фантазеров. Здесь можно сделать прямо-таки поразительные открытия.

Недавно мне был послан некий «Лексикон», где перечислены имена авторов*. В него включены имена всех писателей, которые являются в какой-то степени носителями иудаизма, — в смысле реализации иудаизма в мире, над которой трудится иудаизм. И я тоже внесен в этот список, причем на том основании, что я имею, по мнению составителя этого литературного «Лексикона», много общего с Игнатием Лойолой, который основал иезуитство как раз по причине своего иудейства, а кроме того потому, что я появился на свет по случайности рождения в пограничной области между немцами и славянами, хотя я (по крови) происхожу не оттуда, и потому, что это — не знаю, по каким причинам, — должно указывать на мое еврейское происхождение. В этой связи не приходится особенно удивляться, ибо в наше время происходят гораздо более удивительные вещи, не правда ли? Но среди тех, кто назван в этом списке в качестве поощрителя иудаизма, приводится также имя Германа Бара**, — оно мне попало, когда я пролистывал книгу, — который является настолько типичным австрийцем, что поистине совершенно невозможно приписать ему хотя бы каплю еврейской крови или каким-либо образом привести в связь с иудейством. И несмотря на это, в этом «литературном Лексиконе» цитируется в качестве источника один известный историк литературы*** в доказательство того, что Герман Бар непременно должен иметь что-то еврейское.

Конечно, когда мне однажды было приписано — ведь это не впервой, — что я еврей, я дал сфотографировать свою метрику. Герману Бару следовало проделать то же самое, когда со стороны этого историка литературы ему было приписано еврейское происхождение. Ведь тот собирался раскрыть правду. И он говорит: ну да, но ведь его дедушка мог быть евреем. Но, к сожалению, среди предков Германа Бара нет буквально никого, кто не был бы австрийско-немецкого происхождения; другого просто невозможно доказать. Это, естественно, было бы убийственно для названного историка литературы, но своего мнения он не изменил. А то, почему он этого не сделал, он обосновывает

так. Он говорит: даже если бы Герман Бар представил мне метрики своих предков за двенадцать поколений и в них не нашлось бы ни с одной из сторон ни капли еврейской крови, тогда я был бы вынужден поверить в реинкарнацию. Так что вы видите: основания веры в реинкарнацию лежат у этого многочитаемого и известного литературного историка в весьма своеобразной области.

В наши дни подчас трудно вообще принимать всерьез то, что говорят знаменитые люди. Беда только в том, что слишком трудно убедить широкие круги в этих вещах. Ведь люди привыкли верить авторитетам, хотя повсеместно утверждается противоположное! Но им это только кажется. Мы уже вчера имели случай кое-что сказать относительно мнений, которые люди составляют о себе самих.

Этой современности, которая подчас отклоняется от истины, повинаясь основному инстинкту, будет особенно трудно воспринять те истины, которые относятся к пограничной области, непосредственно прилегающей к физическому плану. Ибо последняя требует апелляции к здоровому, неиспорченному душевному складу тех, кто о ней слышит. И как раз возвещению таких истин, которые, тем не менее, должны быть возвещены, строятся наибольшие из мыслимых препятствий. Но не просто созерцание этих истин, а уже только ознакомление с ними имеет значение для всего душевного склада человека.

То, что из внешних познаний относительно физического плана воспринимается человеком, уже оказывает определенное воздействие, скажем так, на его голову. Но те истины, что уходят вглубь, даже если глубиной является указанный уровень пограничной области, — такие истины затрагивают всего человека, не просто голову, а всего человека. Но при возвещении таких истин надо рассчитывать на здоровый, неповрежденный склад души.

Конечно, во многих сферах жизни неповрежденный, здоровый душевный склад в наше время вещь довольно редкая. Более того, нездоровый, поврежденный склад души в наше время отнюдь не редкость. Так что при восприятии истины огромную роль играет инстинктивная жизнь, влечения, весь душевный строй, весь склад души того, кто хотел бы воспринять эти истины. Люди с извращенными инстинктами, лишённые воли, не контролирующей жизненную ситуацию, быстро захотят — как раз, когда речь идет об истинах, касающихся этой пограничной области, — наполнить эти истины низменным содержанием. Это может

очень легко произойти. Когда люди не имеют здорового интереса к объективным мировым процессам, когда прежде всего интересуются тем, что связано с ними самими, то душевный строй подчас принимает столь извращенные формы, что как раз оккультные истины и, в частности, относящиеся к этой пограничной области, не встречают соответствующего инстинктивного отклика.

Что касается истин физического плана — всего того, что происходит на нем, и который так сильно преобразован современными людьми, — обо всем этом, можно сказать, сама природа позаботилась, чтобы люди не смогли сильно его извратить. Люди еще настолько находятся под гнетом природы, что не могут дать волю своим инстинктам, а должны подчиняться природной необходимости. Но когда переходят от физического плана к этой пограничной области, то сдерживающее начало природы больше не действует; тогда человек должен подлежать другому руководству, подчиниться внутренней защите душевной жизни. Но это осуществимо только тогда, когда отрываются от физического плана с неиспорченным душевным строем; иначе человек становится разнузданным в этой пограничной области. Человека больше не сдерживает внешняя природа, не сдерживают нажитые социальные навыки, он становится разнузданным. Человек сразу чувствует себя свободным и не может распорядиться этой свободой. В физическом мире, к примеру, многое препятствует лжи. Если кто-то в шесть часов вечера вздумает утверждать, что сейчас восход солнца, то сама природа очень быстро внесет свои коррективы. И так обстоит дело со множеством вещей, относящихся к внешнему физическому миру. Но когда кто-то несет всякий вздор относительно высших миров (хотя бы это касалось только этой пограничной области), то внешний мир не сразу сможет внести коррективу. Вот причина того, почему люди, которые сдерживаются только ярмом, накладываемым на них физическим планом, могут стать разнузданными.

В этом состоит одна из величайших трудностей, с которыми сталкиваются сообщения, касающиеся истин духовного мира. А опорой этого должно быть сознание того, что эти сообщения попросту необходимы. Не надо забывать, что истины о духовном мире не могут быть восприняты тем же самым душевным строем, что и истины, касающиеся внешнего физического мира. Истины о духовном мире мы можем только тогда воспринять душой, когда наши эфирное и астральное тела как бы несколько высвобождены; иначе

человек услышит только слова. Надо уже иметь такое душевное состояние (ведь *для* феноменологии субъективной душевной жизни это всего лишь душевное состояние), уже надо как бы высвободить эфирное и астральное тела, если нужно правильно понять относящееся к духовному миру. Это высвобождение должно быть только средством понимания именно истин духовного мира. Оно не должно использоваться в эгоистических целях. Если оно используется в эгоистических целях, то может быть худо.

Подумайте только (я приведу крайний случай): кто-нибудь слушает духовнонаучную лекцию, но не за тем, чтобы получить прозрение в духовные миры (что было бы правильно), но слушает потому, что считает ее содержание особенно мистическим. Итак, он станет слушать, будучи как бы пропитанным содержанием говорящегося, так как его эфирное и астральное тела несколько высвобождаются. Можно ведь ощутить, как именно во время духовнонаучных лекций (а подчас и во время псевдодуховнонаучных лекций) люди хотят слушать в полудремотном экстазе, не очень руководствуясь самим содержанием, а больше приятным чувством, вызываемым выделением эфирного и астрального тел, и погружаясь в приятную теплоту. Для каких-то других жизненных ситуаций такое «погружение в приятную теплоту» может быть весьма благотворным, но для откровений духовных миров это неконструктивно.

Это должно быть правильно понято. Тот, кто с должным пониманием воспринимает духовнонаучные истины, то есть конкретно прослеживает характер понятий, ведущих к постижению духовного мира, возвышает свою человеческую природу и переживает вещи, которые вообще должны быть постигнуты в наше время ради блага и прогресса человечества. Кто воспринимает эти вещи правильно, тот также ощутит, что его инстинкты, его пристрастия облагораживаются и возвышаются, что одним только вниманием к духовнонаучным истинам он уже развивается в сторону добра. А кто не хочет воспринимать духовнонаучные истины в этом смысле, кто, может быть, воспринимает их из какого-то чисто личного интереса (ибо, допустим, он хотел бы принадлежать к какому-нибудь обществу и не нашел другого более подходящего, чем антропософское), кто вообще прежде всего приносит в общество личные интересы, тот может обнаружить, что духовнонаучные истины воздействуют поначалу на низшие, возможно, на самые низменные инстинкты. Поэтому ничего удивительного, что

люди, которые не столько отдаются предмету, сколько присваивают его себе, чувствуют как раз воздействие на свои низменные инстинкты. Но в наше время этого невозможно избежать по причине того, что это вещи публичные и невозможно ставить ограничения. Правильный подход — когда, опираясь на здравый смысл, человек придет к взвешенному решению о своем участии в такого рода движении. А кто вступает или уходит из общества только на основании личных интересов, этим только обнаруживает, что никогда и не имел желания принадлежать к этому обществу. И вообще, сдается мне, персональную заинтересованность не так уж трудно отличить от объективных познавательных интересов.

Но не приходится удивляться, что при сложившихся общественных обстоятельствах все снова и снова проявляются инстинкты, коренящиеся в низшей природе. И надо с совершенно ясным сознанием взирать на опасности, которые могут выступить, и думать, как их поставить под контроль. Кто правильным образом относится к этим опасностям, тот тем самым их и контролирует. Тем более что в наше время (это относится, в частности, к хаосу, господствующему вокруг) заблуждения в этой области вещь совсем не редкая. Нынешние трагические события заставляют многих перенапрягать свои силы; и те, кто не привык до начала войны тяжело работать, исходя из общих, а не только персональных интересов, в последние три года в разных странах убедились в этой истине. И многие научились работать, причем научились работать, исходя из общественных интересов.

Тот, кто правомерно относится к нашему движению, уже с самого начала имеет этот общественный интерес. Не так заметно, что именно наше время дает огромное число возможностей к некоей лености постороннего, лености незаинтересованного. В наши дни условия войны привели к тому, что существуют люди, которые абсолютно ничем не заняты. Когда такие находятся внутри нашего движения, то это весьма заметно. До начала войны осуществлялось множество лекционных поездок; тогда собирались целые команды людей, которые ездили из города в город слушать мои лекции. И если отсутствовал внешний интерес, то хватало сенсаций, а если последние не приходили извне, то их создавали изнутри сами. А теперь это затруднительно. Теперь это не проходит. А пути к полезной занятости многие не нашли. Так что теперь особенно имеет место тот случай,

когда леность посторонних может завестись и внутри нашего круга — леность незаинтересованных, которые проводят время в разного рода склоках. Поскольку более невозможно занять себя сенсациями и, разъезжая из города в город, слушать мои лекции, сочиняют себе иные занятия. Так что это весьма характеризует те интересы, которые заставляли ездить из города в город.

Тот, чей внутренний долг диктует ему в наше время со всей серьезностью и достоинством выступить в защиту духовнонаучных истин перед миром, тот знает: когда говоришь перед аудиторией, состоящей из ста человек, то более пятидесяти из них потенциально могут стать врагами. Таков закон; такова реальность. Всегда найдется более 50 процентов тех, кто если и не сделаются врагами, то не сделаются по той или иной частной причине, но никогда — исходя из принципиальной позиции. По причинам, на которые мы уже указывали и которые подробнее обсудим дальше, дело обстоит именно так. И в принципе поэтому не приходится удивляться враждебности в отношении представителей духовнонаучных истин. И заняться причинами, породившими эту враждебность гораздо интереснее, гораздо плодотворнее, чем копаться в аргументах, которые часто приводят противники, отлично зная, что это неправда (ибо они ведь отлично знают, что это неправда).

При этом наталкиваешься на множество поразительных вещей. Тогда теряешь охоту вникать в то, во что призывают вникать такие враги. Тогда приходишь к истинным причинам этой враждебности. И это опять-таки не столь удобно, чем вникать в то, что эти люди бросают вам в лицо. Припомните, сколько лет здесь говорилось все снова и снова с той или другой точки зрения о том, на что и сегодня должно быть обращено внимание. Ведь на эти вещи постоянно указывалось. Но к ним необходимо подходить с глубочайшей серьезностью и полным достоинством — вникать в них, как это присуще духовнонаучному движению.

Вы мне поверите, ведь мне надлежит с полной ответственностью руководить этим духовнонаучным движением, у меня есть дела поважней, чем заниматься тем, что там или сям три-четыре человека собрались и занимаются каким-то вздором. У меня есть дела поважней и нет ни малейшей охоты вступать в эти вещи. Но, увы, это встречает мало понимания! Ибо гораздо больше, чем думают, и в нашем обществе пестуются не только

естественнонаучные интересы, но и тяга к сенсациям. В науке, конечно, небезынтересно наряду с культурными растениями изучать также ядовитые, но нужно найти правильную точку зрения. О серьезности и основательности того, чем должна быть антропософски ориентированная духовная наука, только немногие (простите, что я говорю об этом открыто) относящие себя к духовной науке имеют истинное представление. Присутствию серьезность и истинное прозрение в основательность ее, во многих отношениях заняли бы другую позицию по части того, что происходит. Тем самым я, конечно, вовсе не утверждаю, что надо вообще отвернуться от этого. Я говорю как раз противоположное: не надо отвращаться от тех явлений, которые стремятся уничтожить это духовнонаучное движение. Но надо изыскать возможность занять по отношению к ним истинную позицию.

К примеру, кто-то выступит с множеством сочинений о противоречиях, допущенных мной в моих разных трудах, и прочих вещах. Здесь уместно припомнить, что и у Лютера нашли не какую-то пару десятков, но сотни и сотни противоречий. На это он только ответил: одни ослы говорят о противоречиях в моих писаниях*. Если бы они только потрудились понять хоть одну из этих вещей, которая кажется им противоречащей другой! На такие вещи, к примеру, может быть указано. Но в этом нет нужды. Ибо там, где сегодня говорится о противоречиях, лежит вовсе не заинтересованность в поиске и обнаружении таких противоречий, а нечто другое. Например, один человек предложил Философско-антропософскому издательству свою рукопись**. Эта рукопись не могла быть принята Философско-антропософским издательством и должна была быть возвращена. И тогда как раньше этот человек был нашим фанатичным приверженцем, с этого момента он сделался врагом. Истинная причина лежит вовсе не в обнаруженных противоречиях. Если бы истинная причина заключалась в этом, то можно было бы ответить словами Лютера. Но так говорить не приходится, когда знаешь, что причиной тут являются яд и желчь из-за того, что Философско-антропософское издательство уже не в первый раз отвергало его книги. Вот истинная причина. Она лежит в совершенно иной плоскости, нежели заявленная вслух. Тот, кто просто слушает, что говорят другие и какие делаются упреки, тот поистине имеет мало шансов прийти к истине — так же мало, как тот историк литературы, который вынужден был бы,

чтобы поверить в иудейство Германа Бара (и только по этой причине), обратиться к учению о реинкарнации, даже если бы Герман Бар предъявил ему христианские метрики свои предков за 12 поколений.

В наше время много говорится о мужестве современников. Но чтобы оценить те истины, что необходимы человечеству, в охарактеризованном сегодня смысле, — для этого нужно другого рода мужество, внутреннее мужество. Но место мужества в душах огромного количества людей заняла возникшая из удобства трусость. Трусость во многих отношениях — вот причина, почему антропософски ориентированной духовной науке так трудно идти своим путем. Но она им пойдет. И не надо делаться фаталистом. Нет, не надо верить, что без личного содействия все будет правильно и так. Надо привыкнуть (в совсем другом смысле, чем к этому привыкли) к тому, что и я сам буду ко многому не так снисходителен, как раньше. Не приписывайте это какому-то изменению моей воли, а ищите основания к тому во внешних отношениях.

Вы должны понять, что я не могу позволить духовнонаучному движению, которое я представляю миру, простите за выражение, прозябать как ему заблагорассудится. Этого я не должен допустить. Здесь говорит долг более высокий, чем многие предполагают. Я не могу полагаться на то, какого рода сенсации ждут те или другие круги или те или другие недруги. Существуют гораздо более общезначимые и существенные интересы и импульсы, которые надо принять во внимание, нежели чисто персональные амбиции, которые имеются у того или иного недруга. Надо, в некотором роде, уметь отстраняться от чисто личного, которое в наше время кого-то может исключительно занимать, если хотите правильным образом представлять истинно духовнонаучные воззрения.

И теперь я должен в заключение повторить то, что я говорил повсюду, где читал лекции: наряду с самоотверженными, с серьезными приверженцами нашей антропософски ориентированной духовной науки, составляющими большинство наших членов, все больше находится таких, которые глухи, которые ведут себя так, как было бы невозможно, если бы они только внимали услышанному в обществе. И всё снова в кругу таких членов общества возникают вещи, лежащие далеко в стороне от наших устремлений. Подчас сегодня выступают такие вещи, которые относятся к тому, что было задумано, так, что

согласовать их мог бы только настоящий сумасшедший.

В тех кругах — которыми не хочется заниматься, потому что поистине существуют интересы гораздо большие, чем их амбиции, — говорятся такие вещи (и им начинают верить), которые с тем, что намечалось, имеют так же много общего, как навозный жук с часовым механизмом. Просто невозможно свести эти вещи воедино. Тем не менее, они поражают своей фантастичностью, происходящей из диких, необузданных инстинктов. И притом люди, которые дают волю этим фантазиям, прекрасно знают, что в них нет ни единого правдивого слова. Науке такие явления уже известны, но надо делать правильные выводы. И они должны поначалу заключаться в том, что я ввожу два главных правила. Если кто-то будет рассказывать одно правило, а другое пропустит, то он скажет неправду. Оба эти главных правила я приводил повсюду, где в последние месяцы читал лекции.

В целом все частные разговоры, которые я проводил с членами Антропософского общества, прекращаются, больше частных бесед не будет. Ибо все такие частные беседы приводятся в совершенно изолганном виде. Поскольку у меня действительно есть дела поважнее, чем по отдельности опровергать эти дикие фантазии, то нет другого средства, как прекратить все частные беседы. А чтобы те немногие, что имеют истинное эзотерическое рвение, могли развиваться дальше, я позабочусь об этом через некоторое время. Эзотерическое развитие этих людей из-за этого не должно пострадать. Но в целом частные беседы должны быть прекращены. Таково первое главное правило. Не пеняйте на меня, как это уже имело место в отдельных ветвях, где люди говорили, что это очень жесткое правило. Нет, пеняйте не на меня, а на тех, по вине которых возникли эти правила.

Второе состоит в том, что я освобождаю каждого, кто имел со мной частные беседы, от обязанности, насколько ему самому захочется, не говорить об их содержании. Каждый может рассказывать все что хочет, в зависимости от собственного интереса, обо всем, что происходило во время этих частных разговоров, и обо всем сказанном, сколько ему заблагорассудится, сколько он считает нужным. Я никому не препятствую рассказывать все, без остатка и не искажая правды, о том, что говорилось во время этих бесед.

Эти две вещи взаимосвязаны. Одно правило не имеет цены без другого. И, как сказано, если эти правила покажутся вам жесткими, то пеняйте на тех, кто в этом виноват. И если я не

перестану быть снисходительным к этим вещам, они не прекратятся. Как сказано, я другим способом позабочусь о том, чтобы это не нанесло никому вред в их эзотерическом развитии. Я найду для этого пути и средства. Но современное человечество не готово дать такой науке обосновать себя без того, чтобы постоянно не происходили такие уродливые явления, а также неверное толкование этих уродливых явлений. Вот почему должны быть введены такие главные правила.

Кто с серьезностью и достоинством относится к нашему духовнонаучному развитию, тот сочтет более или менее самоочевидными названные два правила после того, что произошло. Может быть, он не поймет всей самоочевидности, но эти оба правила признает сегодня самоочевидными. В будущем все будет происходить в полной открытости. Открытости не надо страшиться! И в этом-то самое позорное: когда истина может быть сообщена вся без остатка, так что на нашем движении не останется ни малейшего пятнышка, тогда обращаются к недочетам прошлого — к приватным разговорам. И если бы отдельные приватные разговоры не привели бы к извращению истины, то не пришлось бы вводить эти главные правила. Но теперь все, что говорилось когда-то с кем-нибудь из членов общества, должно в соответствии с правдой быть рассказано без остатка. Благодаря правде (рассказывайте, сколько хотите) наше движение только выиграет. Понятно, что на самом деле через эту ложь, которая на него изливается, оно ничего не теряет в реальности; но оно не должно терять и репутации, ибо для человечества важно, чтобы то, что в наше время должно быть принесено ему из духовнонаучных подоснов, было подано серьезно и с достоинством.

Итак, я повторяю еще раз: без всякого ущерба для серьезно стремящихся к эзотерике я прекращаю в целом приватные разговоры с членами общества. А то, что говорилось в этих приватных беседах, каждый может, насколько сам захочет, рассказывать без остатка и правдиво. Я снимаю с каждого долг умолчания. Но в той мере, в какой он сам этого пожелает, по его усмотрению; с моей стороны не будет возражений. Я не имею ничего против того, чтобы именно об этих главных правилах, которые могут стать отличительной особенностью нашего движения, рассказывалось как можно шире, чтобы мир увидел, насколько безумными являются те вещи, которые подчас приписываются именно нашему обществу.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 6 октября 1917 г.

Я говорил в предыдущей лекции, что человечеству, начиная с нашего времени, потребуется познать определенные истины о духовных подосновах внешнего мира. И если люди не пожелают, скажем так, добровольно воспринять эти истины, то они принуждены будут учиться им силой устрашающих событий в ходе времен, учиться из самих этих событий.

Теперь может возникнуть вопрос: почему же начиная именно с нашего времени человечеству необходимо ознакомиться с этими отчасти устрашающими истинами, ведь ясно, что эти истины установлены с древних времен и человечество в массе своей охранялось от восприятия этих истин? Ведь в Мистериях множество подобных истин определенным способом заботливо оберегалось, чтобы широкие массы людей не испытали потрясения от них. Конечно, мы часто говорили: страх перед великими истинами — вот что удерживает людей от их восприятия. Но те, кто в наше время испытывают этот страх (а они весьма многочисленны), могут, естественно, сказать: почему же в таком случае не надо продолжать удерживать человечество в состоянии своего рода сна в отношении этих истин? Почему именно это ставшее за последнее время нервным человечество должно воспринять эти великие, устрашающие истины?

Мы хотим немного заняться именно этим вопросом, хотим сначала направить свое внимание на то, как это получается, что, начиная с наших дней, человечество должно руководиться из духовного мира иначе, нежели это было доселе в ходе постатлантического времени.

В предыдущей лекции я уже говорил о пограничной области — той, где духовный мир непосредственно граничит с нашим физически-чувственным миром. Об этом пограничном духовном мире человечество главным образом и должно приобрести познание в самое ближайшее время. Конечно, в области духовного мира все выглядит иначе, чем здесь, в физически-чувственном мире. Там знакомятся с определенными существами — прежде всего с теми существами, вид которых непереносим для слабого человека (я подразумеваю в том числе и тот их вид, который может быть описан в словах и понятиях). Почему же тогда взор человека отводился от этого соседствующего с нами мира до сих пор в течение всей постатлантической эпохи?

Это делалось по той причине, что уже в этой пограничной области, по ту сторону которой есть другие высшие духовные миры, находятся существа, с которыми люди должны были доселе знакомиться только при определенных обстоятельствах, — существа, имеющие определенную задачу во Вселенной в целом, а в частности и задачу, связанную с развитием самого человека. Существуют различные пограничные существа.

Я хотел бы сегодня поговорить с вами об одном классе таких существ, а именно о тех, что в мировых взаимосвязях выполняют свою задачу при рождении и смерти человека. Только не надо думать, что рождение и смерть человека — это то, что открыто внешнему чувственному наблюдению. В процессах перехода человека из духовного мира в физический и обратно, из физического мира в духовный, принимают участие духовные существа. Чтобы иметь какую-то номенклатуру, назовем их элементарными духами рождения и смерти. И действительно, посвящаемые в мистерии рассматривали как свою строжайшую задачу именно об этих элементарных существах рождения и смерти ничего не сообщать широким кругам людей. Ибо говоря о них — о том роде и способе, каким живут эти элементарные духи рождения и смерти, — говорят о той области, которая для человека (такого, каким он развивался духовно-душевно до сих пор в постатлантическую эпоху) выглядит как горящие угли. Можно подобрать также другое сравнение. Изучая более пристально и с полным сознанием существование этих элементарных духов рождения и смерти, познают, собственно, силы этих существ, которые враждебны жизни здесь на физическом плане. Уже одно это должно быть для нормально восприимчивой души потрясающей истиной: управляющие мировыми судьбами божественно-духовные существа должны, осуществляя рождение и смерть человека в физическом мире, использовать такие элементарные существа, которые враждебны ко всему, что на физическом плане человек ощущает и хранит как свое благосостояние и свое благополучие. Если бы осуществилось то, к чему человек особенно стремится: чтобы ему все легко давалось на физическом плане, чтобы он здоровым просыпался и здоровым засыпал, мог безболезненно трудиться и никто не нарушал бы безмятежного хода его жизни, — тогда не могло бы быть рождения и смерти. Но дабы могли быть рождение и смерть, богам понадобились такие существа, которые, собственно, всем своим настроем и миропостижением имеют

тягу к опустошению, к разрушению всего того, что составляет благосостояние человека здесь, на физическом плане.

Надо освоиться с той идеей, что мир устроен не как хотелось бы человеку, а существует то, что в египетских мистериях называлось железной необходимостью. И к этой железной необходимости относится то, что боги используют такие враждебные физическому развитию мира существа, чтобы с их помощью осуществлять рождение и смерть людей. В Мистериях мы взираем на мир, непосредственно граничащий с нашим, который ежедневно, ежечасно имеет дело с нашим миром, ибо на земле ежедневно и ежечасно происходят процессы рождения и смерти. И в то самое мгновение, когда человек пересекает порог этого мира, он вступает в жизнедеятельность этих существ, которые своими повадками, своими вожделениями и своим воззрением являются разрушителями обычной физической жизни человека. Если бы раньше за рамками мистерий широкий круг людей узнал бы о существовании таких существ, если бы людям было сообщено понятие об этих существах, то наверняка произошло бы следующее. Люди, которые совершенно не могут совладать со своими инстинктами и вожделениями, со своими страстями, узнай они, что мы постоянно окружены разрушительными существами, стали бы использовать силы этих разрушительных существ; но не так, как их используют боги, чтобы осуществлять рождение и смерть, а в ходе самой физической жизни. Пожелай кто-то действовать разрушительно в той или иной области, он имел бы богатые возможности воспользоваться услугами этих существ, так как он легко мог бы сделать их своими слугами. И чтобы обычная жизнь оставалась защищенной от разрушительного существа элементарных духов рождения и смерти, эта мудрость подлежала замалчиванию.

Теперь возникает вопрос: не стоит ли, в таком случае, молчать об этом и дальше? Но так тоже нельзя — по определенным причинам. Нельзя потому, что это связано с важным мировым законом. Вместо того чтобы привести его общую формулировку, лучше я поясню его через конкретное проявление в наше время и в близком будущем. Вы знаете, что с недавних пор в развитие человечества все больше вступают культурные импульсы, которых раньше не было, но которые типичны именно для культуры современности. Попробуйте разок в мыслях вернуться к временам, что лежат в относительно недавнем прошлом. Тогда вы попадете в то

время, когда еще не было паровозов, электричество еще не было открыто, — в то время, когда в лучшем случае такой мыслитель, как Леонардо да Винчи, теоретически и экспериментально всего лишь моделировал представление о том, как человек мог бы при помощи инструментов осуществить полет по воздуху. Все это через короткий срок было реализовано. Подумайте только, как много сегодня зависит от употребления пара, электричества, использования дифференцированного уплотнения воздуха, которое привело к воздухоплаванию, или развития механики, которое привело к самолетостроению. Подумайте обо всем, что вступило в последнее время в человеческое развитие. Подумайте о такой разрушительной силе, как динамит и тому подобное, и вы легко сможете себе представить, учитывая быстроту, с какой все это развивалось, что в будущем человечество обретет еще более сказочные вещи в этом духе. Но вы сможете также легко представить себе, что все это противоречит идеалу человечества ближайшего будущего, кому ближе Эдисон, чем Гёте. И все-таки таков идеал современного человечества.

Конечно, современный человек верит, что все это — телеграф, телефон, паровой двигатель и т.д. — возникает без содействия духовных существ. Но это не так. Прогресс человеческой культуры происходит при содействии духовных существ, даже если человек ничего об этом не знает. Неверно то, что представляют себе современные материалисты: будто бы человек просто извлек из своей головы то, что привело к созданию телефона и телеграфа и к появлению паровых двигателей по всей земле; наоборот, все, что человек таким образом производит, находится под влиянием элементарно-духовных существ. Они повсеместно действуют и помогают. Не человек ведет в этой области, а он сам ведом. В лабораториях, на производстве, — словом, везде, где господствует дух изобретательства, имеются инспирации определенных элементарно-духовных существ.

Так вот, элементарные духи, которые начиная с XVIII века импульсируют нашу культуру, относятся к тому же роду, что и те, которых боги используют для осуществления рождения и смерти. Это одна из тайн, которые должны быть известны человеку современности. И упомянутый мною всемирно-исторический закон состоит в том, что в ходе эволюции в какой-нибудь определенной области сначала боги повелевают элементарно-духовными существами, а затем сами люди вступают в эту область и используют эти

существа. И если в древние времена элементарные духи рождения и смерти, в основном, были служителями божественно-духовных правителей мира, то начиная с нашего времени — это действует уже определенное время — эти элементарные духи рождения и смерти являются слугами техники, индустрии, коммерции. Важно, чтобы эта потрясающая истина со всей силой и интенсивностью подействовала на нашу душу.

Начиная с нашего пятого постатлантического культурного периода происходит нечто подобное тому (я часто обращал на это ваше внимание), что имело место в атлантическую эпоху; только тогда это происходило в четвертый атлантический культурный период. Тогда, то есть в атлантическое время, божественно-духовные существа, управляющие развитием человечества, вплоть до четвертого атлантического культурного периода использовали определенные элементарные существа. Они должны были использовать эти элементарные существа, потому что тогда надо было не только руководить рождением и смертью, как сейчас, но потому, что тогда необходимо было управлять еще и другим, более актуальным для земли. Припомните те многочисленные описания, которые я давал относительно атлантического времени* , — как человек еще был более эластичным во всем своем материальном существе, как он при помощи душевного усилия мог вырастать гигантом, а мог оставаться карликом, как все внешнее подчинялось душевному существу. Припомните все это. Тогда как в наше время внешним образом служба, которую несут божественно-духовным существам определенные элементарные существа, отчетливо видна при рождении и смерти, в те времена, когда внешнее определялось внутренним, было так, что и в ходе всей человеческой жизни определенные элементарные существа служили богам. А когда атлантическая эпоха вступила в свой четвертый культурный период, тогда люди сделались в некотором роде повелителями тех же самых элементарных существ, которых раньше боги использовали для роста человека и его физиогномической проработки в целом. Люди стали повелителями определенных божественных сил, и они их использовали. Результатом этого стало то, что начиная с известного момента атлантической эпохи — где-то примерно в ее середине — стремлением определенных людей стало вредить своим ближним: например, задерживать их рост до карликовых размеров или делать их великанами, так что физический организм у них

развивался либо в сторону чрезвычайной смысленности, либо идиотизма. В середине атлантической эпохи существовало нечто, что давало в руки людей устрашающую силу. И, как вам известно из моих указаний, тайна этой силы не была соблюдена. Причем *дело* не в том, что тайна плохо хранилась, а в том, что именно по определенному всемирно-историческому закону то, что ранее было исключительно работой богов, стало работой человека. Но все это во время атлантической эпохи привело к великому беспорядку, сделавшему необходимым закат всей атлантической культуры в ходе последних трех-четырех атлантических культурных периодов. Так что наша культура — это спасенный остаток атлантической культуры, перенесенный на нашу почву, как я это часто описывал. Все это привело к самым разным насильственным действиям. Вам достаточно только припомнить, что происходило в атлантическое время и что я часто здесь описывал.

Сходным образом божественная служба будет перепоручена человечеству, начиная с нашей пятой постатлантической эпохи, на время трех, считая пятый, последних культурных периодов постатлантической эпохи. Мы стоим у самых истоков того развития техники, индустрии и коммерции, в которых проявляют свою деятельность элементарные духи рождения и смерти. Это будет все больше нарастать и делаться все более решающим. От этого человечество невозможно уберечь, ибо культура должна прогрессировать. И культура нашей эпохи, а также будущего, должна быть такой, что элементарные духи рождения и смерти, которые до определенного момента, а именно до сего момента, только осуществляли под руководством богов физическое возникновение и прехождение людей, — что эти элементарные духи теми же самыми силами, которыми они осуществляли рождение и смерть, будут продолжать действовать дальше в области техники, индустрии и коммерции. Но с этим связано нечто совершенно определенное.

Я ведь вам уже описывал, эти элементарные духи, собственно, враждебны человеческому благоденствию и настроены разрушительно. Но надо только понять эти вещи в правильном смысле и не поддаваться заблуждению относительно значимости, судьбоносной значимости происходящего. Культура должна прогрессировать в техническом, индустриальном и коммерческом смысле. Но культура, которая прогрессирует в этом духе, по своей сути

не может служить благоденствию человека на физическом плане, ибо по своей сути она включает в себе нечто разрушительное для этого благоденствия.

Подобные истины неудобны тем, кто без усталости провозглашают величие и мощь культурного прогресса, ибо они оторваны от жизни и не знают ничего о восходящем и нисходящем ходе развития человечества. И наподобие того, как произошел закат атлантической эпохи, чтобы могло прийти другое человечество, так же те, кто в наше время погружен в торговую, индустриальную и техническую культуру, несут в себе элементы, которые повлекут закат пятой земной эпохи. И только тот ясно видит положение вещей, кто утверждает: тем самым мы приступаем к работе над тем, что должно привести к катастрофе.

Вот что такое осознанная железная необходимость. Кто-то удобства ради мог бы сказать: тогда я не буду пользоваться железной дорогой; можно пойти еще дальше, хотя, думаю, еще ни один член Антропософского общества так далеко не заходил, чтобы не пользоваться железной дорогой. Это было бы безумием, чистейшим безумием. Дело не в том, чтобы чего-то избегать, а в том, чтобы обрести ясность, прозрение в железную необходимость развития человечества. Культура не может развиваться только по восходящей линии, а может развиваться волнообразно, постоянно восходя и нисходя.

Но может вступить нечто иное — нечто, о чем современное человечество также не хотело бы слишком много знать, но знать оно как раз должно. Прозрение, встреча лицом к лицу с необходимым — вот что должно проникнуть в человеческие души. Но для этого необходимо многое, что могло бы капитально изменить душевный склад, тип человеческого мировоззрения. Человечество должно проникнуться внутренними импульсами, которые сегодня охотно отклоняются ради комфортного существования. Таких понятий, таких внутренних импульсов, которые охотно отклоняют ради комфортного существования, можно найти великое множество. Разрешите привести только один пример.

Современный человек, когда он хочет быть поистине хорошим человеком, который живет не *для* себя, а хочет служить другим, стремится, конечно, к определенным добродетелям. Это тоже железная необходимость. Само собой, здесь ничего не говорится против стремления к добродетелям, ведь стремиться к добродетелям — это, конечно, прекрасно; но люди стремятся не просто к

добродетелям, и в наше время по большей части дело обстоит так, что само стремление к добродетели — это самоцель, если принять во внимание более глубокие подосновы, подсознательные глубины души. Человеку, стремящемуся к добродетелям, гораздо важнее представляется чувство: я бескорыстный человек, я все делаю не ради себя! Я совершенный человек, я благожелательный человек, я не верю ни в какие авторитеты. После этого он начинает гоняться за всеми возможными авторитетами. Но войти в роль, что ты имеешь ту или иную добродетель, для современного человека бесконечно важнее, чем на самом деле иметь эту добродетель. Сладострастное чувство обладания добродетелью — вот что импонирует человеку больше, чем сама добродетель.

И тогда это держит человека в стороне от определенных тайн, связанных с добродетелями. Люди инстинктивно не хотят много знать об этих тайнах, особенно когда они из описанного чувства сладострастия сделали идеалистами современности. Ведь сегодня обществу предлагаются всевозможные идеалы. Составляются программы, определяются общественные принципы, направления и так далее. Все эти устремления могут быть поистине прекрасными. Но прекрасное абстрактно, оно дел не делает. Надо учиться думать сообразно реальности. И потому можно в связи с этим соответствием реальности указать также и на область добродетели. Совершенство, благосостояние, прекрасные добродетели, права — все это хорошо для внешнего человеческого общежития. Но когда говорят: мы добиваемся того или иного совершенства с помощью наших программ либо же с их помощью пытаемся осуществить благоденствие в каком-то направлении или реализовать те или иные права, — то, как правило, это говорится как нечто идеально абсолютное и подлежащее реализации как нечто абсолютное. Современный человек говорит: почему же, собственно, это не может быть также и прекрасным идеалом — становиться все более совершенным! И что может быть идеальнее, чем сделать своей программой это постоянно растущее усовершенствование! Но это не соответствует законам реальности. Да, правильно и хорошо становиться все совершеннее или, по крайней мере, желать этого, но когда конкретно стремятся к совершенству в каком-то определенном направлении, то через некоторое время это стремление к совершенству делает крутой поворот и превращается в несовершенную реальность. Стремление к

совершенству через какое-то время оборачивается неуверенностью. Добрая воля через некоторое время превращается в предубежденность. Реализуйте какие угодно права, и хорошо если в ходе времени это выльется только в бесправие. Нет ничего абсолютного в этом мире. Такова реальность. Человек стремится к чему-то доброму — в ходе истории оно превращается в дурное. Вот почему надо постоянно обновлять свои устремления. В этом суть дела. По части этих устремлений работает как бы осцилляция — колебание маятника в ту или другую сторону. И нет ничего более вредоносного для человечества, чем вера в абсолютный идеал, ибо это противоречит реальному ходу мирового развития.

Излагая вещи в этом роде, хорошо употреблять определенные понятия, не доказательств ради, а для наглядности. В известном отношении естественнонаучные понятия могут символически сделать наглядными духовные представления. Представьте себе: здесь мы подвесили маятник (рисует). Не правда ли, если маятник отвести в сторону и дать ему свободно упасть, то он возвращается к своему состоянию равновесия. Он проделывает такой путь. Почему он возвращается на то же место? Потому, отвечают, что на него действует сила тяжести. Под действием этой силы отведенный в сторону маятник совершает обратное движение. Но он не остается в покое. Он несет в себе при этом определенную силу инерции. И перемещается в прямо противоположном направлении. Затем он снова совершает обратное движение. Это означает, что, когда маятник проходит этот отрезок пути, он во время предыдущего движения собрал в себе столько силы, что теперь может своей собственной силой переместиться в противоположную сторону. В качестве сравнения бывает нужен такой пример, чтобы дополнительно кое-что прояснить. Можно сказать: какая-нибудь добродетель — совершенство, благожелательность — проделывает в точности тот же самый путь, а затем перемещается на другую сторону. В ходе развития совершенство становится податливостью, благожелательность становится придиричивым пристрастием, право становится бесправием.

Однако такие понятия неохотно воспринимаются современными людьми. Представьте себе, что добропорядочные обыватели основали общество на определенных идеалах, а вы хотите им объяснить: с вашими идеалами в ходе развития через относительно короткий срок

вы придете к прямо противоположному; они вряд ли поверят в ваш идеализм, скорее примут вас за настоящего дьявола. Ибо как же стремление к совершенству не должно все больше переходить в совершенство, а право не должно вести к развитию права! Современному человеку особенно трудно на место односторонних абстрактных понятий поставить реальные понятия. Но этому современный человек должен учиться, иначе не будет прогресса. А также современный человек должен знать, что само культурное развитие делает все более необходимым вмешательство элементарных духов рождения и смерти. И тем самым люди должны признать вмешательство разрушительного элемента в эволюцию человечества.

Иногда к этому совершенно инстинктивно приходят и такие люди, которые отвергают в целом знакомство с духовной наукой, а ведь это единственное средство занять по отношению к таким вещам правильную позицию. Что же, собственно, означает то, что я вам сейчас сказал? Конечно, эти элементарные духи рождения и смерти — посланцы Аримана. Боги, исходя из железной необходимости мирового развития, вынуждены использовать посланцев Аримана, чтобы управлять рождением и смертью. Но они не допускают, чтобы силы этих посланцев действовали на физическом плане в своих собственных интересах. Но нисходящее культурное развитие начиная с пятой постатлантической эпохи должно допустить их в культурное развитие, чтобы могла произойти катастрофа. Сам человек должен проникнуться этими силами. Так что посланцы Аримана необходимы в смысле железной необходимости, дабы произвести то разрушение, которое приведет к будущему культурному прогрессу. Это устрашающая истина, но такова реальность. И против этой истины нет другого средства, как ознакомиться с ней, смотреть ей в лицо. Об этом мы поговорим дальше. И тогда вы увидите, чего требует правильная позиция в отношении этой истины.

Итак, я сказал, что многие люди инстинктивно ощущают эту необходимость. Инстинктивно к ней пришла, например, одна личность, которая в наше время написала много хороших книг (хотя ни одна из них всерьез не перекликается с духовной наукой), — я имею в виду Рикарду Хух*. И весьма примечательной не из-за ее устремлений, не из-за ее прозрений, а из-за инстинкта, который господствует именно в этой книге, является ее новейшая книга «Вера Лютера». Если вы прочтете первые главы этой книги, то в ней вы

обнаружите высказанную в повышенных тонах идею о том, что человечество снова должно познать то, что начиная с эпохи Лютера, до которой еще наличествовало в этой области атаквистическое ясновидение, было для человечества утрачено. Рикарда Хух говорит, что самое насущное для современного человечества — это познать дьявола. Она считает, что не так необходимо познать Бога, как необходимо для современного человечества познать дьявола.

Почему это необходимо, Рикарда Хух, естественно, не знает. Но она инстинктивно чувствует, что это необходимо. Вот откуда этот проникновенный призыв к познанию дьявола в первых главах этой книги, который весьма симптоматичен, весьма значим для современности. Она думает: с Богом человечество найдет снова общий язык, когда узнает, что дьявол бродит вокруг. Естественно, такие люди, которые еще не хотят признать Духовную науку, постоянно ищут уважительные причины для таких высказываний. Что дьявол как реальное существо опять должен быть признан человеком — это чувствует Рикарда Хух; но она тут же как бы оговаривает, что дьявола не надо представлять себе с хвостом и рогами, бегающим по улицам. О нет, он уже бежит вокруг! «Черт рядом, а на то нет смётки,/ Хоть прямо их хватай за глотки»**. Абстрактно мыслящий человек современности тут же начинает извиняться, когда он инстинктивно прозревает то, что является насущной необходимостью. Но в основе этого призыва к дьяволу лежит хорошее, правильное инстинктивное ощущение современности. Человек не должен попросту слепо, в спящем состоянии вращаться в то, чего требует от него железная необходимость грядущих времен: повсюду — в лаборатории, на производстве, в банке — иметь дело с посланцами дьявола. Это надо делать ради культурного прогресса; но надо знать дьявола, надо знать, что в то мгновение, когда, к примеру, вставляется ключ в сейф, в силе ключа заключена сила дьявола. Это инстинктивно предчувствует Рикарда Хух. Это должны знать люди, ибо только знание правильным образом вводит в будущее. И уже то имеет огромное значение, что находятся люди, которые инстинктивно подчеркивают необходимость того, чтобы люди, бодрствуя, шли навстречу становящемуся все более мощным дьяволу.

Быть может, характерно также вот что (говорю это в скобках): ведь в раю также была одна женщина, которая инстинктивно провела там функции дьявола. Я думаю, во внешней культуре не делает особой чести мужчинам то, что

они сторонятся этого суеверия и взваливают все снова на женщину; быть может, характерно, что женщина Рикарда Хух взывает к Дьяволу, как некогда Ева в раю впустила Дьявола. Но это я говорю только в скобках.

Но дьявол — это то существо, которое будет носителем культуры будущего, и он должен им быть. Это суровая, но важная истина. Эта истина внутренне связана с тем, что в будущем в ход культуры должны вмешаться разрушительные силы. И особенно — об этом я буду говорить завтра — разрушительные силы, если мудрость не будет руководить этим процессом, должны вмешаться в основы воспитания, а именно — в воспитание детей. А также во всю социальную жизнь людей будут все больше вмешиваться разрушительные силы, несмотря на общую культуру, на образование, на эмоции людей, — те силы, которые прежде всего станут разрушительно действовать на отношения людей.

Надо стремиться к осуществлению слов Христа: «Где двое собрались во имя Мое, там и Я среди них»*. Но техническая, коммерческая культура не признает эту истину, а признает другую: где двое или больше во имя моё грызутся, борются и воюют, там и я среди них. И это будет все больше вступать в социальную жизнь людей. Но это ведет к тому, что вообще становится трудно в наше время сообщать людям установленные истины.

В заключение попытаемся предварительно (мы завтра и послезавтра поговорим об этом дальше) уяснить себе, каков вообще душевный склад человека в отношении восприятия истины. Современный человек неохотно воспринимает истину, так как не верит, что истина — это то, что непосредственно исходит из духовного мира и приходит к людям. Современный человек признает за истину только то, что вырастает исключительно на его собственной почве. Если кому-то в наше время двадцать лет, у него уже есть собственная точка зрения, — ему не требуется, чтобы его пытались убедить в какой-то истине, не требуется откровения истины. И кому-то, кто со всем рвением стремился к истине, может повстречаться двадцатичетырехлетний школяр, который закончил университет и, может быть, прослушал курс по философии и, значит, имеет собственную точку зрения и начинает дискутировать с тем, кто со всем рвением стремился к истине. Сегодня у каждого есть своя точка зрения, и каждый считает, что абсолютная, надежная истина может вырасти на невспаханной почве. Люди не склонны искать истину, но величают себя носителями ее. И это

характерная черта современности.

Об этом прекрасно сказала Рикарда Хух^{**}. Она указала, как нашему современному мирозерцанию — или назовите его, как хотите, — повсеместно погруженному в шовинизм, в умах просвещенных европейцев предшествовало ницшеанство, которое сторонилось всяческого патриотизма и шовинизма. Люди стали приверженцами Ницше. Как много появилось приверженцев Ницше! Ницше выдвинул идеал «белокурой бестии». Это оказалось маловразумительным. Но Рикарда Хух говорит: всякий, кто не склонен делаться уважаемой свиньей, корчит теперь из себя «белокурую бестию» в смысле Ницше. Да, такова именно в наше время точка зрения обывателя. Действительно, не тянутся становиться уважаемыми свиньями, но если где-то еще выдвигается какой-то возвышенный идеал, то этот идеал — сам человек! Просто сам человек, ибо считается, что для этого не надо ничего делать, не надо ни к чему стремиться, не надо развиваться, ибо люди не хотят чем-то *становиться*, а хотят чем-то *быть*. Но это расщепляет человечество на людей-атомов. Каждый имеет свою точку зрения. Каждый все понимает лучше других.

Как раз из этого настроения, когда никто не может понять другого, видно, как разрушительные силы господствуют в общественном порядке. Это уводит людей друг от друга. Это уже искушение от дьявола, когда приверженцы Ницше объявляют себя «белокуроыми бестиями». Они ими не стали. Но если люди и не стали «белокуроыми бестиями» в смысле Ницше, то из этих разрушительных импульсов XIX и XX столетий нечто произошло с самим социумом. Об этом поговорим завтра.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

(без вступления)^{***} Дорнах, 7 октября 1917 года

Духовный строй современности обуславливает то, что мы знакомимся, как вы уже видели, с трудными истинами и прозрениями в духовный мир. Ибо я должен подчеркнуть: тех взглядов, которые человечество по своей привычке находит удобными, недостаточно для будущего. Но человек должен знать основания, почему этого недостаточно. Только тогда человек сможет с полной серьезностью и подобающим достоинством связать себя с теми импульсами, которые должны быть даны современности ради человеческого развития. То, что я собираюсь сказать сегодня, возможно, будет более понятным, если я буду отталкиваться от того факта, что во время четвертого постатлантического

культурного периода, который, как вам известно, начался в восьмом столетии до Мистерии Голгофы и закончился в пятнадцатом столетии после нее, человек стоял в совершенно другом отношении к внешнему миру, чем он должен находиться теперь, в пятом постатлантическом культурном периоде. Ведь я часто подчеркивал: развитие человечества надо принимать серьезно. Души изменяются в гораздо большей мере, чем принято думать; и это относится к числу удобных представлений современности, когда считают: души людей — по крайней мере в греческую эпоху — были устроены так же, как и сейчас. Но применительно к этому душевному строю я хотел бы сегодня разобрать только отношение души к окружающему миру.

Из удобства говорят: греки и римляне воспринимали окружающий их чувственный мир, мы также воспринимаем окружающий нас чувственный мир; так что нет никакой заметной разницы. Но разница все же существует. Можно сказать: современный человек, который стоит только в начале пятого постатлантического культурного периода, воспринимает окружающий чувственный мир совершенно иначе, нежели, к примеру, древний грек. Грек видел цвета, а также слышал звуки; но через цвета он еще видел духовные существа. Он не просто выдумывал духовные существа, они возвещали ему о себе через то, чем являются цвета.

Я попытался именно эту особенность греческого мировосприятия провести красной нитью в моем описании греческой культуры в «Загадках философии». Нынешний человек *вырабатывает* мысли. Греки в той мере, в какой нынешние люди думают свои думы, мысли, не делали этого, ибо они *видели* мысли. Мысли приходили к ним из того, что они воспринимали в своем окружении. Окружающий мир был не просто голубым и красным, но голубое и красное сообщало им мысли, которые они затем продумывали. Существовало интимное отношение к окружающему миру. И также еще имелось чувство, имелось интенсивное ощущение того, что человек стоит в связи с окружающим миром как с чем-то духовным. А это, в свою очередь, связано с общей конституцией человека в этот четвертый постатлантический период.

Мы ведь должны выделять в нашем земном развитии — вам это известно из общих описаний в моем «Тайноведении» — великие эпохи: первая, вторая, лемурийская эпоха, атлантическая, наша постатлантическая эпоха, а также две последующие. Можно сказать, что во время атлантической

эпохи Земля, а также человек находились в самой середине земного развития. До этого момента всё, так сказать, находилось в процессе роста. В определенном отношении начиная с атлантической эпохи это прекратилось. И в отношении Земли тоже. Когда мы в наше время ходим по земле — я на это уже часто указывал, — то мы ходим по крошащейся Земле, которая, сравнительно с возможностями роста предыдущих времен, несет в себе нечто расплывающееся, а не растущее. Земля в гораздо большей степени была растущим, цветущим организмом до атлантической эпохи, вплоть до ее середины. А потом она начала, если можно так выразиться, давать трещины и крошиться; и тогда возникли эти крошащиеся и растрескавшиеся каменные образования современности. Это известно сегодня не одной только духовной науке. Что наша современная Земля растрескалась и рассыпается, идя к своему распылению, — это с позиции внешней науки вы можете найти в великом, монументальном труде Зюсса «Лик Земли»*. Этот капитальный труд Зюсса сводит воедино в общих чертах современные данные о камнях, о скалах, о разных формациях на земле и внутри нее, об органических существах, возникших на Земле, о внешнем строении Земли — одним словом, данные о лике Земли. И как сказано, опираясь только на данные внешней науки, Зюсс приходит к выводу, что в настоящее время мы имеем дело с одряхлевшим, распадающимся миром.

Но так же обстоит дело и со всеми творениями, поскольку они как физические творения обитают на Земле. Все они находятся в состоянии инволюции, которая началась, в сущности, еще с середины атлантической эпохи. Только в рамках развития все происходит в определенном волнообразном движении. Можно сказать: во время четвертого постатлантического периода, в греко-латинскую эпоху, повторялось то, что происходило в атлантическое время. Так что вплоть до греческих времен не было настолько заметно, что имеет место состояние инволюции. Греки — я часто это подчеркивал — еще имели ту особенность, что душевное находилось у них в полной гармонии с телесным. О той общечеловеческой конституции, которую имели греки, я ведь неоднократно рассказывал, характеризуя греческое искусство**, и мы знаем, что оно проистекало из совершенно других импульсов, нежели искусство позднейших народов. Греки, например, еще чувствовали в себе эфирное формообразующее начало человека и не нуждались, как

современный художник, в моделях, ибо внутренне чувствовали человеческую форму. Так что можно сказать: вплоть до греческой эпохи включительно человеческая телесность как бы поддерживалась и обуславливалась в непосредственно пространственном внешнем мире. Существовало интимное отношение между человеком и его пространственным окружением. Все это изменилось с началом пятой постатлантической эпохи. Как бы удивительно это ни звучало, но это верно: мы, сегодня уже находимся в мире не для того, чтобы заботиться о нашей собственной организации. Мы еще продолжаем воплощаться, но уже нет смысла заботиться о своей конституции, ибо эта наша организация находилась в восходящем развитии только до середины атлантической эпохи, но можно сказать также — до греческой эпохи. Тогда тела людей были настолько совершенны, насколько это возможно в земные времена. Следующей, более высокой ступени телесного совершенства человечество достигнет только во время эпохи Юпитера. Мы находимся здесь, на Земле, чтобы все больше вовлекаться в деградирующее развитие, чтобы через воплощение пережить и испытать то, что дается изношенным, все более иссыхающим, сморщенным телом. Конечно, это сказано весьма радикально. Но то, что мы развиваем душевным образом, чем мы внутренне являемся, уже не передается в той же мере внешней телесности, как это было когда-то. И это вызовет многочисленные изменения в развитии.

В марте этого года в Цюрихе умер один из самых значительных людей современности — Франц Brentano*. Вы можете прочесть некролог, посвященный Францу Brentano, в моей готовящейся к выходу книге «О загадках души»**. Книга будет состоять из трех частей и приложения: в первой части я касаюсь отношений между антропологией и антропософией; во второй части я на избранном примере покажу, как так называемая современная ученость относится к антропософии, — на личном примере Дессуара***; а в третьей — покажу, как столь утонченный ум, как Франц Brentano, страдал от оков современной науки, но со своим учением о психологии человека насколько можно приблизился к антропософии. И к этому будет сделано приложение, в котором многое будет изложено в краткой форме, как того требуют нынешние обстоятельства, но что могло бы стать материалом для многих томов. Все это я вложил в отдельные краткие главы этой книги, потому что именно обстоятельства нашего становящегося все более

трудным времени не позволяют слишком распространяться на эти темы. Уже многое, что пишется в таком роде в настоящее время, оставляет ощущение какого-то завещания. И кто чувствует всю тяжесть современных событий, будет иметь такого рода ощущение.

Среди многого глубокомысленного, написанного Францем Brentano, имеется также статья о гениальности****. Особенность этой статьи в том, что Brentano, собственно, оспаривает понятие гениальности и всюду показывает: у гения нет таких душевных качеств и таких душевных побуждений, какие не встречались бы и у других людей, только память у гения, его комбинаторные способности более подвижны, более всеобъемлющи и так далее. Франц Brentano предлагает понятие гения, весьма отличное от того, что часто встречается. Но расхожее понятие о гении включает, как и многие удобные шаблоны современных понятий, много расплывчатого. Можно в целом сказать: то, как Brentano характеризует гениальность, не соответствует тому, чем до сих пор она являлась; но соответствует тому, чем гениальность станет! В том виде, в каком доселе возникала гениальность, в будущем она не сможет иметь места. Ибо на чем основывалась гениальность в прошлом? Она основывалась на том, что именно души еще располагали силой — из наследственности ли или благодаря воспитанию — импульсировать свою телесность, так что из этой телесности бессознательным образом возникали интуиции, инспирации и имажинации гения. На восходящем витке эволюции в телесном наличествовала сила гениальности. При ссыхающейся телесности будущего это уже не будет происходить. То, что в будущем будет соответствовать гениальности, будет основываться на том, что те души, которые тогда ведь тоже можно будет называть гениальными, будут глубже проникать в жизнь духовного окружения, так что импульсы будут извлекаться не из бессознательного начала телесности, а из глубокого прозрения в духовный мир. Как раз в этой трансформации понятия гениальности мы видим тот рубеж, что проходит между прежними временами и будущим развитием. Если можно так выразиться: гений прошлого возникал из телесности, а из проникновения души в духовность возникнет то, что в будущем заступит его место. Это чувствует такой ум, как Brentano, идущий в ногу со временем, так же как Зюсс усмотрел, что Земля находится в своего рода деградации.

Но в чем суть проблемы? Суть в том, что изменилось

отношение человека к окружающему миру по сравнению с прежними временами. Пространственный мир больше не говорит сегодня человеку, как он говорил, когда его тело, скажем, еще не было изношенным. Пространственное более не сообщает духовное. Цвета более не гласят в качестве наполненных духом элементов, звуки не звучат более в качестве наполненных духом элементов; они звучат материально. Ядро человека как бы ушло внутрь. Не правда ли, это звучит удивительно, когда приходится говорить: поверхностный человек современности сделался более внутренним. Но он *стал* таковым. В том-то и заключается одна из отличительных особенностей современности, что о человеке можно сказать: он потому так поверхностен, что в своем нынешнем воплощении не может проникнуть к своему собственному внутреннему существу. Он совершенно не обращает внимания на свое собственное внутреннее существо, не развивает силу самопознания, не приходит к тому, чем он на самом деле является.

Тот, кто способен духовно обзреть мир, видит огромное множество людей, которые не являются самими собой. Это опять-таки радикально сказано. Это блуждающие тела, а души не присутствуют в них целиком. Почему? Да потому что эти души как раз не имеют более задачи целиком пронизывать телесность, которая уже отмирает, а имеют задачу готовиться к тому, что будет происходить на Юпитере. Наши души уже находятся в приготовлении к будущему.

И надо только вникнуть в эту ситуацию и осознать ее. Мы достаточно предрасположены воспринять, когда всеобъемлющее Существо говорит нам: «Царство Мое не от мира сего». Только люди будут приходить к пониманию этой истины медленно и постепенно. Несмотря на внешнюю поверхностность на самом деле мы становимся все меньше и меньше «от мира сего», только не надо путать это с чем-то другим. Когда кто-нибудь теперь думает, что может в качестве приверженца Ницше чувствовать себя «белокурой бестией» и говорить: мы пребываем в духовном мире, мы не относимся к физическому, — то надо возразить: да, то, откуда ты черпаешь знание о себе, относится к физическому миру; а все остальное — это оккультное, сокровенное. Но ведь нашей задачей является со всей предусмотрительностью, со всей внутренней энергией сохранять находящееся в нас сущностное, которое больше не может полностью проникнуть в тело, не может больше целиком внедриться в него. Нам следует ощущать себя кандидатами эпохи Юпитера. Но это

происходит медленно и постепенно. Люди преимущественно пребывают еще в том, что им дает окружающий мир. Это значит, они пребывают в том, что ниже их. Но с каждой новой инкарнацией мы все больше выходим из телесности и все больше как бы витаем над нашим телом.

Будь не так, то плохо обстояло бы дело с прогрессом человечества. Если бы человек был призван оставаться только тем, чем были греки, то плохо обстояло бы дело с эволюцией человечества. Ибо, как бы поразительно это сегодня ни звучало, определенное оккультное исследование, которое пытается проникнуть в эволюционные законы человеческого рода, обнаруживает убийственную истину, показывающую нам, что в не столь отдаленном будущем — возможно, уже в седьмом тысячелетии — все земные женщины сделаются бесплодными. Вот как далеко зайдет засыхание и деграция тел: в седьмом тысячелетии земные женщины сделаются бесплодными! Подумайте только: если те отношения, которые существуют между человеческими душевным и физическим телами, продолжатся, то тогда людям вообще больше нечего будет делать на Земле. Еще не пройдут все земные периоды, когда женская половина человечества не сможет больше рожать детей. Тогда человек должен обрести другое отношение к земному бытию. Последние эпохи земного развития поставят человека перед необходимостью вообще распрощаться с физической телесностью и, тем не менее, пребывать на земле. Бытие ведь гораздо загадочнее, чем это следует из неповоротливых научных понятий современности.

Это инстинктивно ощущалось уже на закате четвертого постатлантического периода и на заре пятого. Многие люди тогда высказывались о том, что связано с развитием нашей современной эпохи. Но они не могли быть правильно поняты, а подчас они сами себя не понимали. Подумайте только о странном учении Августина или Кальвина: человечеству предопределено, что одна его часть изначально предназначена к блаженству, а другая — к проклятию, одна — к добру, другая — ко злу. Такие учения существовали. Они выглядят ужасающе. И тем не менее: истинному прозрению эти учения представляются не совсем неверными, как и вообще многое, что кажется неверным, имеет относительную правоту. То, что в эпоху Августина и в последующие столетия могло быть известно о человеке, относят, собственно, совершенно неправильно к душе человека и к человеческому духу, а вам ведь известно, что человеческий

дух был упразднен на соборе в Константинополе, — так что все это на самом деле относится к живущему на Земле человеку. Я попытаюсь как можно яснее осветить суть дела.

Вы можете повстречать того или иного человека и, в смысле учения Августина, сказать: этот предопределен к добру, а этот — ко злу. Но это относится только к их внешней телесности, не к индивидуальности! О действии индивидуальности в эпоху Августина вообще не было речи. Когда имеют перед собой какое-то количество людей, то можно сказать (у греков это не имело бы никакого смысла): вот человеческие души; естественно, они являются кузнецами собственных судеб. Не существует никакого импульса предопределения. Но души живут в телах, которые предназначены для доброго или для злого. И все меньше людей в ходе земного развития в состоянии свое душевное развитие проводить совершенно параллельно телесному развитию. Почему не может быть так, чтобы некая добрая индивидуальность воплотилась в теле, которое по всему своему складу предназначено для злого? Ведь внутренний человек, несмотря ни на что, может оставаться хорошим, ибо индивидуальность более не находится в интимной связи с телесностью. Это опять-таки весьма неудобная истина, но эту истину надо познать.

Короче, все больше и больше происходит преобладание внутреннего. Мы должны все больше принимать во внимание, что в последние эпохи земного развития человек отстраняется от внешней телесности. Но, как я это часто подчеркивал, к этому люди привыкают только медленно и постепенно, под давлением фактов. Но факты требуют познать положение этих вещей. Когда мы рассматриваем человека, опираясь на то, что он представляет собой внешне, то получаем *одну* картину. Когда мы рассматриваем человека, принимая во внимание то, чем он не является непосредственно внешним образом, то имеем *другую* картину. В наше время эти картины неадекватны друг другу и будут все меньше согласовываться. Современному человеку поэтому настоятельно необходимо не просто полагаться на то, что предлагает внешний мир, когда он хочет образовать понятия, а образовывать понятия по мерке того, что может исходить только из духа человека.

В будущем такие понятия особенно потребуются в политике, социологии, а также в педагогике. Понятия, которые возникают из окружающего мира, которые не приходят из духовного, уже не пригодны для нужд человека.

Вот почему представляются недостаточными политические и социалистические теории современности. Люди хотят в этом случае судить на основе того, что предлагает их окружение и отвергают инспирации, исходящие из духовного. Вот почему эти теории, а также основанные на них политические программы столь недостаточны. Мы живем уже не в те времена, когда можно составлять программы, как это теперь делает Вудро Вильсон, но наше время требует, чтобы мировые программы составлялись, исходя из других глубин. Дух должен присутствовать, когда сегодня составляются мировые программы.

Но люди еще далеко не готовы действительно принять в свое сознание внутреннюю истинность того, что я сейчас изложил. Они бредут наугад. Они уже давно стали людьми пятого постатлантического периода, а все хотят судить, как люди четвертого постатлантического периода. Да, во времена греков все это было верно, это было чем-то величественным, чем-то гармоничным. Сегодня судить, как древний грек, просто нелепо, ибо грекам именно окружающий мир давал все, в чем они нуждались. В наше время окружающий мир больше этого не дает. Сначала во многих отношениях ощущается как бы ненависть, отвращение (которое является всего лишь оборотной стороной страха) по отношению к такому внутреннему рассмотрению человека. Хотят остаться при поверхностном рассмотрении. И тогда выступают реминисценции прошлого, но такие, что не полностью завладевают человеком.

Есть одно интересное явление, к которому я прошу вас внимательно отнестись: допустим, в каком-то собрании людей присутствует внешним образом определенное количество голов, — ведь в наше время повсеместно встречаются весьма просвещенные собрания. Но поскольку собственно духовное уже выветрилось, оно уже не присутствует в головах людей, оно сделалось внутренним. Если созерцать такое собрание с внешней стороны, то, собственно, истинные головы не видны; но только сидящие не знают об этом.

Так что может получиться, что все собрание или отдельные люди, составляющие это собрание, напоминают зубчатые колеса часового механизма, в котором прокручиваются старые идеи: в доступном внешнему зрению, в физических головах, копошатся и прокручиваются старые идеи. А о том, что соответствует духу времени, об этом эти люди не знают. Такие автоматически работающие мозги

могут перемалывать только реликтовые вещи. Весьма любопытно, что подобные явления временами встречаются.

Есть одна научная дисциплина, которая была основана в 1912 году в Лондоне, совершенно новая наука: евгенетика*. Ведь люди обычно дают самые высокопарные названия величайшим глупостям. Идеи этой евгенетики исходят, собственно, из мозгов людей, не из их душ. Чего же добивается эта евгенетика? Она хочет устроить так, чтобы в будущем производилась только здоровая человеческая порода, чтобы не рождались неполноценные особи, хочет постепенно, связывая политэкономия и антропологию, нащупать такие законы, при помощи которых можно было бы сводить мужчин и женщин так, чтобы возникала возможно более устойчивая порода людей.

Да, об этих вещах уже начинают основательно задумываться. Цель Конгресса, на котором председательствовал сын Дарвина**, состояла в том, чтобы исследовать различные классы общества на предмет того, каков размер черепа у богатых, каков — у бедных, которые имеют меньше возможностей учиться, насколько велика способность восприятия у тех и других, насколько те и другие имеют развитую работоспособность, и многое другое. И затем пробуют таким способом обрести воззрение на человеческую телесность, которое, возможно, в будущем поведет к тому, что будет точно установлено: так должен выглядеть он, так должна выглядеть она, если в будущем возникнет правильная порода людей; мужчина будущего должен иметь такую-то степень работоспособности, женщина будущего должна иметь такую-то степень, у него должен быть такой-то размер черепа, у нее соответствующий размер, и так далее.

Это отрывок, истинная отрывок мозга, покинутого душой, — отрывок тех идей, что были реальными в атлантические времена. Тогда на самом деле существовали определенные законы, при помощи которых регулировался человеческий рост, созревание и все, чего только можно добиться при помощи скрещивания пород. Тогда это было своего рода наукой, имевшей широкое распространение и, как я вчера вам указывал, повлекшей в атлантическую эпоху огромные злоупотребления. Эта наука, базировавшаяся на родстве тел, знала: если свести такого-то мужчину с такой-то женщиной, (а в те времена мужчина и женщина гораздо более существенно отличались друг от друга, чем теперь), то возникнет такое-то существо, и появлялась возможность

многовариантности, как это в наше время делает селекционер. Мистерии руководили порядком, основанным на этом скрещивании ближних и дальних. Они создавали группы и прививали людям то, что им должно было быть привито. Но в результате того, что практиковалось в атлантическую эпоху, возникло поистине черномагическое безобразие, и порядок наступил только потому, что люди были поделены на классы при помощи воспитания. Так возникли народности и современные расы. Это было задействовано при возникновении нынешних рас. И национальный вопрос врывается в современную эпоху как отзвук атлантических времен в мозгах, покинутых душами. Сколько речей раздаётся в наши дни по национальному вопросу! Но при этом говорит только телесность. Утраченная духовность принадлежит в наше время уже совершенно другому миру. Здесь пролегал бездна между действительностью и теми декларациями, что сегодня относятся к так называемому принципу национальности. Вот почему никогда не приведет к благу, а будет постоянно ввергать в хаос, если политику захотят строить на национальном вопросе, который более не является вопросом современности, ибо души принадлежат совершенно другому миропорядку и другим взаимосвязям нежели те, что находят выражение в телесном существе человека. Эти вещи должны быть осознаны, но осознание может прийти только через духовную науку. Эта отрыжка покинутых душами мозгов — вот причина того, что в наше время возникает стремление формировать человека по определенным законам.

И еще в другом заметна отрыжка обветшалых идей, которые еще могут действовать в засохших мозгах, но более уже не исходят из души. Душа должна быть укреплена так, чтобы в нее могла проникнуть духовная наука. И тогда снова человек будет говорить, исходя из своей индивидуальности. Вам ведь уже наверняка известна та черта современности, когда самых различных людей анализируют с точки зрения психопатологии. Стоит только кому-то в наши дни написать хорошее стихотворение, как сразу же является врач и объясняет, какой болезнью страдает автор. Уже есть множество статей*: Виктор Шеффель с психиатрической точки зрения, Ницше с психиатрической точки зрения, Гёте с психиатрической точки зрения, Конрад Фердинанд Мейер с психиатрической точки зрения. Во всех этих писаниях можно прочесть между строк, что их авторы, собственно, хотят сказать: какая жалость, что не было вовремя

применено лечение. Если бы их вовремя пролечили, то не были бы написаны такие вещи, как, например, у Конрада Фердинанда Мейера, ибо такое может быть написано только в сумасшедшем доме. Но таков дух нашего времени, что не принимается во внимание именно внутреннее углубление человека, которое как раз у таких людей, как Конрад Фердинанд Мейер, должно выражаться в том, что их внешняя телесность являет симптомы той или иной болезни, — ведь при помощи нее внутреннее, не зависимое от телесного, искусственно должно подняться к высочайшей духовности**.

Эти вещи обсуждаются здесь не с тем, чтобы стать к ним в оппозицию. Само собой, с чисто медицинской точки зрения они совершенно правильны; против них нечего возразить. С чисто медицинской точки зрения можно ведь сделать и другое, да оно уже и делается: можно взять Евангелие и из разных мест Евангелия показать, как из сочетания особых болезненных причин возникла эта удивительная личность Христос Иисус. Такая книга уже тоже написана, и каждый может ее прочесть: «Иисус Христос с точки зрения психиатра»***. Есть еще и такая книга, где показывается, что все, что исходило от личности Иисуса, могло исходить только потому, что эта личность страдала такими-то и такими-то болезнями.

К подобным вещам надо отнестись с пониманием, если вы хотите идти в ногу с современным развитием. В этой связи я обращаю ваше особое внимание на проблемы воспитания, чтобы вам стало ясно: подрастающий ребенок не должен рассматриваться так, как он рассматривается в наше время, когда учитывают только внешние проявления. Тогда ведь подчас от воспитателя ускользает то, что уходит во внутреннее человека. А поскольку на эти вещи не обращают внимания, в наше время так редко встречается познание человека и так разрослось мещанство. Ведь в каком-то смысле мещанство — это противоположность истинного познания человека, ибо филистер хотел бы иметь перед глазами образ «нормального человека». Все, что отклоняется от этого образа, признается «ненормальным». Но с таких позиций никогда не придешь к пониманию окружающего мира и, прежде всего, пониманию человека. И к числу тех вещей, которые должны культивироваться в рамках Антропософского общества, относится понимание человека, приближение к его индивидуальности — ведь отдельные индивидуальности гораздо больше отличаются между собой,

чем принято думать, ибо по причине того, что душевное человека не совсем согласовано с его внешней телесностью, человек нашего времени представляет собой нечто усложненное.

Но, естественно, это сопровождается еще чем-то, что по своей природе попадает в неумелые руки, но есть надежда, что Духовная наука приведет к тому, что в этом отношении будет выработан более тонкий подход. Представьте себе: когда возвращаешься к греческой эпохе, то там, можно сказать, полнота телесности исполнена полнотой человеческой душевности, так что одно полностью покрывается другим. Но в наше время этого не происходит. Тела остаются до известной степени незаполненными. Я не буду злословить по поводу незаполненных голов; они пусты, ибо так и должно быть в ходе эволюции. Но в действительности природа не терпит пустоты. Пустота бывает только в отношении чего-то определенного, и она предназначена для заполнения в другое время. Совершенно пустым, собственно, не остается ничего. И чем больше человек отзывает свою душу от тела, тем больше тело подвергается опасности быть заполненным чем-то другим. И если души не соблаговолят внять импульсам, которые могут прийти только из духовного познания, то тела наполнятся демоническими силами. Вот навстречу какой судьбе движется человечество: тела могут быть наполнены ариманически-демоническими силами. И к тому, что я вчера говорил о будущем развитии, присоединяется то, что люди смогут пережить в будущем: допустим, вы в обиходе Ганс Мюллер и занимаете определенную социальную нишу, но ваше тело настолько опустошено, что в нем может жить мощное ариманическое существо. Можно будет повстречать ариманически-демоническое существо. Человек будет только казаться тем, за кого его принимают. Индивидуальность его спрятана где-то очень далеко внутри, а внешне выступает совершенно другой образ.

Вот насколько усложненной станет жизнь в будущем. Можно даже сказать: в будущем будут такие ситуации, когда люди не смогут точно знать, с кем имеют дело. И тоска Рикарды Хух по дьяволу связана с грядущим. Современные учреждения, понятия, социальные идеи абстрактны и сыры, неуклюжи по сравнению с тем, что придет в качестве усложненных отношений. И поскольку люди не в состоянии охватить реальность своими понятиями, своими представлениями, то они все больше ввергаются в хаос, как

это достаточно обнаружилось через события этой войны. Этот хаос происходит именно из-за того, что реальность есть нечто иное, гораздо более богатое, чем то, что могут измыслить и вообразить себе люди в своих головах. И надо уяснить себе, что человек поставлен перед выбором: либо (раз не знают, как добиться порядка) продолжать разрушать, стрелять друг в друга, либо приступить к выработке таких понятий, таких представлений, которые вырастают из усложнившейся ситуации. В человечестве должно наличествовать духовное течение, которое трудится над выработкой понятий, вырастающих из реальных отношений. Приросшие к наследию прошлого, они весьма многочисленны (сегодня ведь они еще в меньшинстве) и будут исходить из внешних рассматриваний. И по причине того, что их тела наполнятся ариманической духовностью (которая базируется на том, чтобы отмечать понятия, представления и деяния тем, что может быть почерпнуто из внешнего пространства), они станут запечатлевать свои понятия и представления заимствованным из внешнего мира. Только не надо обманываться. Перед нами совершенно определенное движение. Как в старые времена на Константинопольском соборе был устранен дух, то есть было возведено в догму: человек состоит только из тела и души, а говорить о духе — это ересь, так же в несколько другой форме возникнет стремление устранить душу, устранить душевную жизнь. И придет такое время (возможно, оно не за горами), когда какой-нибудь конгресс, наподобие того, что имел место в 1912 году, разовьет другие устремления, когда станут говорить: это уже симптом болезни, когда вообще человек думает о душе и духе. Здоровыми являются только те, кто вообще говорят только о теле. Станет рассматриваться симптомом заболевания, если человек в своем развитии придет к представлению: существует дух или душа. Такие люди будут считаться больными. И будьте уверены, будут найдены соответствующие лекарства. В старые времена был устранен дух. Душа будет устранена при помощи медикаментов. На основе «здорового взгляда на вещи» изобретут медикамент, который будет вводиться в организм в возможно более раннем возрасте, чуть ли не с рождения, с тем, чтобы человеческое тело никогда не пришло к мысли: существует какая-то душа и какой-то дух. Вот насколько остро пересекутся эти два мировосприятия. Одно будет стремиться выработать понятия и представления, которые произрастают на почве реальной действительности, она же

духовная и душевная действительность. Другое же, наследник нынешнего материализма, будет изобретать медикамент, чтобы сделать тело «здоровым», то есть чтобы тело по своей конституции не могло больше говорить о таких дурацких вещах, как душа и дух, а вело бы «здоровые» разговоры о силах, которые действуют в машинах и в химии, которые строят планеты и солнце из мирового тумана. Это будет достигнуто при помощи телесных процедур. Материалистической медицине будет поручено изгнать душу из людей.

Да, те, кто думают, что будущее можно провидеть с помощью легкомысленных понятий, сильно заблуждаются. В будущее надо смотреть с помощью серьезных, основательных, глубоких понятий. Духовная наука не детская игра, не пустая теория, но истинный долг по отношению к развитию человечества.

Об этом поговорим далее завтра.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 8 октября 1917 г.

Сегодня, если мы хотим правомерно продвинуться в наших рассматриваниях, мы должны обратиться к существу человека и к его месту в историческом развитии. Заметим прежде всего, что человек несет в себе некую интеллектуальную силу, он интеллектуально одарен. В чем же заключается эта интеллектуальная одаренность? Да в том, что мы можем образовывать мысли. Пока что нам нет необходимости вникать в истоки мышления в ходе приобретения тех или иных представлений. Ведь эта мыслительная жизнь сопровождает нас во все время бодрствования; и мы, к примеру, имеем также чувство, когда ходим, стоим или заняты чем-то другим, что наши мысли ведут нас, что мы следуем заключенному в наших мыслях. О том, так ли это на самом деле, мы еще поговорим в ходе этих лекций. Мне хотелось бы только констатировать в данный момент то, что присутствует в нашем обычном, повседневном сознании. И это наши мысли. Но с миром мыслей как таковым связано еще кое-что. И нельзя понять отношения человека к его мыслям, если не проникнуть в то, что заложено в мире мыслей как таковом.

Всюду, где бы мы ни стояли, ни шли и ни лежали, в действительности мы находимся не только в мире воздуха и света, но постоянно пребываем в летучем мире мыслей. Вы можете лучше всего себе это представить, если вообразите следующее: когда вы, как и любой человек, движетесь в

пространстве, вы не прекращаете дышать, но проходите через наполненное воздухом пространство. Однако сходным образом вы проходите через пространство, наполненное мыслями. Субстанция мыслей наполняет пространство вокруг вас. И эта мыслительная субстанция не есть какое-то неопределенное море мыслей. Это вовсе не тот туманный эфир, каким его подчас охотно представляют, но эта мыслительная субстанция есть, собственно, то, что мы называем элементарным миром. Когда мы в широком смысле слова говорим о существах элементарного мира, то эти существа элементарного мира состоят из этой мыслительной субстанции, поистине из нее. Однако существует определенное различие между мыслями, которые витают там, вовне, и являются живыми существами, и теми мыслями, которые мы заключаем в себе. На это различие я часто уже указывал. В моей скоро выходящей книге, о которой я вчера уже упоминал, вы найдете еще одно указание на это различие.

Теперь вы можете задать такой вопрос: если там, вне нас, в мире мыслей, имеются существа — элементарные существа, — а внутри меня также живет мир мыслей, то в каких отношениях друг с другом состоят эти два мира? Вы получите правильное представление об этом отношении собственного мышления к мыслительным существам во внешнем пространстве, если представите себе отношение между человеческим трупом, покинутым душой после смерти, и живым человеком. При этом вы должны в целом принимать во внимание те мысли, которые связаны в бодрствующем сознании с внешним чувственным миром. Наши мысли — это именно трупы мыслей. Это самое существенное. Мысли из внешнего чувственного мира, в которые мы погружены на время бодрствования, собственно, являются трупами мыслей, парализованными, умерщвленными мыслями. Там, вовне, они живые. В этом вся разница.

Итак, мы, только по той причине вплетены в элементарный мир мыслей, что, получая восприятия из окружающего мира и перерабатывая эти восприятия в мысли, мы эти мысли умерщвляем. И после того, как эти трупы мыслей пребывают в нас, мы осуществляем процесс мышления. Вот почему наши мысли являются абстракциями. Они абстрактны потому, что мы умерщвляем живые мысли. Наше сознание устроено так, что мы несем внутри трупы мыслей и называем их нашими мыслями, нашими представлениями. Такова реальность.

Однако нельзя сказать, что живые мысли, которые находятся вовне, совершенно не имеют никакого отношения к нам; они имеют к нам непосредственное отношение. Это я могу вам сразу же пояснить. Только не пугайтесь гротескного характера этого непривычного представления. Представьте себе, вы поутру лежите в постели; вы можете подняться с постели двояким образом. В обычной жизни вы не замечаете разницы в этом двояком образе вставания потому, что оба эти вида по большей части перемешаны друг с другом, и потому, что вы вообще не обращаете внимания на момент вставания. Но встать с постели можно двояким образом. Мы можем вставать, не задумываясь об этом, просто по привычке, а можем конкретно подумать: сейчас я встану с постели. Я сказал: они перемешаны друг с другом, примерно серединка на половинку. У большинства людей в обычной жизни происходит так, что они следуют привычке, необходимости вставать, а затем в голове может промелькнуть мысль: сейчас я встану. Как сказано, при этом многое перемешивается, но абстрактным образом можно это различить. Имеются крайние случаи, которые можно различить: неосмысленное вставание, совершенно необдуманное либо же полностью осознанное. Между этими двумя видами вставания существует огромная разница. Когда вы встаете совершенно неосмысленно, просто по привычке, то вы повинуетесь импульсам Духов Форм, Элохима — повинуетесь им так же, как в момент сотворения человека в качестве земного человека. Итак, представьте себе: вы исключаете собственное мышление и встаете, как машина, — в этом случае вы встаете не без мыслей, но это не ваши собственные мысли. Ведь чтобы суметь встать, в этот вид движения должна быть вложена мысль — не субъективно, а объективно, и эта мысль не является вашей собственной, а принадлежит Духам Формы.

Если вы патологически ленивы и вообще не хотели бы вставать с постели, если по своей природе вы лежебока и встаете исключительно по расчету, из чисто субъективных соображений, то вы повинуетесь ариманической духовности, вы следуете только импульсам головы; в этом случае вы следуете Ариману. В обычной жизни, как сказано, человек все это перемешивает. И, собственно, как при вставании, так и во всем, что человек делает. Ибо человек на самом деле состоит из двух существ, которые внешним образом отличаются между собой: из головы и прочей телесности. Ведь голова человека является несравненно более важной,

это гораздо более древний инструмент, чем прочая телесность. Голова по своей конструкции — я об этом уже говорил в прошлом году*, — уже по своей форме является результатом сатурнического, солнечного и лунного развития. Но если бы человек на Земле удержал свою лунную конструкцию, то он не стал бы нынешним человеком, он выглядел бы иначе. Глядя на окружающих, люди видели бы друг друга по-другому, чем видят сейчас.

Схематически можно сказать так: человек был бы своего рода призраком, причем отчетливее всего выделялась бы форма головы. К этому, собственно, человек и был предназначен. Остальная часть тела не должна была быть настолько зримой, как теперь. Эти вещи необходимо однажды рассмотреть, иначе невозможно понять развитие человека на Земле. Остальная часть тела должна была быть элементарным существом, просто элементарным существом; а в голове должно было быть действенным все то — обозначим это буквой А, — что является наследием преобразованной в Землю Луны. Итак, то, что я здесь называю А, есть наследие преобразованной Земли Луны, это и есть человек. Человек в действительности есть, собственно, голова с весьма маленьким привеском.

Все остальное, что еще имеет человек — назовем это Б и будем рассматривать это для начала как элементарное, воздухообразное существо, — есть проявление Духов высших иерархий, начиная с Духов Формы и выше, творение космических иерархий. Правильно представляют себе человека, когда представляют его как творение космических иерархий — того, что я здесь обозначил буквой Б. И как бы из лона космических иерархий выступает человек — то, чем он стал со времен Сатурна. И если вы, таким образом, природу человека, помимо головы, представите себе одухотворенной, — но вы должны помыслить ее одухотворенность, по меньшей мере, не плотнее воздуха, — то вы получите, собственно, тело космических иерархий. (См. рис.)

Затем в развитие вступило люциферическое искушение. Этим вызвано, что вся эта более элементарная телесность сгустилась в туловище. Естественно, это имело последствия и для головы. Таким образом вы приходите к представлению того, чем является человек в действительности. Человек, если не принимать во внимание его голову, которая принадлежит к его прежнему развитию, не будь его телесность заключена в эту чувственную плоть, был бы Элохимом по своему внешнему виду. И только по причине

люциферического искушения внешний облик Элохима уплотнился до его нынешней телесности.

Но благодаря этому возникло нечто весьма примечательное — я часто указывал на это как на важную тайну, — благодаря этому получилось так, что именно в тех органах, которые человек обычно называет органами своей низшей природы, он является отображением богов. Только это испорченное отображение богов в земном человеке. Именно то, что должно было, исходя из космоса, стать высшим, наидуховным в человеке, — как раз это сделалось его низшей природой. Не забывайте, пожалуйста, что в этом состоит одна из важнейших тайн человеческой природы. То, что сейчас является низшей природой человека, пало под влиянием люциферического вторжения; собственно, этому было предназначено быть высшей природой человека. В этом противоречивость существа человека. И правильно понятое, оно станет ключом к бесчисленным мировым и жизненным загадкам.

Таким образом, можно сказать: развитие человека происходило так, что под люциферическим влиянием человек обратил в свою низшую природу то, что в нем постоянно должно было всплывать из космоса. И множество исторических феноменов станут вам понятны, если вы примете во внимание то, что знали учителя древних мистерий, а они еще не были столь фривольными, столь циничными и столь обывательски настроенными, как современные люди. Определенные символы древних народов, которые в наше время трактуются только в сексуальном смысле, символы, заимствованные из низшей природы человека, станут вам понятны, если учесть, что древние жрецы мистерий, которые дали им хождение, собственно, хотели выразить этим превосходство этой низшей природы человека.

Вы видите, насколько деликатно надо воспринимать содержание символов, если не хотят впасть в фривольность, как это легко удастся современному человеку, который ведь не может себе представить, что это не что иное, как овеществление, люциферизация высшей природы человека. Поэтому легко может случиться, что в этой области будут совершенно ложно истолкованы исторические символы. К известному благородству души относится стремление избегать истолкования древних символов в низшем смысле, хотя они часто подают к тому повод. Но благодаря этому вам также становится ясным, что когда возникают мысли (то есть

живые, не те абстрактные, мертвые мысли, которые возникают в голове, а живые мысли), то эти живые мысли должны происходить из всего человека. А этого не происходит через простое обдумывание. В наше время люди верят, что можно прийти к определенным мыслям вообще через простое обдумывание. В наше время люди верят, что когда человек размышляет, то может думать, о чем захочет. Но это бессмыслица. Истина состоит в том, что род человеческий находится в развитии и что, к примеру, мысли, которые пришли в голову Копернику, Галилею в точно определенную эпоху, не могли проявиться ранее через простое размышление. Почему? Потому, что, размышляя, человек фабрикует только те мысли, что господствуют в голове. Но когда возникает идея всемирно-исторического размаха, способная подтолкнуть все человеческое развитие, то она посылается богами при помощи всего человека. Она сначала варится, преодолевая люциферическое, во всем человеке, а затем уже из всего человека приходит ему в голову. Я думаю, вы меня понимаете. Вот почему определенные идеи ждут определенных времен, если человек не просто размышляет, не просто сообщает нечто благодаря работе своего зрения, своего слуха, а инспирируется из мира иерархий, ибо человек всем своим существом есть отображение этих иерархий.

Если вы все это обдумаете, то найдете, что многое сказано тем, на что было указано вчера. В эпоху, в которой мы живем начиная с пятого постатлантического периода, многое стало гораздо более внутренним, чем раньше, к примеру, в греческую эпоху, когда внешнее окружение несло с собой больше спиритуального. Внутренняя жизнь связана с этим возникновением мыслей из всего существа человека. Связь человека с богами в прежние времена — в четвертую постатлантическую эпоху — была гораздо более внешней, чем теперь. Теперь же она стала намного интимнее. Человек постоянно находится в связи с богами; только его голова, как правило, ничего об этом не знает, ибо голова образует только человеческие мысли, то есть, собственно, трупы мыслей. Но в целом человек постоянно находится в связи с богами. Только эта связь в новейшее время стала интимнее. И поэтому даже природа ясновидения находится в другом отношении к богам и к развоплощенным духам вообще, нежели это было когда-то. Когда в наше время человеческая душа общается с духами или с умершими, то это общение представляет собой очень тонкий процесс. Человек общается

с духовными существами, если можно так выразиться, как его собственные мысли в душе общаются с его волеизъявлениями. Это очень интимный процесс. И эта интимность соответствует духу времени. Она соответствует как существу человека здесь на Земле, так и существу умерших, которые в наше время проходят вратами смерти в духовный мир. И чтобы могло иметь место такое интимное общение, определенные отношения человека к космосу должны принять другую форму, чем прежде. Теперь существуют люди, которые имеют такое отношение к духовному миру, которое уже сегодня выражается гораздо более интимным образом, чем это происходило раньше. Определенные способности должны быть утрачены, чтобы могло развиваться это интимное общение с богами. Вот почему во время греко-латинской эпохи и вплоть до позднего средневековья люди, как было сказано, еще непосредственно из внешнего мира воспринимали спиритуальное — не так, как мы просто сегодня видим материальные цвета, слышим материальные звуки, но в цветах и звуках они воспринимали еще спиритуальное. И также им еще была дана возможность то, что в наше время превратилось в хаотические сны, использовать как средство, чтобы не столь утонченным способом вступить в духовный мир, чем это доступно современной Духовной науке. Мне хотелось бы сказать: общение с духовным миром в прежние времена было грубее современного; в наше время оно утончилось. Раньше было относительно легко обращаться с духами и с умершими. В наше время обычные сны уже не имеют такой ценности; но они имели ее вплоть до позднего Средневековья. Многие люди сохраняли надолго эту способность общения во сне. Также все происходившее вокруг них в описанном вам ментальном элементарном мире прежние люди воспринимали сновидческим образом. Человек не был в такой степени отделен от окружающего духовного мира, но последний еще проникал в него своим существом. И человек осознавал это и руководствовался этим в своих действиях.

В наше время, естественно, считаются с этими вещами только в том смысле, что рассматривают их как старое суеверие. Но если благодаря этому «старому суеверию» возникает что-то значительное, то наука не знает, как это истолковать. Я хотел бы привести пример: у одной известной исторической личности, у Кимона, был друг Астифилос; Астифилос был мастером толкования, истинно интеллектуального толкования сновидений, и он возвестил

смерть Кимону, который перед египетским походом видел во сне злого лающего пса: тебе снился злой лающий пес, ты падешь во время похода. Так рассказывает Гораций*.

Какой-нибудь современный мудрец, пишущий о сновидениях, но в материалистическом духе, естественно, думает: Кимону снился обычный сон, а Астифилос был обычным шарлатаном, истолкователем снов. Но современный ученый обязательно делает примечательное добавление: и случай захотел, чтобы это пророчество сбылось**. Я мог бы вам предложить целые книги, из которых неопровержимо следует, что пророчества сбываются. И тогда говорят: случай захотел. Это только один из многих примеров. В наше время люди считают, что души всегда были такими, как сегодня, и что, собственно, никакого подлинного развития душ нет.

Таким образом, когда внешние восприятия чувств были спиритуальнее, то и связи с окружающим элементарным миром мысли имели в некотором роде имагинативный характер. Сновидения еще имели имагинативный ценз, то есть указывали на будущее. Так же, как память указывает на прошлое, так имагинации указывают на будущее, разумеется, не в той же мере. Итак, мы должны конституцию души в прежние времена представлять себе иначе: обычное чувственное воззрение в те времена было в некотором роде пронизано летучими сновидческими образами, но они указывали на реалии из жизни элементарного мира. Хотелось бы сказать: материальный мир чувственных восприятий еще не был уплотнен до такой степени минеральности. Повсеместно еще из цвета и звука гласило духовное. Для этого у человека еще имелись способности во время бодрствования как бы видеть сны, и эти сны наяву были реалиями в элементарном, объективном мире мыслей. Но человек был исключен из этих связей с внешним миром ради обоснования и поддержания его свободы, и его внутренняя жизнь стала более интимной, как я вам ее охарактеризовал.

Нам необходимо рассмотреть одну важную вещь. О явлениях природы человек может размышлять при помощи обычных интеллектуальных способностей, но он этого не может в отношении явлений социальных; это невозможно. Сегодня люди думают: мышление, которое делает их способными размышлять о внешних законах чувственного мира, они могут также применить и к социальным законам, чтобы обрести политические импульсы. Но в ранние, да и в более поздние времена делалось так. Когда вы еще читаете в римской истории — и можно бы найти что-то похожее в более

поздние времена, если бы историю не так сильно переделывали в басню, — что Нума Помпилий получал инспирации для своего государственного правления от нимфы Эгерии*, это указывает на то, что в те времена, если возникала необходимость в государственных преобразованиях, обращались к богам. Просто выстраивать политические структуры, опираясь только на размышление, считалось тогда невозможным. В наше время принято считать, что в одиночку человек не способен придумывать политические структуры, но вот если единицу возвести в энную степень, то тогда он станет способен. И когда в современных демократиях собирается какой-нибудь просвещенный парламент, то мыслительные потуги трехсот голов могут то, на что не способна единица. И подумайте только, что бы сказал современный просвещенный мир, если бы — не в старой, а в обновленной форме — в один прекрасный день мир обошло бы сообщение, что Вудро Вильсон позволил какой-нибудь свой указ инспирировать одной из нимф.

Таким образом, эти вещи даже если не стали разумнее, прежде всего стали другими. Это с трудом укладывается в голове, но нужно усвоить себе, что истинные, правильные мысли относительно социальных структур смогут появиться только тогда, когда станут апеллировать к духу. Такая апелляция не нуждается в старых формах, да она и не будет их иметь, но она должна быть направлена к духу. Иначе в политических тезисах, в социальных структурах и идеях не возникнет ничего, кроме мыльного пузыря. Должно возникнуть живое сознание того, что человек живет в мыслительно-элементарном мире и получает оттуда свои инспирации.

Сегодня над такими вещами еще можно посмеиваться. Но человечество должно будет в страданиях и муках обрести из инспирации сознание в созидательной области социального миропорядка. И тем самым мы указываем еще более интимным образом на то, что начиная с наших дней все больше станет необходимым человечеству.

Только когда люди узрят то, что подготавливается в наше время: новый поиск путей в духовный мир, дабы в царство *этого* мира привнести царство *не от* мира сего, которое, тем не менее, повсеместно проникает его, — только тогда придет спасение в хаос социальных структур человечества.

Для этой цели необходимо преодолеть неудобства и обратиться к интимному отношению к миру. Самые важные

отрасли человеческой деятельности должны проникнуться глубиной сродни отношению человека к окружающему миру в четвертой постатлантической эпохе, дабы иметь ориентир, дабы реально познать, что некогда человек занимал в отношении окружающего мира другую позицию, нежели теперь. К этому можно также прийти через историческое исследование. Надо только преодолеть те басни — басни в дурном смысле слова, — которые сегодня именуется исторической наукой. Надо вернуться к исторической действительности, по меньшей мере, до эпохи Мистерии Голгофы. Это может произойти лишь тогда, когда внешнее историческое исследование будет оплодотворено духовнонаучным. Но люди должны дать себе труд вжиться в духовнонаучное исследование. Плохо только, что современные понятия таковы, что человеку, когда он начинает входить в духовный мир, многое представляется совершенно гротескным, ибо он инстинктивно представляет себе, что в духовном мире все должно выглядеть в точности так, как в чувственном мире. Он желал бы найти не что иное, как только утонченный чувственный мир. И когда ему навстречу выступает нечто совершенно иное, что удивляет его до мельчайших подробностей, этого современный человек не может постичь. Я говорю вам совершенно реальные вещи.

Допустим, современный философ, этаким нормальный университетский профессор — это было бы настоящим чудом, но допустим, такое чудо свершилось, — на пять минут благодаря какой-то инспирации был подвигнут к тому, чтобы задать духовному миру вопрос, является ли он истинным философом по внутреннему призванию. Как, вы думаете, выглядел бы ответ? Он получил бы имагинацию; эта имагинация и стала бы истинным ответом, надо только эту имагинацию правильно истолковать. Поверьте, я рассказываю вам то, что происходило в бесчисленном множестве случаев. Такой философ получит ответ именно благодаря тому, что он увидит на своей голове ослиные уши. И по этой имагинации он должен распознать: значит, я настоящий философ. Это вовсе не шутка, а все основывается на том, что определенные представления, которые на физическом плане построены так-то и так-то, на духовном плане превращаются в прямую противоположность. Иметь ослиные уши на физическом плане не такая уж честь, а в духовном мире получить в имагинации ослиные уши — нечто более почетное, чем на физическом плане орден для какого-нибудь профессора философии. Но представьте себе кого-то,

кто привык только к физическому плану и вдруг — как сказано, каким-то чудом — сделался ясновидящим и видит себя с ослиными ушами: он подумает, что над ним глумятся, что его обманули. Одного этого достаточно, чтобы он счел все это чистой иллюзией. Вплоть до мельчайших подробностей в духовном мире все выглядит иначе, чем здесь, в физическом мире, и надо пережитое в духовном мире как бы перевести на язык соответствий в физическом мире, если хотят добиться правильного истолкования. Так что этими ослиными ушами я не собирался вас просто повеселить. Покопайтесь в древних книгах, и вы обнаружите: там приводятся такие сновидения, которые снились философам, дабы убедить их в их внутреннем философском призвании. Это типичный сюжет, типичное сновидение. И философы, благодаря тому, что видели себя с ослиными ушами, приходили к убеждению, что они действительно имеют философское призвание.

Много поразительного, ошеломляющего должны будут пережить люди, если захотят снова ознакомиться с особенностями духовного мира. Когда вы читаете «Химическую Свадьбу Христиана Розенкрейца в году 1459», у вас подчас возникает чувство: невозможно не смеяться над гротескными вещами в этой книге. И тем не менее они глубоко значительны, только указанный там путь описывается не в сентиментальной манере, а с замечательным юмором.

Я уже сказал: можно и в более поздние времена найти нечто аналогичное обучению Нумы Помпилия нимфой Эрегией в римской истории. В наше время больше такие вещи людям не сообщаются, но потому-то мы имеем не историю, а своего рода сказочку для детей. Примите только во внимание, как в конце XVI — начале XVII столетий возникла фигура Якова Бёме с его глубокими прозрениями, которые вмещали действительный великий, мощный обзор интуиции прежних времен. К числу учеников Якова Бёме относилось множество людей более позднего времени, и одним из последних известных учеников был Сен-Мартен*. Сен-Мартен, особенно в своей книге «О заблуждениях и истине», опирается целиком на Якова Бёме. Но ему еще известно многое из древних традиций, так что он знает: если человек хочет иметь идеи относительно социальных структур, хочет иметь реальные, действенные политические идеи, то он не должен их просто придумывать — эти идеи должны излиться из духовного мира. И Сен-Мартен в своей книге «О

заблуждениях и истине», высказывает не просто идеи относительно внешней природы и процессов в ней, не только относительно истории и ее хода, но высказывает также политические идеи, совершенно определенные политические идеи. В наше время, когда государство сделалось единственной политической структурой, эти идеи назвали бы государственными. Но среди этих размышлений находится одно совершенно определенное, важное представление, и показательно, что такое представление как бы увенчивает политические воззрения Сен-Мартена. Он говорит об «изначальной супружеской измене». Эта супружеская измена имела место в те времена, когда сексуальных отношений на Земле между мужчиной и женщиной еще не существовало. Так что он не подразумевает обычной супружеской неверности; он имеет в виду нечто совершенно иное — он имеет в виду нечто, над чем распростерт очень прочный и плотный покров, нечто, о чем намекает Библия**, когда говорит: «И сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены». Ведь это то самое событие, из-за которого произошла вся сумятица в атлантическом мире, причем все это находится в таинственной связи с тем, что человек материализовал свою элементарно-духовную природу. Событие, которое Сен-Мартен называет «изначальным нарушением брака», может быть обозначено только намеком; так он и делает.

Но у Сен-Мартена заметно, что он считается с необходимостью возвращаться к тем временам, когда еще кое-что знали о человеке (поднимаясь поверх чувственного мира к духовному миру), если собирались размышлять о политике, а не просто созерцать внешние взаимосвязи людей, как это делается сегодня. Основания политического анализа надо извлекать именно из спиритуального мира. Это знал еще Сен-Мартен в конце XVIII века (он умер в 1804 году), и его книга «О заблуждениях и истине» была переведена вскоре на немецкий язык. Это не лишено интереса, так как известный пастор***, выступая невдалеке от наших мест против культивируемой у нас духовной жизни, сказал, что нашим «сумасбродствам» надо противопоставить добропорядочного простака Матиаса Клаудиуса****. И попутно он, дабы опровергнуть нас, процитировал одну строфу из Матиаса Клаудиуса. Но ведь книгу Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» как раз и перевел тот самый Матиас Клаудиус, чтобы сделать доступным своему народу то, что являлось в те времена спиритуальной наукой. Так что

упомянутый господин, цитируя Матиаса Клаудиуса, обнаружил только этим свое колоссальное невежество, не говоря уже о том, что он процитировал только одну строфу, а если бы он процитировал предыдущие строфы, то сразу же опроверг бы сам себя; но он удовольствовался только одной строфой, считая, что этого достаточно, чтобы обернуть ее против Антропософии.

Итак, еще в XVIII столетии Сен-Мартен знал, что должен существовать мост между мыслями человека и духовным знанием, спиритуальным воздействием высших миров, если хотят иметь плодотворные политические идеи. Таким богооставленным, как девятнадцатое столетие и начало двадцатого, не было, собственно, ни одно из предыдущих столетий. Важно это не упускать из виду. Но и так бахвалиться своей богооставленностью не свойственно было ни одному столетию. Вообще, когда в наше время стали бы читать искусство государственного управления, приверженцем которого выступает Сен-Мартен, то, думаю, ученые собрания и управители судьбами мира надорвались бы от смеха. Ибо в наше время растет устремление как можно меньше знать о том, что вокруг нас на самом деле происходит. Можно вообще вычеркнуть из сознания все спиритуально-живые мысли и принять решение оперировать только трупами мыслей. Но дела человека направлены в другую сторону. То, что люди делают, вписано в живые мысли. И когда люди со своими мертвыми мыслями сторонятся мыслей живых, тогда именно возникает хаос. Этот хаос должен быть преодолен. А для этого необходимы те ясные прозрения, о которых я не в первый раз говорил в этих лекциях. Но это требует во многих отношениях прямо противоположного тому, что в наше время считается правильным и образцовым.

И прежде всего такой поворот действительно потребует там — лучше всего было бы, если бы этот поворот уже в данный момент охватил широчайшие круги, — где дело идет о воспитании людей, как самых юных, так и самых старых. Ибо нет такой области, где человечество так впало бы в материализм, как именно в области воспитания.

Разрешите мне в заключение предложить вам одну мысль, которая будет нас занимать в ближайшее время, так как она интересна и важна для всех. Но только позвольте представить эту мысль так, чтобы сначала ваша душа пару дней поработала над ней и лучше подготовилась к усвоению этой мысли.

На нынешних детей мы ведь должны смотреть, собственно, так: это иссыхающий, распадающийся сосуд, как я вам говорил на днях. Но глубоко внутри находится то, что и является истинным человеком, что не находит более выражения во внешнем, как это было вплоть до XV столетия. Надо все больше принимать во внимание, что как раз у ребенка — в манере его мышления, разговора и жестикуляции — внутреннее не полностью может найти внешнее выражение. Больше внутреннее не получает полного выражения во внешнем, и прежде всего это заметно на ребенке. Во многих отношениях в наше время ребенок есть нечто совершенно другое, чем это выражено внешне. Бывают даже крайние случаи. Внешне ребенок может быть отъявленным сорвиголовой, а внутри добрым малым, так что в будущем из него получится ценный член общества, тогда как можно найти много молодцов, весьма благовоспитанных, которые не засовывают пальцы в рот и не корчат рожи, хорошо учатся, подчас становятся хорошими директорами банков, хорошими педагогами по современной мерке, а также хорошими юристами, но являются никчемными людьми (простите мне эти суровые слова), ибо они не могут обрести внутренней гармонии с собой и окружающим миром. Именно в области воспитания и педагогики должен сделаться приоритетным тот принцип, что современный человек внутренне является чем-то существенно другим, нежели это выражается внешне. Но из этого следует, что в будущем отбор педагогов и воспитателей будет производиться на другой основе, чем теперь. Так как прозрение во внутреннее, которое не находит себе выражения во внешнем, вызывает к определенному пророческому дару. Поэтому потребуются так учинять экзамены для педагогов, чтобы освободить дорогу обладателям интуитивного, пророческого дара, а остальных отстранять, независимо от их эрудиции.

В наши дни люди слишком далеки от того, чтобы принимать во внимание пророческий дар, когда речь идет о педагогическом призвании. Но ведь в наше время люди вообще далеки от многого, что должно прийти. Поэтому цену таким принципам люди постепенно узнают под нажимом эволюционного движения. И вообще, многим материалистически мыслящим людям нашего времени покажется просто безумием, когда говорится: педагоги должны сделаться пророками. Но так будет не всегда. Люди будут принуждены признать подобные вещи.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 12 октября 1917 г.

Чтобы приблизиться к затронутым проблемам, мне хотелось бы сегодня включить одно промежуточное рассмотрение. Всем вам известен забавный трюк, который часто проделывается фокусниками: показывается груз, тяжелый груз, и изображаются усилия, которые надо приложить, чтобы поднять его. На гирих обычно написаны, правдоподобия ради, цифры — столько-то и столько тонн или килограммов. После того, как фокусник с напряжением медленно поднимает тяжесть, а публика удивляется силе его мускулов, он подбрасывает тяжесть вверх либо же приглашает маленького ребенка и тот с легкостью начинает играть с тяжестями, потому что они сделаны из картона и только формой и цифрами создают впечатление настоящего груза.

Об этих трюках часто вспоминаешь сегодня, когда, будучи хотя бы немного оснащен духовнонаучными представлениями, вникаешь в то, что пишут наши современники — в том числе и самые высокодуховные — об исторических событиях и об исторических личностях. Это касается, собственно, тех биографий и исторических описаний, которые превосходно выполняют свою задачу в современном духе. Имея духовнонаучную подготовку, можно некоторое время испытывать глубокое удовлетворение от таких описаний. Но когда в конце концов даешь целому еще раз подействовать на душу, создается впечатление, как если бы прибежал ребенок и шутя расшвырял бы всю гору приведенных материалов.

Такое ощущение испытывают не все, хотя инстинктивно оно возникает в наши дни у многих в связи с историческими описаниями. Вся римская история и, особенно, греческая, как она преподносится сегодня, относится, собственно, к той области, которую можно охарактеризовать так, как я это сделал. И в качестве примера я мог бы указать на одного писателя-историка в определенной области, которого необычайно высоко ценю, хотя он производит на меня подобное впечатление. Я, к примеру, необычайно высоко чту Германа Гримма* в качестве писателя-историка, как это следует из множества моих лекций. Но достаточно мне взять его книгу о Гёте, или о Микеланджело или, о Рафаэле, как эти фигуры представляются мне, говоря метафорически, полностью лишены силы тяжести или же бесплотными тенями. Весь Гёте у Германа Гримма, а также весь его

Микеланджело в конце концов всего лишь фигуры из диапроектора**, которые также лишены тяжести.

Почему так происходит? Да потому, что те, кто вооружен современным образованием, всем современным подходом, чаще всего считают, что описывают реальность, не имея при этом ни малейшего представления об истинной реальности. В наше время люди так бесконечно далеки от истинной реальности, ибо не ведают того, что нас постоянно окружает и что придает фигурам «вес» — конечно, не физический, но духовный.

Подумайте только, что как раз на этих неделях, наверное, стократно, а может быть тысячекратно описывалась фигура Лютера***. Описывалась, само собой, высокодуховным образом; ведь пишущие сегодня в большинстве люди высокодуховные. Говорю это совершенно серьезно. Но Лютер, которого описывают наши современники, напоминает фигуру из картона, ибо этим описаниям не хватает того, что придает фигуре вес. Можно сказать: если кто-нибудь сидит здесь на стуле, а перед ним кто-то поднимает штангу, то выглядит все одинаково, независимо от того, из чего сделана штанга: из картона или из металла. И если нарисовать то, что видишь, получится то же самое. Картина может получиться вполне реалистичной, хотя штанга сделана из картона. Так что исторические личности могут быть в узком смысле слова правильно описаны — например, Лютер, — и нашим современникам, которые гордятся своим реализмом, может в высшей степени удаваться передать многочисленные подробности, многочисленные детали, высказать важные вещи, дабы создать высокодуховный образ. Однако он не будет соответствовать действительности, ибо ему не хватает духовного «веса».

Когда действительно понимают в наше время Лютера? Его действительно понимают только тогда, когда знают внутренние свойства Лютера, которые с нашей точки зрения являлись совершенно автономными внутренними свойствами его личности, когда знают, что Лютер выступил почти сразу же после начала пятой постатлантической эпохи, и когда знают, что в его характере, в его душе жили все импульсы человека четвертой постатлантической эпохи. Он был как бы перемещенным лицом пятой постатлантической эпохи, он чувствовал, мыслил и ощущал, как человек четвертой постатлантической эпохи; но перед ним стояли задачи пятой эпохи, ибо он выступил почти в самом начале пятого постатлантического времяисчисления. Так, в начале пятой

постатлантической эпохи, на горизонте ее появился человек, который, собственно, заключал в своем характере все свойства четвертого постатлантического периода времени. И бессознательно, инстинктивно жила в душе Лютера перспектива того, что должна была принести пятая постатлантическая эпоха.

Что же она должна была принести? Тотальный материализм, который вообще мог прийти только в постатлантическую эпоху. Материализм должен был постепенно проникнуть во все сферы. Выражаясь парадоксально (парадоксы, естественно, никогда не передают точно положение дел, но это положение дел можно извлечь из них), можно сказать: поскольку Лютер по всему складу своей души и чувств был полностью укоренен в четвертой постатлантической эпохе, он, собственно, не понимал, что несут материалисты пятой постатлантической эпохи в глубине своих душ. Перед его внутренним взором инстинктивно, более или менее бессознательно вставала та напряженность, с какой люди пятой постатлантической эпохи должны относиться к внешнему миру, как они будут действовать во внешнем мире, как они будут связаны с деятельностью внешнего мира; но это предстало перед ним, как перед человеком, который чувствовал в духе четвертой постатлантической эпохи. Вот почему он решительно подчеркивал: любой контакт с внешним миром, всякое взаимодействие с внешним миром не может привести ни к чему хорошему. Надо освободиться от этой деятельной связи, освободиться ото всего, что дает внешний мир, и обрести исключительно в глубине души связь с духовным миром. Не из познания, а из веры, вырастающей в глубине вашей души, вы должны строить мост между мирами духовным и земным. Из этого отказа от привязанности к внешнему миру происходит акцентирование Лютером исключительно внутренней связи с духовным миром через веру.

Или возьмем нечто другое. В известном отношении духовный мир был открыт духовному оку Лютера. Нет нужды оправдывать его встречи с дьяволом, как это делает Рикарда Хух, хотя в остальном ее книга о Лютере написана весьма достойно. Но его встречи с дьяволом не надо в наши дни оправдывать, говоря: он не верил в дьявола с хвостом и рогами, гуляющего по улице. Он имел действительные встречи с дьяволом. Он знал, что это существо ариманической природы; это он прекрасно знал. Перед его

духовным оком, как перед человеком четвертого постатлантического периода, духовный мир был еще до известной степени открыт — открыт как раз для тех явлений, которые, естественно, важны для пятой постатлантической эпохи. А самые важные духовные силы пятой постатлантической эпохи — это силы ариманические. Потому он их и видел. И наоборот, люди пятого постатлантического периода имеют то свойство, что находятся под влиянием этих сил, но не видят их. Но поскольку Лютер в каком-то смысле пришел из четвертого постатлантического периода, он видел эти силы и реагировал соответственно. И если не принимать этого во внимание — этой их конкретной взаимосвязи с духовным миром, — то Лютера просто не понимают.

Если вы возвращаетесь в XV, XIV, XIII, XII столетия, вы повсеместно находите прозрение в материальное пресуществление. Написанное позднее — это по большей части надувательство, так как соответствующие тайны были потеряны с окончанием четвертой постатлантической эпохи. Но ведь не все из написанного было сплошным надувательством, там содержалось и много правильного, его только трудно обнаружить; а в том, что писалось в более позднее время, как раз нет ничего выдающегося. Ибо соответствующие тайны были утрачены. А во времена, когда еще были известны тайны алхимии, — в четвертую постатлантическую эпоху, — в церковных сферах можно было спокойно говорить о пресуществлении, о превращении хлеба и вина в плоть и кровь, ведь с этими словами еще могли связывать определенные понятия. Лютер был тесно связан с образом мыслей, со строем чувств четвертой постатлантической эпохи, но был вписан в пятую. Поэтому он должен был изъять пресуществление из физических, материальных взаимосвязей трансформации. И чем же было для него это таинство, пресуществление? Процесс, происходивший только в духовном. Нет никакого превращения, говорил он, а только когда производится таинство, в верующих переходит тело и кровь Иисуса Христа. Все, что говорил Лютер, все, что он думал и ощущал, он говорил, думал и ощущал потому, что он имел склад души человека четвертой постатлантической эпохи: те духовные взаимосвязи с богами, которые существовали у людей четвертой постатлантической эпохи, он спасал ради пятой, богооставленной эпохи — материалистической, духовно опустошенной, утратившей веру, покинутой истинным знанием эпохи.

Тогда фигура Лютера обретает духовный «вес», тогда понимают, почему он сказал то или иное, совершенно независимо от впечатления, которое он производит на нас в наши дни. Он прочно коренится во внешнем мире, как имеющий подлинный вес. И пусть сотни и тысячи современных теологов или историков приходят и описывают свои впечатления, — весомой личности у них не получится, а только картонный персонаж.

Теперь вы видите, к чему все сводится в настоящее время. Все сводится к тому, чтобы обрести понимание тех факторов, которые придают окружающему миру духовный вес, — понимание, что дух живет во всем и что человек только тогда найдет этот дух, когда попытается приступить к нему с духовной наукой. Вы можете собрать сколько угодно документов и материалов по поводу Лютера, вы можете во внешнем смысле слова нарисовать его точный образ, — он останется относительно картонным персонажем, если вы не сможете обратиться к тому, что придает образу духовный вес. Тогда опять-таки может быть сказано: это ведь горько, что высокодуховные умы могут дать только такие описания, которые по весу можно сравнить с картоном. И даже если так, но ведь эти описания поистине прекрасны, во многом удачны, неужели же они разом должны теперь измениться? Разве нельзя и дальше продолжать радоваться таким описаниям? Перед нашим взором встают два вопроса, которые могут нас сильно затронуть. Почему же тогда духовный мир пробудил в людях такие инстинкты, которые привели к этим описаниям? Ведь, собственно, эти вещи указывают на одно весьма распространенное явление, тесно связанное с человеческой природой. Я уже указывал, что мы живем в такое время, когда должны проявиться определенные истины, которые неудобны для людей. Но кто читает знаки времени, тот знает, что такие истины должны прийти.

Для текущего номера журнала «Рейх» я написал первую часть своей статьи о «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца». И там я подспудно указал на одну из таких истин. Еще совсем недавно считалось предосудительным со стороны знающих открыто говорить о таких вещах, а в наше время эта открытость вполне закономерна, хотя и может создать неудобства. И как раз с тем, на что я сегодня хотел указать, связано одно небольшое место в этой статье, которая скоро появится в «Рейхе»*.

Разве мы, люди, не проходим через мир таким образом,

что поначалу о непосредственно окружающих нас вещах не имеем никакого полновесного знания? Я думаю, любой может в этом сразу же убедиться. Мы ведь проходим через мир так, что, главным образом, впечатления поступают нам через наши глаза; и если к этим впечатлениям не присоединятся другие переживания, мы никогда не сможем быть совершенно уверенными, имеет ли то, что мы видим, большой или малый вес. Мы сначала должны поднять предмет и ощутить его вес. Подумайте только, сколько существует вещей, о которых вы не можете определенно сказать, сколько они весят. И в конечном счете, если вам известно, что предмет обладает тяжестью, то вы черпаете это знание не из работы вашего зрения, а из воспоминания о том (только вы об этом не думаете, все происходит в подсознании), что вы однажды уже поднимали нечто подобное, и тогда вы совершенно бессознательно делаете инстинктивное заключение: раз эта вещь выглядит, как выглядела та, которая имела такой-то вес, то и эта вещь будет весить столько же. Простое созерцание не дает вам такого опыта. Что передает нам наше зрение? Один обман. Если бы мы воспринимали мир только одним органом чувств, то мы были бы жертвами тотального обмана. Вокруг был бы сплошной обман! И мы преодолеваем обман только благодаря тому, что бессознательно, инстинктивно призываем на помощь наш опыт. Так что, собственно, весь мир стремится нас обмануть, даже в области внешних чувств. Мы живем, в сущности, в таком мире, который нас постоянно обманывает, — обман заложен уже изначально. В наше время обман может быть вполне натуралистическим. Художник, скульптор исходят из того, чтобы представить нечто *для* одного из органов чувств. И вы при этом не думаете, что поддаетесь благодаря этому только майе, только иллюзии; ибо именно тогда, когда пытаются совершенно реалистически представить предмет *для одного* из органов чувств, человек поддается только обману, только майе. Но в этом обмане есть необходимость, ибо без него невозможно развитие сознания. Развитием сознания мы обязаны обману. И если продолжить мой пример с внешними чувствами: случись так, что все вещи, которые только предстают нашему взору, являли бы свой истинный вес, я бы постоянно, пока я пользуюсь глазами, ощущал груз всех предметов, которые попадают в поле моего зрения, и не мог бы развивать сознание внешнего мира — это самоочевидно. Нашим сознанием мы обязаны обману. В основе устройства нашего сознания лежит обман.

Мы должны обманываться ради продвижения вперед, ради развития сознания, ибо сознание — дитя обмана. Но только обман не должен поначалу проникать в человека, иначе он впадет в заблуждение. Обман остается по ту сторону порога сознания. Страж порога охраняет нас от того, чтобы сразу видеть, что на каждом шагу окружающий мир нас обманывает. Мы возвышаемся, когда мир утаивает от нас свой вес и позволяет благодаря этому подняться над собой, развить сознание. Сознание зависит также от множества других вещей; но в первую очередь, оно зависит от того, что окружающий нас мир пронизан обманом.

Но как необходимо, чтобы определенное время господствовал сплошной обман и родилось сознание, так же необходимо, когда сознание родилось, снова подняться над обманом, причем в определенных областях. Ибо сознание покоится на майе, на обмане, оно не может пробиться к подлинной действительности. Оно должно подлежать указанным переменам. Итак, должны чередоваться периоды: периоды описания отношений и личностей, лишенных веса, и периоды, когда снова можно узреть весомость, духовный вес. В наше время в связи с масштабными мировыми событиями мы стоим у истоков одного из таких периодов, и это же относится к повседневным явлениям. Время требует прозревать определенные вещи, которые в этой области должны быть приняты со всей серьезностью. Но одно особенно важно: когда в наши дни мир обращает свой взор на восток, на то, что живет на европейском востоке, то европейский мир, мир средней Европы, а также Америка видят не больше весомости, чем в тяжестях из картона: совершенно не замечают заключенного на востоке духовного веса. Скажу вам больше, сами люди, живущие на европейском востоке, тоже не имеют правильного представления о том, что там духовно живет. Как Лютера узнают, когда видят в нем человека, который своим внутренним принадлежит четвертой постатлантической эпохе, но перемещен к истокам пятой, так же мир должен познать, как, собственно, обстоит дело с духовностью этого европейского востока, ибо такой подход соответствует тактике пятого постатлантического периода. Припомните все, что было сказано в различных лекциях и циклах лекций об этом европейском востоке: как там вырабатывается Самодух, как он должен связать себя с Душой сознательной запада, — и прибавьте к этому то, что там подготавливается как импульс для шестой постатлантической эпохи, тогда вы

получите то, что может придать этому европейскому востоку соответствующий вес. А возьмите вы все, что говорится в современных «высокодуховных» описаниях, и вес их не превысит картонного. Но ведь действовать-то нельзя, опираясь на погруженное в майю, в обман; действовать можно, только опираясь на имеющееся в реальности. Ясно, что вам не понравится, если продавец положит на весы вместо настоящих гирь картонные. Вы сразу обнаружите, что важно не как выглядит гиря, а сколько она весит. Все политические тезисы, все политические импульсы и лозунги, провозглашаемые в связи с Россией, останутся ничем, останутся мыльными пузырями, если не будут исходить из того сознания, которое вырастает из познания духовной весомости. Все, что говорится в наши дни, представляется поистине так, как если бы на весы мировой истории клались картонные гири. Раз должно развиваться сознание, определенный период должен господствовать обман. А когда сознание разовьется, не должно быть по инерции больше места шаблону и удобству и надо будет руководствоваться реальностью, а не просто внешним обманом. Должен иметь место переход от излюбленных ныне воззрений, с которыми удобно, к тем, которые располагают гораздо большей жизненностью в своих понятиях, но, к сожалению, не создают удобства, так как вызывают беспокойство. С воззрениями будущего невозможно столь удобно ужиться, как с прежними. Почему же нет? Это я хотел бы вам пояснить одним сравнением, которое, возможно, снова вас сильно поразит. Но мне не хотелось бы избегать говорить такие вещи, независимо от того, что ощутит тот или иной в связи с ними.

Я ведь уже указывал на то, что в прежние эпохи, еще в четвертой постатлантической эпохе, люди располагали силами, которые в наше время подверглись превращению, стали другими. Я даже говорил, что и само ясновидение стало в наше время чем-то другим, покоится на других основаниях. Определенные вещи не могут больше производиться так, как они, к примеру, еще производились в четвертой постатлантической эпохе, и это среди прочего относится к следующему.

В четвертую постатлантическую эпоху — люди знают об этом сегодня только по рассказам, которые, естественно, не вызывают доверия, — существовали испытания огнем. Они заключались в том, что пытались установить виновность или невиновность того или другого человека, предлагая ему

пройти по тлеющим угольям. Если он получал ожоги, его признавали виновным, а если он выходил невредимым, то его считали невиновным. Для современного человека, естественно, это старое суеверие, но это не так. Только это относится к тем качествам, которые были у людей раньше и которых теперь больше нет. Природа человека раньше имела такое свойство: когда невиновный в момент испытания был настолько проникнут сознанием своей невиновности, настолько чувствовал себя под протекторатом божественных духов и так прочно ощущал в своем сознании связь с духовным миром, что его астральное тело извлекалось из физического, тогда он мог своим физическим телом пройти по углям. Так бывало в прежние времена. И это правда. Было бы неплохо уяснить для себя определенным образом, что это «древнее суеверие» покоится на определенной истине, хотя я не рекомендовал бы вам завтра же мчаться рассказывать об этой деликатной истине своему пастору.

Но все это видоизменилось. Человек, способный доказать свою невиновность таким способом, при определенных обстоятельствах мог быть проведен через тлеющие уголья. Но будьте уверены: и в те времена в целом люди боялись огня и весьма неохотно ходили по тлеющим угольям. Уже и в те времена в целом это вызывало дрожь, но только не у тех, кто таким образом мог доказать свою невиновность. И часть той силы, которая в былые времена вела человека через тлеющие уголья, сделалась теперь более внутренней — в том смысле, в каком об этом вообще говорилось в последний раз. Причем именно ясновидение пятой постатлантической эпохи, связь с духовным миром покоится на тех же самых, но видоизмененных силах, на которых покоилось прежде прохождение через огонь. Только эти силы сделались более внутренними.

Если в наше время хотят встретиться с определенными факторами духовного мира, необходимо преодолеть страх, сходный с тем, который надо было преодолевать в прежние времена, когда проходили через огонь. Вот почему сегодня многие люди как огня боятся духовного мира. Нельзя даже сказать, что эта боязнь сгореть — чистая метафора; они реально боятся сгореть. На этом базируется враждебность к духовной науке: люди боятся сгореть. Но дух времени требует от нас, чтобы мы постепенно подступали к огню, чтобы мы не боялись реальности. Ибо то углубление внутренней жизни, которое я недавно описывал, требует множества факторов, и поначалу элементарного — в дальнейшем оно

будет все крепнуть — вхождения в духовный мир, приближения к нему во всех областях, особенно в области воспитания. Что касается воспитания, можете не сомневаться: должны быть приняты во внимание совершенно другие факторы, если требуется преодолеть материализм, находящийся сейчас на своем пике. Надо понять: многое из того, что в узком смысле слова считается правильным, должно быть удалено вместе с материалистическим жизнепониманием — ведь оно основывается на показаниях органов внешних чувств, а потому является обманом, майей, — а многое заменено на прямо противоположное. Господствующая в наше время установка в области воспитания направлена на то, чтобы как можно больше снабдить воспитателя, учителя методическими указаниями. Повсеместно распространены инструкции: это надо делать так, а это по-другому. Главное устремление — создать поистине жесткие понятия в области воспитания. И вообще над современными людьми веет призраком шаблона. Представляется самым желательным создать модель такого идеального воспитателя, которой постоянно можно было бы руководствоваться. Но простейшие наблюдения над самими собой могут, собственно, разъяснить этот вопрос. Задайтесь только вопросом, применяя ту меру самопознания, на которую вы способны, опираясь на то, чем вы стали в жизни (в известной степени, уже достаточно того, чем вы стали): как выглядел учитель, воспитатель, который занимался вами в юности? Или же, если это не получится, попробуйте взглядеться в какую-нибудь известную, важную личность, а затем прикинуть, каков мог быть ее воспитатель и сможете ли вы соразмерить значение этого воспитателя с тем, чем сделался его ученик?

Было бы гораздо интереснее, если бы в биографиях больше говорилось о воспитателях; тогда бы обнаружилось много интересного. А из современных биографий не извлечь много данных о работе, проделанной воспитателем, чтобы ученик сделался той личностью, какой он стал. По большей части описывают, как в случае с Гердером, который сделался знаменитым человеком, причем самым известным учителем его был ректор Гримм*: последний постоянно страшно порол детей. Но трудолюбие Гердера взялось не оттуда: он был активным юношей и его мало пороли. Так что в случае Гердера особенности его воспитателя никак не проявились! Об этом ректоре Гримме рассказывают забавную историю, и это быль: однажды одноклассника Гердера сильно выпороли.

Когда он вышел на улицу, ему встретился человек, который привозил из деревни телячьи и овечьи шкуры. И тот спросил юношу: скажи-ка, мой юный друг, где тут можно найти кого-то, кто мог бы выдубить мои шкуры докрасна? Я хочу, чтобы шкуры моих телят и овец были выдублены докрасна. Юноша говорит ему: ну, тогда вам надо обязательно пойти к ректору Гримму, он мастер спускать шкуры; он здорово выдубит ваши шкуры — это он умеет! И действительно этот человек отправился к ректору Гримму; ректору это был прекрасный урок. Но не правда ли, эти качества воспитателя Гердера не слишком в этом уроке проявились. И вы найдете многое, если поинтересуетесь системой воспитания людей, которые впоследствии сделались знаменитостями.

Так что гораздо важнее то, что основывается на более интимных вещах. Важно, особенно в области воспитания и преподавания, чтобы заняла свое место идея судьбы — вопросы кармы и судьбы. Важно, с какими личностями свела меня моя карма, когда я был еще ребенком или юношей. И необычайно многое зависит от этого впечатления, от осмысления этого взаимодействия в процессе воспитания. Вы видите, что от душевного склада, от душевной общности зависит очень многое.

Если вы примете то, что может быть в наше время сказано с духовнонаучной точки зрения о воспитании, то вы найдете полное согласие с вышесказанным. Сегодня мы должны особенно подчеркивать: для первых семи лет жизни, до смены зубов, очень важна подражательная способность ребенка, а для второго семилетия, до половой зрелости, важна его приверженность авторитету. Но и мы сами должны потрудиться, чтобы ребенок смог этому правильным образом подражать. Ведь ребенок подражает всем, но особенно своему воспитателю. От семи до четырнадцати он верит всем, но особенно своим воспитателям и преподавателям. И наше правильное поведение осуществимо только под воздействием идеи кармы, если мы действительно внутренне связаны с нею. А лучше или хуже мы преподаем — фактически не так уж важно. Совершенно необразованные учителя могут при определенных обстоятельствах иметь огромное влияние. От чего это зависит? Как раз в эпоху того внутреннего углубления, которое я вам описывал, все зависит от того, являемся ли мы настоящими учителями и настоящими воспитателями все зависит от того, каким образом мы уже были связаны с душой ребенка, прежде чем мы оба, воспитатель и ученик, родились на земле. Ибо вся разница

состоит только в том, что учитель или воспитатель на столько-то лет раньше ребенка пришел в мир; а до того мы были связаны с детьми в духовном мире. Откуда берется инстинкт подражания, тяга к подражанию, когда мы родимся? Мы ведь приносим ее с собой из духовного мира. Мы потому являемся подражателями в первые годы жизни, что приносим с собой тягу к подражанию из духовного мира. И кому же нам больше всего нравится подражать? Тем, кто привил нам наши качества в духовном мире, от кого мы нечто переняли в духовном мире, в той или иной области. Душа ребенка была связана с душой воспитателя, с душой учителя еще до рождения. Это была интимная связь, и на нее должно равняться внешне телесное, живущее на физическом плане.

Если вы сказанное примете не как абстрактную истину, а воспримете всей душой, то вы заметите, что тем самым сказано нечто огромной важности. Подумайте только, какой священной серьезностью, какой бездонной глубиной будет пронизана душа в области воспитания, если она будет жить под впечатлением: ты даешь теперь ребенку то, что он воспринял от тебя в духовном мире до своего рождения; если бы это стало истинным внутренним импульсом! От такого умопостижения, от такого душевного склада зависит гораздо больше, чем от тех или иных мероприятий. Это проявляется уже тогда, когда между воспитателем, учителем, и учеником господствует правильное настроение, когда это настроение и это умопостижение вырастают из священной серьезности великих жизненных задач. И прежде всего должна наличествовать эта священная серьезность. Вот что особенно важно в этой области. Тлетворно действует, когда в наше время добиваются всеми способами, чтобы ребенку все было понятно. Я уже часто указывал, что ребенок не все может понимать. С первого по седьмой годы жизни он вообще ничего не может понимать; он всему подражает. А если он недостаточно подражает, то в дальнейшем он не сможет в достаточной степени проявлять свое внутреннее содержание. С седьмого по четырнадцатый годы жизни ребенок должен верить, должен находиться под влиянием авторитета, если ему суждено проделать здоровое развитие. Практиковать эти принципы в жизни — вот в чем задача.

Когда в наши дни преувеличенно хлопочут о том, чтобы все было понято, когда, так сказать, невозможно преподнести дважды два — четыре без того, чтобы не проследить, что все было понято (а все равно дети не понимают!), то детей

превращают из разумных созданий в вычислительные машины. Детям запечатлевают заложенный в элементарном окружающем мире рассудок, как я об этом недавно говорил*, вместо того, чтобы развивать свой собственный рассудок. И именно это происходит в наше время очень часто. Было потрачено много сил, чтобы создать идеал, направленный не на приобретение собственного рассудка, а на привнесение рассудочности из элементарного мира, который разлит в нашем окружении, так что ребенок как бы вплетается, попадает в паутину элементарного мира. Это видно также во многих случаях современности. Относительно многого в наше время мы как раз можем сказать: ведь люди совершенно не думают сами, а как бы мыслят во всеобщей мыслительной атмосфере. А если должно возникнуть что-то индивидуальное, то это зависит от чего-то совершенно другого, чем то, что и так заложено в общечеловеческой природе как божественное.

Человек должен снова пробиться к природе и существу живого, в том числе и в постижении мира. Как было сказано, это не столь удобно, как манипулировать безжизненными трупами понятий. Человек должен снова постигнуть живое. И человек должен снова познать, что жизнью могут править не мертвые истины, а истины живые. Мертвая истина — это вот что.

Мы должны воспитывать детей разумными людьми, это наша обязанность. Значит — так гласит мертвенная истина, — мы должны как можно раньше культивировать рассудок, тогда и люди будут более разумными. Но это полная бессмыслица. Это такая же бессмыслица, как если бы годовалого ребенка кто-то стал бы готовить к профессии сапожника. Ребенок тогда вырастает разумным человеком, когда не слишком рано начинают культивировать его рассудок. В жизни часто надо делать противоположное тому, чего собираются достичь. Ведь еду тоже нельзя сразу есть, ее надо сначала сварить. И если отказаться от приготовления еды, то, вероятно, придется отказаться и от самой еды. Равным образом человека невозможно сделать разумным тем, что как можно раньше культивируют его рассудок, а лишь тем, что с раннего возраста уделяют внимание тому, что позднее делает его разумным. Абстрактная истина звучит так: рассудок культивируют с помощью рассудка. А жизненная истина такова: рассудок культивируют через здоровое доверие правомерному авторитету. Посылка и вывод в живом тезисе имеют совершенно другое содержание, чем

посылка и вывод в мертвом, абстрактном тезисе. Вот с чем человечество должно постепенно знакомиться все больше.

Но это неудобно. Представьте себе, как было бы удобно поставить себе цель и думать, что ее можно непосредственно достичь, делая то, что содержится в понятии цели. В жизни человек должен делать как раз противоположное. И это, естественно, неудобно. Но вписаться в реальность и в жизнь — вот что является задачей нашего времени и то, чем мы должны в узком смысле слова наполнить себя. И это необходимо как в отношении великих задач, так и повседневных. И если не внять этому, невозможно понимание своего времени — будут делать противоположное тому, что надо. В наше время совершенно не догадываются, насколько мы абстрагировались, насколько все у нас сделалось бесконечно абстрактным, ибо все хотят подвести под определенный шаблон. Но реальность нельзя втиснуть в шаблоны, реальность постигается в ее метаморфозе. Наша голова, «позвонок» нашей головы, это преобразованный позвонок спинного мозга, но при этом оба выглядят совершенно по-разному. Разрешите привести вам один пример из практической жизни. Представьте себе: в каком-нибудь институте есть преподаватель, который защищает мнение, противоречащее всем моим взглядам или взглядам моих однокурсников. Естественно, я не пожалею сил, чтобы доказать: преподаватель преподает что-то неправильное, — не пожалею труда, ибо так диктует мой долг, чтобы доказать, что он не прав, то есть, говоря грубо, мелет чушь. Такова одна сторона вопроса.

Допустим, случилось так, что этот преподаватель по какой-то причине переведен на административную работу (такое могло быть и в виде дисциплинарного взыскания). Что же тогда мне делать? Естественно, возражать против его перевода на другую должность или дисциплинарного взыскания, но оставаться противником его теорий, пока они преподавались в гуманитарном учреждении. Пока речь идет о теоретическом плане, возможна теоретическая баталия. Но эта баталия прекращается или даже превращается в самозащиту, если дело идет о каком-то внешнем учреждении. И надо знать, что было бы предосудительно из чувства враждебности каким-то образом соучаствовать в упомянутом дисциплинарном взыскании. А теперь представим себе, что названный преподаватель читал бы курс политэкономии или политики и был призван на государственную службу и решался бы вопрос, иметь ли его на государственной службе

или нет. Как вести себя в таком случае? Естественно так, чтобы как можно быстрее убрать его с этой должности, так как его теории в этом случае становятся практически вредоносными.

В практической жизни дело всегда сводится к тому, чтобы жить в реальности, в непосредственной живой реальности, и не давать господствовать своим понятиям. А в жизни понятий дело сводится как раз к тому, чтобы как можно более четко рассматривать свои понятия. Я привел вам этот пример, чтобы пояснить, в чем разница между поведением в действительности и ориентированием в своих понятиях. Кто не делает таких различий, тот не сможет справиться с задачами ближайшего будущего. Такой неразличающий человек в лучшем случае может быть вильсоианцем, но не тем, кто способен справиться с задачами ближайшего времени или считаться с ними. В этом-то все дело: точно взвешивать то, что живет в действительности, и то, что может быть убедительным в мире понятий.

И воспитатель юношества особенно должен считаться с такими вещами. В наше время будущего воспитателя нагружают разными инструкциями по поводу того, *как* надо воспитывать и *как* надо преподавать. В ближайшем будущем это утратит свое значение. И наоборот, станет важным знать природу человека в ее различных внешних проявлениях, быть тонким психологом, истинным знатоком душ. Так как отношения между воспитателем и воспитанником должны быть аналогом ясновидения. Даже если воспитатель не полностью это осознает и ясновидение живет в его душе только подспудно, но должно быть так, что он инстинктивно, из своего педагогического призвания создает прямо-таки пророческий образ того, что он хотел бы сделать из своего воспитанника. И тогда произойдет одна поразительная вещь, как бы странно это сегодня ни звучало: воспитатель будущего будет часто видеть во сне своих воспитанников, так как пророчества проявляются во сне. Образы, которые мы видим во сне, коренятся в том, что мы не привыкли соотносить сновидение с будущим; мы отбрасываем реминисценции прошлого, как сбрасывают одежду. А то, что живет во сне, указывает, собственно, на будущее. Положение вещей таково, что внутренняя жизнь именно у воспитателя юношества должна быть преобразована. Это очень важно. А поскольку в той или иной степени все люди, за немногими исключениями, имеют юношескую предрасположенность к образному мышлению, то указанное мной — понимание

кармических взаимосвязей среди людей — должно быть чем-то общезначимым. Необыкновенно много зависит от того, чтобы это стало общепринятым знанием.

Современное поколение воспитано, главным образом, на абстрактном мышлении, оно постоянно путает абстрактное мышление и живое мышление. Вот почему так редко случается, чтобы кто-то сегодня выступал с пылающим воодушевлением в защиту того, чьих воззрений он не приемлет, а не позаботился о том, чтобы вмешались внешние власти. Но именно на таких вещах надо учиться. И нет лучшего воспитания для человека, чем относиться к врагам с возрастающим энтузиазмом. Естественно, это не надо подстегивать. В наше время, исходя из абстракции, людей делят на врагов и друзей. Но это не имеет никакого смысла. Смысл имеют только реальные жизненные отношения. А это определяется только самой жизнью, а не нашими симпатиями и антипатиями. И тем не менее мы должны развивать наши симпатии и антипатии, должны их иметь. Маятник должен не просто качнуться в одну сторону, но должен также вернуться и в другую. Значит надо жить в двойственности, в дуализме: погружаться в глубины мышления, изливать себя в действительность, в то, чего требует действительность, — вот чему должно учиться человечество. Сегодня надо, обращаясь к реальности, вносить во всё свои мыслеформы, а действительность примет их, если они не противоречат ей. Современное человечество стремится к единообразию. Но это единообразие не может быть оправдано перед лицом духовного мировосприятия. Это не проходит. Мир таков, каков он есть, не может быть для нас удобным. Не каждому дано иметь наружность, которая всем нравится. Но именно поэтому является фальшивым, когда поведение диктуется нашими симпатиями и антипатиями. В нем должны присутствовать другие импульсы. Вот почему люди такие неуравновешенные; они разглядывают мир, и когда находят не соответствующее их симпатиям и антипатиям, то все в их понятиях начинает идти вкривь и вкось и их обуревают одно единственное побуждение — переделать мир.

Это с одной стороны, а с другой — это не повод снова возвращаться к удобному и принимать мир каков он есть. Это опять-таки было бы фальшиво. В жизни бывают такие случаи, когда необходима самая резкая, самая сокрушительная критика, и ее тоже надо применять. Иными словами, надо считаться с действительностью. Все сводится к колебанию

маятника между углублением в прозрачные, четко очерченные понятия и любовным участием в жизненных феноменах.

Духовная наука может послужить прекрасным введением в это, если мы соответственно отнесемся к ней. Но прежде всего мы должны правильным образом изучать ее. То, что обретено в духовном мире в качестве истины, является неким сообщением, приходит к ясновидящему как некое сообщение. Если мы затем поступаем с этими истинами так же, как с внешними, грубо чувственными фактами, то мы занимаем неверную позицию в отношении Духовной науки. Духовная наука может понять все. Но если мы при каждом сообщении духовного исследователя будем спрашивать: да, но почему, почему? — то это будет фальшивым, так как он сам получил это как сообщение из духовного мира. Так же, как если бы я кому-то сказал: Ганс Мюллер сказал мне то-то и то-то, а меня спрашивают: да, но почему он тебе это сказал? Он потому мне это и сказал, что я меньше всего собирался спрашивать его, почему он это сказал. Так же и происходящее из духовного мира надо рассматривать просто как сообщения. Это надо понять. Об этом мы поговорим завтра.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 13 октября 1917 г.

Из сказанного вчера вы могли сделать вывод, что в наше время надо все больше различать абстрактное, чисто интеллектуальное мышление и мышление, отражающее действительность, дающее возможность вписываться своим мышлением в реальность. Так что своим мышлением мы втянуты в определенную противоречивость. Но ведь и мир полон противоречий, так что если мы хотим действительно постичь реальность, то не должны набрасывать на нее, как сеть, общепринятые мыслительные шаблоны. Мы должны все дифференцировать, должны входить в подробности.

Величайший недостаток и величайшая ущербность нашего времени в том, что люди поглощены абстракциями. Тем самым они удаляются от истинной действительности.

И теперь мы подходим к применению этих принципов по отношению к самой действительности. Пожалуйста, обратите на это внимание! Я должен сказать вам сейчас нечто поразительное — я буду говорить о применении недействительного мышления в отношении действительности. Ибо, само собой, недействительное мышление тоже ведь внедрено в реальность. И по этой

причине постепенно, благодаря недействительному мышлению, которое развилось в ходе последних трех-четырех столетий, благодаря внедрению этого удаленного от действительности мышления в реальность, в самом человеческом общежитии возникла удаленная от реальности структура — структура, которая находится постоянно в противоречии сама с собой. Что касается природы, то здесь, можно сказать, дело обстоит хорошо, так как, если человек станет неверно думать, сама природа ему не подчинится. И тогда — простите мне это грубое сравнение — если человек будет упрямо, абстрактно вести себя в своем мышлении относительно природы, то он уподобится барану, который постоянно бьется рогами о реальность. Ведь это заметно во многих так называемых системных воззрениях, которые пытаются рогами пробить стену реальности. Эти мировоззрения подчас столь же упрямы, как бараны.

Но совершенно иначе обстоит дело с общественным, социальным, политическим общежитием. В этой сфере человеческое мышление вплоть до мелочей проникает в общественные структуры. Там не наталкиваются на реальность, которая выглядит непривлекательной, там сами творят действительность. И когда такое продолжается пару столетий, то и сама действительность тоже поддается; это значит, что и она живет в противоречиях. Сама действительность проявляется в таких образованиях, которые не имеют в себе силы реальности, а затем доходит до таких катаклизмов, как нынешняя катастрофа войны.

Здесь прослеживается взаимосвязь между человеческой душевной жизнью прежних времен и внешними физическими событиями более позднего времени. *Дело* всегда в том, что происходящее на физическом плане первоначально зарождается духовно, а что касается человека, то сначала имеет место духовное проявление в человеческих мыслях, лишь затем в человеческих действиях. Таким образом, если хотим наблюдать современность, мы можем видеть, что там, где она нам показывает свой истинный, то есть в данном случае неистинный облик (ибо неистинный облик и есть ее истинный облик), там абстракция внедряется в действительность. Люди в большинстве видят реальность абстрактно. Они смотрят на нее, как упоминавшийся вчера фокусник на гири, которые не имеют веса, но по отношению к которым он ведет себя так, как если бы они весили много килограммов.

Главной особенностью многих современных понятий

является их бедность. Современные люди — я это часто подчеркивал — стремятся к удобным, легко обозримым понятиям. Но из-за этого и сами понятия делаются страшно обедненными. Да, такие обедненные понятия — все, что может противопоставить современный человек той поверхностной природе или природной поверхностности, которую одну только, несмотря на весь прогресс, и видит современность. Несмотря на великий прогресс в отношении природопознания последнего времени, понятия, при помощи которых стремятся осмыслить природные явления, относительно бедны. И эта тяга к обедненным понятиям, к малосодержательным понятиям проникла во все мировоззрения. В наше время вы можете увидеть появление философов, испытывающих настоящую тягу к выхолощенным понятиям. Они постоянно тяготеют к наибеднейшим, к наиболее выхолощенным понятиям. Эти понятия подчас весьма претенциозны, но они лишены весомости. Ведь наша современная философия ломится от таких понятий, как вечность, бесконечность, единство, значимое и незначимое, всеобщее, индивидуальное и так далее. Такими понятиями орудуют охотнее всего — понятиями максимально абстрактными.

Все это ведет к весьма своеобразной позиции человека по отношению к реальности. Перестают видеть жизненное содержание действительности, теряют также чувство того, что, собственно, содержится в действительности. Надо только обратить внимание на это в нашей современности, и тогда это можно увидеть повсеместно.

Я хотел бы указать вам на прямо-таки устрашающее явление: один современный философ высказался по вопросу того, как относиться к продолжительности войны*. Конечно, это решающий вопрос нашего времени, но приступить к нему можно с помощью содержательных, реальных, полнокровных понятий, а не с помощью расхожих абстракций о мире и времени, о всеобщем и индивидуальном, и т.д. Такое абстрактное философствование не дает ничего в отношении столь конкретных вопросов. Упомянутый философ сделал открытие, и не он один: нет ничего вредного, если война будет длиться как можно дольше, если после нее наступит, как говорится, прочный мир, возникнет рай на земле. Я уже это сравнивал с тем, как можно позаботиться о том, чтобы нечего было разбивать из посуды в доме: надо сначала разбить всю посуду. Ровно таким же является и вывод тех, кто утверждает: войну надо продолжать столько времени,

пока не наступит желание прочного мира.

Упомянутый философ применил к этому вопросу свою философию, которая, на его взгляд, оснащена наивысшими, то есть, с позиции современности, наиабстрактнейшими понятиями. Что, собственно, он утверждает? Подумайте только, он говорит: в конце концов, много ли значит по сравнению с вечностью, которая будет отмечена печатью вечного мира, пара тонн пушечного мяса, потерянного на полях сражений! Чего стоит пара тонн пушечного мяса по сравнению с вечной жизнью и развитием человечества!

К таким вот «достижениям» ведет абстрактное мышление, когда его применяют к явлениям действительности. В наше время надо указывать людям, насколько, если вникнуть, такие абстракции просто бросают в дрожь. И можно только постоянно удивляться, что все они, собственно, проходят мимо людей, не вызывая особых мыслей. Естественно, такие мысли — принадлежность мировоззрительного устремления современности. Но куда привело это мировоззрительное устремление? Как раз к наиабстрактнейшим понятиям; но такие понятия приложимы только к безжизненному, к минеральному, к неорганическому. И когда появляется какой-то философ и то, что приложимо только к безжизненному, прилагает не только к живому, но и к духовно-душевному, то и приходят к таким выводам. Ибо ведь в отношении безжизненного человек должен постоянно руководствоваться тезисом: много ли значит, в конце концов, столько-то центнеров вещества по сравнению с масштабом целого? Никакое строительство не обходится без отходов производства; само собой, без этого не обойтись. Но именно этого нельзя переносить на человеческую жизнь, ибо это пригодно только для неорганического, для безжизненного. И только для неорганического, для безжизненного пригодны те понятия, которые вырабатывает сегодня наука. Но такой перенос постоянно осуществляется, только люди этого не замечают. И подобные рассуждения, направленные в русло того, что войне не придет конец прежде, чем возникнет упомянутое стремление к миру, — подобные рассуждения, в конце концов, есть проявление brutality, хотя самому философу они кажутся необычайно возвышенными. Только другие стыдятся говорить как этот философ, а философ прячет свою brutality за красивыми фразами. Естественно, он произносит разную возвышенную белиберду, жонглируя понятиями вечности и мгновения, вечного человеческого становления, преходящего характера бытия

стольких-то и стольких тонн пушечного мяса, и не замечает того простого факта, что в каждом человеке живет вечность, бесконечность и что каждый отдельный человек стоит больше, чем неорганический мир в целом!

Обсуждаемые здесь принципы заложены в основу тех художественных форм, которые мы развиваем здесь, на этом холме. Ибо искусство тоже постепенно поддалось этому, если можно так выразиться, легковесному мировоззрению, лишенному сущности. Наше мировоззрение должно снова вернуться к существу вещей. А к существу вещей приходят только тогда, когда соприкасаются с духом. Вот почему мы должны развивать другие формы, нежели те, что господствуют повсеместно в современном искусстве. Иными словами, наша эпоха должна снова черпать нечто созидательное из духовной сферы. Естественно, многим нашим современникам это будет неудобно. Но представьте себе только, до какой степени все наше мироощущение постепенно погрузилось в безжизненное и имеет дело только с мертвым. Посмотрите на современную архитектуру да и, в конечном счете, на все прочие произведения искусства девятнадцатого века. Разве, в конечном счете, это не есть постоянные повторы старого архитектурного стиля и т.п.? Строят в античном стиле, в стиле Ренессанса, в готическом стиле, то есть постоянно берется что-то вымершее. Невозможно пробиться к восприятию непосредственно живого. Но к этому снова придут. Будут строить в совершенно новом духе. Но для этого требуются определенные жертвы, которые должны быть щедро принесены. Вот это стоящее там здание*, сделанное из бетона, но в новых формах, — это образец работы первопроходцев. И надо учитывать не только самый факт изобретения этих форм, но и факт, что были найдены возможности явить миру нечто подобное. Эти вещи надо учитывать во всей их весомости, иначе не будет понято то, что должно быть построено на этом холме. Ведь по самой своей природе то, что будет построено здесь, находится в противоречии и в противоборстве с тем, что в наше время строится по всему остальному миру.

Понимание современности — этот призыв проходит красной нитью через все, что я здесь говорил с момента моего возвращения. Но надо уметь преодолевать неудобства и применять множество разных сил: силу мышления, силу чувств, экспериментаторскую силу, дабы понимать современность, и надо иметь мужество действительно

порвать со многим, что вынесено из старых времен. Ибо, по существу, те, кого считают самыми светлыми умами, работают с совершенно устаревшими понятиями и не знают, как, собственно, их применить.

Разрешите привести вам один пример: некоторое время назад наверняка и здесь, в Швейцарии, всюду обсуждалась одна книга, которая была выставлена во всех витринах и произвела глубокое впечатление на современников. Я очень охотно обсуждаю как раз такие вещи, когда они приходят не с враждебной, а с дружественной стороны, но это не значит, что при этом какую-то роль играют личные пристрастия. Шведский писатель Кьеллен** был в числе немногих, кто проявил искренний интерес к моим писаниям и благожелательно о них высказывался. Но не надо подозревать личную подоплеку, если я его книге «Государство как жизненная форма», произведшей столь сильное впечатление, дам ту характеристику, которая соответствует моим установкам.

Эта книга — поистине образец недостаточности современных понятий. В этой книге делается попытка рассматривать государство как некий организм. И это как раз то устремление, которое имеется у современных людей, когда они нечто, подлежащее духовному постижению, хотят облечь в современные представления. Замечательно, что можно привести пример одухотворенного, весьма эрудированного, основательного человека, которого невозможно перехвалить, когда те совершенно недостаточные идеи, лежащие в основе его книги, хотят представить в правильном свете. Да, такие противоречия встречаются ведь на каждом шагу. Но ведь и сама жизнь полна противоречий. Не надо только искать абстрактных противоречий, когда стремятся к постижению жизни; не надо сразу же набрасываться на всякую глупость, но, стремясь кого-нибудь опровергнуть, можно при этом признавать его основательным, глубокомысленным ученым, как это имеет место в разбираемом случае. Кьеллен делает нечто подобное тому, что за десятилетия до него уже делал швабский — затрудняюсь, как его назвать: швабский ученый или же австрийский министр, ибо он был и тем и другим, — автор Шеффль***. Шеффль уже в те времена всеобъемлющим образом предпринял попытку описать государство как единый организм, а отдельного человека — как клеточку этого организма. Герман Бар****, о котором я вам уже часто говорил, написал в то время опровержение книги Шеффля об

органической природе государства. Когда Шеффль написал затем книгу «Прозрение социал-демократа», Герман Бар написал опровержение этой книги и назвал его «Про зрение господина Шеффля». Это весьма остроумная книжка. Сам Герман Бар в одной из недавно прочитанных лекций назвал ее необузданной. В любом случае она остается весьма глубокомысленной книжкой юного Германа Бара — «Про зрение господина Шеффля». Выходит, Шеффль уже тогда проделал нечто подобное тому, что Кьеллен сейчас. Причем Кьеллен снова пытается представить дело так, как если бы каждое государство было отдельным организмом, а отдельные люди в нем — клеточками. Ведь в наше время кто только не знает о действии клеток в организме, о законах, которые господствуют в организме, так что с тем же успехом он может проецировать эти знания на государство. С такими сравнениями любят работать в тех областях, где не могут применить духовные прозрения. Конечно, чисто методологически можно сравнивать все со всем. Если захотите, я мог бы вам с легкостью построить целую научную дисциплину, опираясь на какое-нибудь сравнение: например, сравнивая дождевого червя с контрабасом. В мире можно все сравнить с чем угодно, и из каждого сравнения можно что-то извлечь. Но сама возможность построить сравнение вовсе не означает, что с этим сравнением проникают в реальность. Именно выстраивая сравнение, надо иметь острое чувство реальности, иначе сравнение и реальность не будут соответствовать друг другу. Ибо когда человек выстраивает сравнение, он очень часто оказывается на свою беду в положении влюбленного юноши (простите за такое сравнение): он с первого взгляда влюбляется в свое сравнение. Полюбившиеся сравнения, а таких полно валяется на земле, вроде этого сравнения государства и организма, имеют то неприятное последствие, что человек испытывает к ним «любовь с первого взгляда». Но такая влюбленность в сравнение не остается без последствий, а они заключаются в том, что человек прямо-таки становится слепым ко всем контраргументам, которые можно вывести из того же самого сравнения.

Так что я могу сказать: когда я читал книгу Кьеллена, мне сразу запало с точки зрения мышления, адекватного реальности, что эта книга написана сейчас, в годы войны. Ибо писать книгу о государстве как организме представилось мне чем-то неадекватным реальности. В конечном счете, кто не совсем оторвался от реальности, ведь знает (хотя из его

слов это не всегда следует), что войны потому и ведутся, что государства, участвующие в них, воюют за передел территории: чтобы здесь отрезать кусок земли, а там присоединить его. Причем немало существует людей, которые так и понимают войну.

Так что если сравнивать государства с организмами, то придется, по меньшей мере, расширить само сравнение, так как от одного организма отрезается кусок, а соседнему — присоединяется. Это вещи, которые обязаны замечать, но не замечают, когда влюблены в свое сравнение. Можно привести многое против этого сравнения. Я мог бы привести также многое за, и оно, вероятно, очень бы вас развеселило и вы перестали бы считать автора такого сравнения глубокомысленным человеком, как это делаю я. Я считаю его весьма глубокомысленным и основательным человеком.

Как же это происходит, что эрудированный, глубокомысленный человек может строить целую систему на каком-то недостаточном сравнении? Видите ли, это происходит оттого, что сравнение, на котором базируется Кьеллен, является правильным сравнением. Конечно, вы скажете, что теперь уже ничего не понимаете: то я вам говорил, что сравнение совершенно неподходящее, а теперь говорю, что оно правильное. Но дело в том, что когда я говорю: сравнение правильное, то я имею в виду, что такое сравнение может быть сделано; все дело в том, что с чем сравнивать. Когда проводится сравнение, то в случае Кьеллена речь идет постоянно о двух понятиях: государство и организм. Одно ведь должно соответствовать другому. С одной стороны мы имеем государство, с другой — организм. Порознь эти понятия правомерны, ложной является только взаимосвязь. Дело сводится к тому, что происходящее на Земле действительно может быть сравнено с неким организмом. Можно сравнить с организмом политические явления на земле, только не надо сравнивать государство с организмом. Стоит сравнить государство с организмом, как выходит, что люди — это отдельные клеточки. А это суцая бессмыслица, она ни к чему не приводит. А вот политическую, социальную жизнь Земли можно сравнивать с организмом, но только при этом сравнивать с организмом надо всю Землю. И только когда всю Землю, то есть все происходящее на Земле с людьми, сравнивают с организмом, а отдельные государства — отдельные государства, заметьте, а не отдельных людей, — с разными видами клеток, тогда сравнение правильно, тогда это плодотворное сравнение.

Когда вы базируетесь на таком сравнении и принимаете во внимание многосторонние отношения государства, то вы приходите к чему-то, что ведет себя подобно клеткам разных систем в организме. Итак, все сводится к выбору сравнения, чтобы сравнение было правильно применено. Ошибка Кьеллена состоит в том — и у Шеффля она заключалась в том же, — что отдельное государство, которое может быть сравнимо с одной только клеткой, с одной разросшейся клеткой, сравнивается с целым организмом, тогда как с организмом надлежит сравнить жизнь на всей Земле. Тогда сравнение становится плодотворным. Согласитесь, что в организме нет таких клеток, которые могли бы свободно двигаться друг мимо друга, как люди. Клетки примыкают друг к другу, граничат друг с другом. Ровно так же обстоит дело с отдельными государствами, которые являются клетками всеобщего живого организма Земли.

Возможно, вам покажется, что в этих рассматриваниях что-то упущено. Если правомерным образом (ибо такое тоже правомерно) в вашем сердце шевельнулся житейский педантизм, то вы скажете: сначала надо доказать, что жизнь всей планеты может быть сравнена с организмом, а отдельное государство — с клеточкой. Да ведь доказательство заложено уже в самом подходе к вещам, в ходе мыслей, доказательство заложено не в абстрактном соображении, которое обычно делается, а в самом ходе мыслей. Если мысли пойдут в русле Кьеллена, то вы повсюду обнаружите: это не проходит. Вы обломаете себе рога. Надо быть упрямым бараном, чтобы настаивать на этом. А если ваша мысль охватит жизнь всей планеты, то это подходящее представление, тогда вы приходите к плодотворным прозрениям, тогда это послужит вам хорошим руководящим принципом. Вам многое станет ясным, даже больше, чем я сказал.

Современные люди любят абстракции, так что можно сказать: девять из десяти или близко к тому* найдут — если в случае Кьеллена, который сравнивает отдельное государство с организмом, выдвинуть контраргумент, что с организмом можно сравнивать политическую, социальную жизнь всей планеты, — девять из десяти решат, что это уже сравнение на все времена. Ибо современные теоретики государства убеждены, что их теории применимы не только к современности, но и к Риму, к Египту, Вавилону; так как государство везде есть государство. Сегодня исходят из теорий, а не из действительности.

Но это не так, на самом деле это не так. Ведь человечество находится в развитии. И все сказанное здесь о ценности сравнения относится только к эпохе начиная с XVI столетия, ибо до XVI столетия ведь не было на Земле политически взаимосвязанного целого; иными словами, только начиная с этого времени впервые было выработано взаимосвязанное политическое целое. Америка, западное полушарие, вообще не участвовала во взаимосвязях этой политической жизни. И как только вы правильным образом применяете это сравнение, вы тотчас получаете правильный взгляд на тот важный отрезок времени, что лежит между жизнью нового времени и старого. Если приходят к адекватным действительности прозрениям, то такие прозрения всегда плодотворны, тогда как понятия, не адекватные действительности, стерильны и неплодотворны. А каждое адекватное действительности понятие выходит за свои пределы. При помощи таких понятий человек может пережить больше, чем эти понятия содержат внутри себя; они направляют человека в реальность. Это самое главное, что надо не упускать из вида. Ибо абстрактные понятия таковы, что мы сами их конструируем; а там, снаружи, находится действительность, которой нет дела до наших абстрактных понятий. А если наши понятия адекватны действительности, то они насыщены живой внутренней жизнью, которая имеется также и во внешней действительности. Но это не устраивает современных людей. Они любят наиболее бесцветные, спокойные представления. Они страшатся превратиться в некий флюгер, если их понятия получают внутреннюю жизнь. Но внутренне безжизненные понятия в результате дают то, что они как бы обтекают окружающую действительность и человек, собственно, не видит в этой действительности самого существенного. Действительность тоже полна понятий, полна идей. То, что я говорил здесь на днях, это правда: там, вовне, протекает элементарная жизнь, и эта элементарная жизнь пронизана понятиями и представлениями. Но, говорил я, абстрактные понятия — это просто трупы понятий. И когда любят эти пустопорожние трупы понятий, то получается, что человек говорит и мыслит этими понятийными трупами, а действительность идет совершенно другим ходом; в ней происходят совершенно другие события, чем должны быть по нашим представлениям.

Уже три года, как мы находимся в гуще устрашающих событий, которые каждого могли бы многому научить, надо

только следить за ними бодрствуя, а не в сонном состоянии. Просто поразительно в отрицательном смысле, какое огромное множество людей все еще не пробудились в отношении этих устрашающих событий современности, сколь многие еще не пришли к выводу, что события, которым еще не было равных в мировой истории, требуют прихода новых понятий, которых также доселе не было. А действительность судит по-другому. Позвольте символически выразить еще точнее, что я, собственно, подразумеваю. Могут сказать: о том, что будет война, составляли себе представления уже за много лет до нее. В целом можно сказать, что, за исключением определенных кругов англо-американского народонаселения, мир был в известном смысле изумлен началом войны. Но повсюду отдельные люди составляли себе представления, что война будет, подчас весьма примечательные представления. Одно из таких представлений встречается снова и снова — представление, из которого исходили весьма глубокомысленные (я не иронизирую, но говорю совершенно серьезно) политологи и государственные деятели и которое покоится на бережно сохраняемом абстрагировании тех или иных процессов. Эти люди проделали огромную научную работу, комбинировали, абстрагировали, синтезировали и пришли к тому представлению, которое господствовало весьма продолжительное время, даже еще в начале войны (оно тогда особенно часто повторялось): к тому представлению, что при современных политических отношениях, при современных хозяйственных и коммерческих связях эта война продлится максимум четыре-шесть месяцев. Это была строго доказанная истина. Причем обоснования, примененные в этом случае, были весьма весомыми.

Ну, а действительность — как она относится ко всем этим капитальным построениям ученых политологов? Как относится действительность? Да вы сами видите, как она относится! О чем, в таком случае, идет речь, когда поставлена такая проблема? Речь идет о том, чтобы делать выводы, действительные выводы. Война только тогда чему-то научит, если будут сделаны выводы. Какие же могут быть отдельные выводы из того, на что я символически указал? Ведь я привел только крайний случай, а мог бы привести множество других подобных, которые, мягко выражаясь, потерпели крах по причине реальных событий последних трех лет. Так какими могут быть отдельные выводы? Да теми, что все, что повело к таким результатам, надо выбросить за

борт, говоря: мы думали неадекватно реальности, мы развили систему идей и позволили, чтобы эта абстрактная, не адекватная реальности система так влияла на действительность, что и сама действительность сделалась неистинной. Итак, прежде всего порвем с теми предпосылками, что ведут к мнимому познанию, которое разрушает реальность!

Сказанное теперь должно быть настоятельно предложено людям. Примут ли они это — это другой вопрос. Ибо столь же глубокомысленным было то, что политологи предполагали относительно кратких сроков войны, столь же глубокомысленными (говорю это снова без всякой иронии) были те основания, которые приводила просвещенная медицинская коллегия при строительстве первой железной дороги в средней Европе, опираясь на тогдашнее состояние медицины. Коллегия — не один какой-то чудак, а вся просвещенная коллегия — постановила прекратить строительство железной дороги, так как она непереносима для человеческой нервной системы. Так значит в документе от 1838 года. Выходит, не так уж далеко от нас то время, когда судили так: нельзя строить никаких железных дорог; но если найдутся такие (так написано в этом документе), что пожелают строить железную дорогу, то они должны, по меньшей мере, возвести с обеих сторон дороги высокие заборы, чтобы крестьяне не могли видеть проходящего мимо поезда, иначе они могли бы получить сотрясение мозга. Да, конечно, над такими вещами легко смеяться потом, когда сама действительность их опровергла. Тогда легко смеяться. Но определенные элементарные духи — они тоже смеются, они наперед смеются над такими благоглупостями, смеются над человеческим ученым тупоумием.

Порвем же со всем тем, что привело нас к таким противоречиям! Противоречие реально, оно реально присутствует, ибо жизнь на Земле трех прошедших лет — воплощенное противоречие. Значит надо искать другие подходы к происходящему, чем те, что есть. Радикальный пересмотр всех воззрений — вот чего требует от нас наше время. Это особенно трудно после того, как уже встали на тот путь мысли, что привел в настоящем почти к полному краху. Ведь человечество в наше время недостаточно свободно в мышлении, чтобы сойти с этого пути мысли. Кто обладает чувством реальности, чувством происходящего вокруг нас, тот может именно во внешней действительности видеть, что

эти выводы там уже сделаны. Только в человеческую голову они не хотят вступить. В этом отношении существует неслыханный контраст между Западом и Востоком. Я уже в прошлые годы с разных точек зрения говорил вам о капитальном контрасте между Востоком и Западом*, например, я обращал ваше внимание, как в первую очередь говорят на Западе о рождении и о правах. Вспомните западное мировоззрение: происхождение, рождение — все это в своей основе научные представления, которые господствуют на Западе. Вот почему именно на Западе возникло учение о происхождении человека, дарвинистическое учение. Можно также сказать: учение о происхождении и наследственности в философской сфере, а в практической сфере — взгляд на права человека.

На менее изученном Востоке, в русской жизни, мы встречаем рассуждения о смерти, о человеческой цели в духовном мире (прочтите Соловьева, который сейчас сделался доступным**), о понятии вины, о понятии греха в этико-практической сфере. Да, такие контрасты можно встретить в большинстве областей жизни. И тот не понимает реальности, кто упускает из виду такие контрасты. Эмоции, симпатии и антипатии — вот что препятствует реально взглянуть в такие вещи. Если вами движут эмоции, движут симпатии и антипатии, то они застыт вам всю действительность, так же как контраргументы не действуют на того, кто влюблен в определенную аналогию, ибо то, что мы любим, мы признаем абсолютной истиной и не можем себе представить, чтобы противоположное, исходящее из другой точки зрения, также могло быть правильным.

Обратимся теперь к Западу, а именно к англо-американскому Западу, ибо остальное на западе Европы есть только его повторение. Что является там, то есть в вильсонизме, господствующей точкой зрения (ее еще часто называют идеалом)? Господствующий взгляд состоит в том, что весь мир должен быть таким, какими стали эти народы за последние столетия. Эти народы выработали себе идеалы социального устройства (им дают разные наименования, их называют «демократия» и т.п.), а другие народы виноваты в том, что не выработали себе такого социального устройства! Будет правильным, когда весь мир примет это социальное устройство. Таков англо-американский взгляд на вещи: то, что мы выработали, то, чем мы стали, это дает большим и малым народам их право, это ставит их в правильные отношения, это делает человека счастливым в рамках своего

государства. И так оно должно выглядеть повсеместно.

Всюду слышны такие декларации, это стало евангелием Запада. И не задумываются о том, что все это имеет весьма относительное значение, что все это, прежде всего, произошло из эмоций, а не, как думают, из чистого разума и не из здравого смысла.

Естественно, не следует слишком сильно цепляться за слова, так как в наши дни это ведет ко множеству недоразумений. Можно, например, подумать, что я адресуюсь к американскому народу или англо-американской расе, когда говорю о вильсонизме или ллойд-джорджинизме. Но это совершенно не так. Я намеренно говорю «вильсонизм», ибо подразумеваю под этим нечто весьма специфическое. Но я вполне далек от того, чтобы дать возможность без комментариев подменить это слово понятием американизм. И опять-таки надо немного более внимательно всматриваться в реальность. Определенная часть тех тирад, которые последнее время исходят от мистера Вильсона, выросла отнюдь не на американской почве. Невозможно приписать Вильсону честь оригинальности его тирад. Они не только ничего не стоят, они еще и ложны; но к тому же они еще и не оригинальны. Ибо известен примечательный факт, что один берлинский автор написал довольно глубокомысленную статью, только она была написана не в духе немецких воззрений, а в духе вильсонизма, но без Вильсона, — весьма хитроумную статью. Этой статье повезло, но не в Германии, а в американском Конгрессе, так как эта статья целыми страницами была включена в акты этого американского Конгресса; она была зачитана на заседаниях американского Конгресса, и множество из новейших тирад господина Вильсона заимствованы из ее страниц. Таково происхождение многого из того, что господин Вильсон сфабриковал против средней Европы. Так что он совершенно не оригинален. Будущему историку предстанут весьма интересные, весьма забавные факты, когда он обнаружит в актах заседаний американского Конгресса, что эти господа долгое время воздерживались высказывать собственные просвещенные идеи, а зачитывали статью некоего берлинского публициста, которую затем включили в акты Конгресса и сделали надпись «Акты американского Конгресса».

Но что нас, прежде всего, может заинтересовать — почему эта статья так понравилась такой публике? Да потому, что она прекрасно выражает то, что испытывают люди,

столетиями сидя в своем кресле и желая только сказать миру: если бы и вы могли усидеть в таком кресле, то все было бы прекрасно. Таков Запад.

Восток — Россия — также сделал вывод. Но не в понятиях; когда речь идет о реальности, дело не в понятиях. Он сделал совершенно другой вывод. И ему не пришлось по вкусу говорить: то, что мы делали столетиями, должно теперь сделаться благом для всего мира. Мы хотим, чтобы все люди были как мы. Ведь для того, что в России происходило столетиями, можно было бы подобрать самые прекрасные слова и выражения, если бы действительность не была столь омерзительной. В наше время ценится только, когда расплачиваются американскими долларами; тогда можно золотые идеалы переплавить в идеалы золота. Но на Востоке этого не произошло, он сделал весьма реальный вывод. Там не говорили: мир должен перенять то, что было у нас. Там сделали реальное заключение из вышеуказанного: что предпосылки неверны и потому должно быть приведено в движение нечто, что еще долго не станет тем, чем оно однажды должно стать. Но дело не в этом; я не хочу сейчас давать какую-либо оценку ни тому, ни другому, я хочу только указать на великую противоположность. И если вы всмотритесь в эту противоположность, то перед вами возникнет гигантский образ действительности: Запада, который постоянно клянется своим прошлым, и Востока, который порвал со всем, что составляло его прошлое.

Если вы все это уразумели, то вы недалеки от реальных причин современного глобального конфликта; и тогда вы недалеки и от того, на что я долгое время здесь указывал*: война разыгрывается, собственно, между Западом и Востоком. А то, что находится посередине, будет просто истерто в порошок, должно попросту стать жертвой разногласий Запада и Востока, пострадать из-за этого разногласия.

Но есть ли в наше время желание взглядываться в эту огромную проблему? Открылись ли глаза с марта 1917 года на великую противоположность Востока и Запада? В прошлом году здесь на доске было написано, что относится к Западу, а что к Востоку в области мировоззрений. И этому учит мировая история с марта этого года. И люди должны учиться, должны понимать, иначе придут другие, гораздо более тяжелые времена. Причем речь идет не об абстрактном усвоении того или иного, но, главным образом, о том, чтобы добиваться поворотного момента, стремиться преодолеть

шаблоны и признать правоту духовного мировосприятия. И в духовнонаучном устремлении надо искать не просто возможности констатировать с удовлетворением: все снова прекрасно, я полностью удовлетворен! — и затем продолжать витать в облаках, убаюканным гармонией мира и общечеловеческой любовью. В рамках того общественного направления, которое представлено госпожой Безант, это получило поистине прекрасное выражение. Многие из вас, наверное, еще не забыли мои многочисленные протесты против той «благородной» шумихи, которая была поднята как раз на почве Теософского общества. Возвышенные идеалы были с оглушительным грохотом присоединены к интернационально-либеральному течению. Только и было слышно: всеобщее братство, всеобщая человеческая любовь, и т.д. Только это невозможно было осуществить. А мы ищем реального, конкретного познания мировых процессов. И вы можете припомнить то сравнение, которое я часто приводил: с этой шумихой по поводу всеобщей человеческой любви дело обстоит так же, как с печкой, которой только и говорят: дорогая печка, твой всеобщий долг — отапливать помещение, так что сделай тепло в комнате. Аналогичное происходило со всеми «тетушками» мужского и женского пола, которые совместно производили тогда этот гвалт о всеобщей человеческой любви в Теософском обществе. Я тогда сказал: в печь надо добавить угля, добавить поленьев и зажечь их. Равным образом, когда имеют дело с духовным движением, надо внести в него реальные, конкретные понятия, иначе останется только галдеть годами о всеобщей человеческой любви. Эта «всеобщая человеческая любовь» предстала в прелестном свете как раз со стороны госпожи Безант, руководительницы Теософского движения.

Естественно, проще абстрактно вещать о гармонии мира, о гармонии отдельной души и всего мира, о гармонии в общечеловеческой любви, чем погружаться в реальность.

Но антропософия должна пробуждать людей, а не погружать их в сон. Природа нашего времени такова, что люди должны быть пробуждены.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 14 октября 1917 г.*

Необходимо все определенные основополагающие истины духовного развития снова вызывать перед своей душой, когда поступает новый познавательный материал, чтобы эти истины могли быть лучше усвоены. Так и в наших последних рассматриваниях мы ознакомились с разного рода

представлениями, способными прояснить события современности и их подосновы, — естественно, только до определенной степени. В этой связи мы усвоили целый ряд представлений, касающихся современного развития. И с этими представлениями мы можем приступить к тем основополагающим истинам, которые с определенных точек зрения нам уже знакомы, но которые могут быть лучше усвоены, когда проделана новая подготовка.

Я ведь уже часто указывал на то, что середина XIX века, особенно сороковые годы, представляют собой важный этап в духовном развитии европейского и американского народонаселения. Я указывал на то, что в то время в некотором роде был достигнут высший пункт развития материалистического миропонимания на Земле — высший пункт разработки того, что можно назвать рассудочным пониманием внешних безжизненных фактов, того понимания, которое не хотело проникать в живое.

Такое событие (а мы ведь сегодня целиком находимся под внешним воздействием результатов этого события и долго еще будем под ним находиться) имеет свои глубокие подосновы в процессах духовного мира. И когда исследуют процессы духовного мира, которые нашли свое внешнее земное выражение в упомянутом событии, то необходимо указать на некую борьбу, своего рода войну в духовном мире, которая началась в то время и опять-таки в определенном смысле получила как бы завершение в тот момент времени, о котором я часто говорил и который падает на осень 1879 года. Так что вы получите правильное представление о происшедшем, если помыслите некую борьбу в духовном мире, которая длилась десятилетиями: начиная с сороковых годов и до осени 1879 года.

Борьба, имевшая тогда место, может быть обозначена как борьба духовных существ, относящихся к приверженцам того существа из иерархии Архангелов, которого называют Михаилом; таким образом, имела место борьба Михаила и его приверженцев против определенных ариманических сил. Прошу вас только сначала представлять себе эту борьбу как борьбу в духовном мире. И все, что я поначалу подразумеваю, обозначается как эта борьба между Михаилом с его приверженцами и определенными ариманическими силами. Вы сможете подкрепить это представление, плодотворно применяя его к современной жизни, если помыслите, что те человеческие души, которые были рождены как раз в сороковые годы XIX столетия, сопутствовали первым фазам

этой борьбы рати Михаила и ариманических сил еще в духовном мире. Так что те люди, что родились в сороковые годы XIX века, в некотором роде как души до своего рождения были зрителями начала этой борьбы духов. Если это обдумать, многое становится ясным во внешней и внутренней обусловленности судеб таких людей, а именно в душевном складе таких людей. Итак, эта борьба происходила в сороковых, пятидесятых, шестидесятых, семидесятых годах и завершилась осенью 1879 года тем, что Михаил и его воинство одержали победу над определенными ариманическими силами.

Что же все это значит? Если хотят что-то в этом роде понять правильно, надо постоянно искать опору в том образе, который проходит через все развитие человечества, — в образе борьбы Михаила с Драконом. Естественно, эта борьба Михаила с Драконом шла на самых разных этапах развития. В развитии часто приходилось иметь дело с борьбой Михаила и Дракона. Это можно охарактеризовать так: всякий раз, когда Михаил борется с Драконом, эта борьба протекает аналогично тому, что происходило в сороковые годы прошлого столетия, но с другими ценностями, потерями и результатами; определенные ариманические рати все снова хотят вторгнуться в мировое развитие и все снова терпят поражение. Так, они потерпели поражение осенью 1879 года, но, как сказано, в духовном мире.

Но что же тогда значит, что теперь силы Дракона, эти ариманические рати, как бы низвержены с неба на землю, в царство людей? Их поражение означает, что теперь, говоря библейским слогом, их несть на небеси. Поэтому они обретаются в царстве людей, и это значит: конец семидесятых годов был преимущественно тем временем, когда человеческие души в отношении определенных познавательных сил были пронизаны ариманическими импульсами. Поскольку раньше эти ариманические импульсы обретались в духовных сферах, они в большей мере оставляли людей в покое: а поскольку они были низвержены из духовных сфер, то пришли к людям. И если мы себя спросим: что, собственно, снизошло тогда в человека из духовных сфер в качестве ариманических сил? — то это будет именно персонально окрашенное — заметьте, персонально окрашенное, — ариманическое, материалистическое мировоззрение.

Не подлежит сомнению, что вершина материализма была достигнута в сороковые годы. Но в то время материализм

импульсировал человека скорее на инстинктивном уровне. Ариманические рати в то время еще посылали свои импульсы из духовного мира в область человеческих инстинктов. Личной собственностью человека эти ариманические импульсы, то есть познавательные и волевые силы, сделались только с осени 1879 года. То, что имело скорее всеобщий характер, сделалось тем самым достоянием человека. Так что мы можем сказать: начиная с 1879 года, благодаря присутствию этих ариманических сил в царстве людей, появились личные амбиции, личные претензии на материалистическое истолкование мира. И если вы проследите многое из того, что с тех пор происходило из личных амбиций, то вам многое объяснит низвержение Дракона, то есть ариманических ратей, которые благодаря Архангелу Михаилу были низвержены из сферы духа, с небес на землю.

Это процесс огромного значения, с далеко идущими последствиями. XIX век, а также наше время не склонны принимать во внимание такие процессы в духовном мире и их взаимосвязь с физическим миром. Но последние причины, исходные импульсы событий на земле человек находит только тогда, когда знакомится с духовными подосновами. Можно сказать, что уже надлежащая мера материализма, которая вообще-то окрашивает себя в идеалистические тона, вынуждает человека сказать: какое имеют значение по сравнению с вечностью столько-то и столько-то тонн пушечного мяса, требуемые для окончания войны! Надо только ощутить, насколько сильно такой взгляд укоренен в ариманизме, ибо тот коренится в мире ощущений. Эта философия о «тоннах пушечного мяса», эта философия Лихтенберже*, в сущности, только один из многочисленных примеров особенно выраженного ариманического образа мыслей.

Итак, то, что в качестве глубочайшего импульса живет в душах многих с 1879 года, было внедрено в мир людей, а до того жило в качестве ариманической силы в духовном мире. Не бесполезно усилить эти представления другими, так что хорошо, когда берут на подмогу заимствования из материального мира (но больше в качестве имагинативно-символических представлений). Ибо то, что в наше время происходит более духовным, более душевным образом, все это в древние времена имело более материальную окраску, более изживалось в материальных областях. Ведь материальное также духовно, оно всего лишь другая форма

духовного.

Если вы вернетесь к очень, очень древним временам эволюции, то найдете, что происходила сходная борьба между Михаилом и Драконом — вроде той, что относится к XIX веку. Я ведь уже указал, что такие войны постоянно повторяются, только меняется их предмет. В древние времена ариманические рати уже проиграли такую войну и были и тогда низвержены из духовных миров в земную сферу. Они все снова возобновляют свой натиск. К примеру, была такая война, когда эти ариманические рати после своего низвержения на землю принесли на нее ту породу существ, которую в наше время в медицине называют бактериями. Все то, что называют действием бактерий, то, в чем они принимают участие, — все это результат того, что некогда ариманические силы были сброшены с неба на землю, а из-за того, что Дракон был повержен, в результате победы над ним ариманически-мефистофельский образ мысли распространился по земле с семидесятых годов. Так что можно сказать: в материалистической области туберкулез и инфекционные болезни имеют происхождение, сходное с наличествующим ныне рассудочным материализмом в духовно-душевной области. В высшем смысле эти две вещи равнозначны.

Мы можем эти процессы последнего столетия сравнить еще с чем-то другим. Мы могли бы указать на то, что вам известно также из моего «Тайноведения»: выхождение Луны из сферы земного развития. Луна входила в состав Земли и была однажды удалена от Земли. Это удаление Луны из сферы Земли означает вторжение определенных лунных влияний. Они стали проникать в Землю в результате одной такой победы Михаила над Драконом. Так что можно опять-таки сказать: все то, что связано с определенными воздействиями, идущими параллельно лунным фазам, вообще импульсы идущие от Луны к Земле, — все это имеет свои истоки в аналогичной битве Михаила с Драконом. В определенном смысле эти вещи связаны друг с другом, и очень важно проникнуть в эту взаимосвязь внутренним взором, ибо она имеет очень глубокое значение. Так как здесь скрыта причина того, что отдельные люди развивают непреодолимое устремление к рассудочному материализму, ибо это устремление исходит от их личной связи с низверженным Ариманом. Они постепенно начинают любить те импульсы, которые Ариман посылает в их души, и считают этот образ мысли особенно возвышенным. В отношении этих

вещей должна царить полная ясность, так как без нее невозможно разобраться в происходящем. Только благодаря ясному прозрению в эти соотношения приходят к ясности в отношении этих событий.

Опасность, исходящую от всего этого, надо встречать хладнокровно и незамутненным взором. Надо спокойно смотреть ей в лицо. Но такое возможно, только если знают, что со стороны таких людей грозит совершенно определенный вид опасности. И опасность эта состоит в том, что консервируется то, что не должно быть законсервировано. Все, что происходит в мироустройстве, имеет также свою хорошую сторону. Благодаря тому, что ариманические силы проникли в нас в результате победы Михаила, мы завоевываем частичку человеческой свободы. Ведь все взаимосвязано, так что эти ариманические рати проникли и в нас. Мы завоевываем себе частичку человеческой свободы, но мы должны осознавать это. Мы не должны давать перевес ариманическим силам над нами, мы не должны питать симпатию к этим ариманическим силам.

Это очень важно. Ибо повсеместно существует опасность, что люди закоснеют в этом материализме, в материалистически-ариманическом образе мысли, и пронесут его в те времена, когда он должен быть преодолен. Тогда те люди, которые не отвергнут этот ариманистически-материалистический образ мысли, а пожелают пребывать в нем, войдут на земле в союз со всем тем, что подобным образом возникло в результате победы Михаила над Драконом. Иными словами, они вступят в связь не с поступательным духовным развитием Земли, а с материальным прогрессом. И в определенное время шестой постатлантической эпохи они начнут испытывать особое пристрастие к жизни в том, что будет происходить благодаря бациллам, благодаря этим микроскопически малым врагам человека.

К этому мы должны присовокупить еще нечто, что тоже надо понять. Естественнонаучный образ мысли находится в сильной опасности из-за собственных достижений — в опасности погрязнуть как раз из-за своего величия в этом ариманическом образе мысли. Не только моральный образ мысли, но и естественнонаучный находится в огромной опасности погрязнуть в этом ариманическом, материалистическом образе мысли. Подумайте только, как мыслит в наше время какой-нибудь естествоиспытатель, например, в области геологии. Он исследует

формообразование земной поверхности, исследует, опираясь на найденные останки, как в отдельных пластах земли живут или жили определенные животные. Собирает опытные данные для определенных эпох. Затем на основе этого естествоиспытатель строит гипотезы о том, как это выглядело столько-то и столько-то тысяч и миллионов лет назад, и разрабатывает канто-лапласовскую теорию о первородном тумане. Также естествоиспытатели создают определенные представления, совершенно верные с точки зрения физических воззрений, о грядущих состояниях земного развития. Подобные представления подчас необыкновенно остроумны, весьма и весьма остроумны. Но на чем основываются такие представления? Не правда ли, они основываются на том, что наблюдают фрагмент развития Земли и затем экстраполируют это на плюс — минус миллионы лет.

Что, собственно, делают таким способом? Делают ровно то же самое, как если бы наблюдали ребенка семи, восьми, девяти лет на предмет того, как постепенно изменяются его внутренние органы, а затем стали бы вычислять, как изменятся эти органы в ходе двух, трех лет. Затем это усложняют и на основании того, как изменились эти органы у ребенка с семи, восьми, девяти лет, делают заключение о том, как они изменятся в течение столетий. Можно таким образом вычислить, как этот ребенок выглядел сто лет назад, а можно также вычислить, в другом направлении времени, как он будет выглядеть через сто пятьдесят лет. Это метод, который представляется весьма остроумным. И это как раз тот самый метод, который применяют в наше время геологи, чтобы исчислить правремена Земли, и тот же метод был применен, чтобы вызвать к жизни канто-лапласовскую теорию. Это в точности тот же самый метод, который применяют, когда рисуют себе, что будет с нашей Землей, на основе тех физических законов, которые наблюдаются сейчас. Но вам сразу же ясно: эти законы немногочисленны в случае, например, ребенка, которого еще сто лет назад вообще не было как физического существа и которого через сто пятьдесят лет опять как физического существа не будет.

Но точно так же обстоит дело в отношении тех периодов развития Земли, которые вычисляет геология. Земля возникла как раз позднее, чем те периоды, которые исчислены Тиндаллем или Гексли*, Геккелем и другими, и Земля уже будет только трупом, прежде чем наступит такой период, когда можно будет читать, если просто намазать

стену яичным белком. Прекрасно поддается исчислению, как при помощи физических приспособлений достаточно будет покрасить стену яичным белком и можно будет при этом читать газету, так как яичный белок будет сиять, как электрический свет. Ведь это должно в грядущем наступить в силу физических изменений земных условий, не так ли? Но такое время никогда не наступит — так же, как не наступит время, когда ребенок через сто пятьдесят лет претерпит соответствующие изменения, которые вычисляются на основании изменений его желудка и печени в промежутке от двух-трех до семи-девяти лет.

Поразительные вещи наблюдаются в современности. Вы видите, как сталкиваются противоположности. Представьте себе настоящего естествоиспытателя, который слышит то, что я только что говорил. Он скажет: это глупость, чистейшая глупость! Но представьте себе духоиспытателя, которому открыта суть вещей. Тот найдет: чистейшая глупость — это как раз то, что говорит естествоиспытатель. Ибо все гипотезы о возникновении и прехождении Земли — настоящие глупости и не что иное, как глупости, хотя они построены необычайно глубокомысленно.

Из этого вы можете заключить, до какой степени бессознательно происходит руководство человеческим родом. Но настало такое время, когда это должно быть осознано и познано. Таким образом, необходимо, чтобы мы это представление связали с другими, которые сегодня охарактеризовали. Земля давно уже станет трупом, когда наступит время столь капитального преодоления материалистических представлений, что мы сможем вступить в более высокое духовное бытие. И на Земле, которая будет покинута нами, не останется телесных воплощений вроде наших современных. Но те, кто настолько сроднятся с материалистическими представлениями, что не захотят с ними расстаться, будут в своем грядущем облики все еще влачиться по Земле и иметь дело с тем, что тогда особенно расплодится на ней: с деятельностью бацилл, туберкулеза и т.д., ибо труп земли станет средой обитания этих микроскопических существ. В настоящее время они, если можно так выразиться, провозвестники того, что в будущем произойдет со всей планетой. И тогда наступит такое время, когда те, кто таким образом будет привержен материалистическому воззрению, свяжутся с силами Луны и станут кружить вместе с нею вокруг Земли, превратившейся к тому времени в шлак, в труп. Ибо эти люди, которые

неразрывно свяжут себя с материалистическим воззрением, они ведь не хотят ничего иного, кроме как удержать жизнь на Земле, остаться связанными с жизнью Земли, не хотят правильным образом возвыситься от земного трупа к тому, что тогда станет духовно-душевым Земли.

Все это, особенно в наше время, проявляется во многом из того, с чем в наши дни носятся как с возвышенными представлениями, как с моральными импульсами, — ведь сегодня всё стараются подвести под моральные принципы, — а ведь в них живут те самые ариманически-материалистические силы, о которых я говорил; из них могут произрасти те импульсы, которые в будущем прикуют человека к Земле по его же собственной воле. Вот почему необходимо обращать внимание на эти вещи. И особенно необходимо обращать внимание на то, что в наше время почитается как самоочевидное. Определенные законы природы рассматриваются в наше время как простая самоочевидность. Не признающих этого почитают дилетантами и глупцами. Так же признаются самоочевидными определенные морально-политические призывы. Только поются не дифирамбы, а вильсониады. Все это несет в себе зародыш будущего произрастания в описанном мной направлении.

Я не случайно сказал, что те люди, которые в сороковые годы стояли у отправного пункта борьбы тех лет, находились в совершенно особых условиях. Затем они воплотились на Земле. И мало что будет понятно в душевной жизни таких людей, особенно если они были наделены духовными устремлениями, в их сомнениях, в их жизненной борьбе, если упустить из виду, какой импульс они внесли с собой из жизни духа сороковых годов во вторую половину XIX столетия и в начало двадцатого.

С этим связано еще одно явление — явление, мимо которого в наше время нельзя пройти, но очень часто проходят. В наше время считается, что духовные существа с их воздействиями не играют никакой роли в общественном порядке. Людям не нравится говорить о духовных причинах социальных явлений. Но тот, кто знаком с истинными процессами, происходящими в наше время, знает: психические, спиритуальные воздействия из духовного мира на людей, находящихся на физическом плане, особенно возросли в наши дни. Довольно часто теперь встречаешь человека, который мог бы рассказать (только обычно он не понимает соответствующих процессов), что он был подвигнут

к тому или иному виду деятельности, к тому или иному действию благодаря сновидению или чему-то подобному (но это всегда духовное явление). В гораздо большей степени, чем это признается материалистическим воззрением, люди в наше время подлежат таким психическим воздействиям. Кому представится случай проследить такие вещи, найдет их на каждом шагу. Если вы возьмете поэтическую продукцию наших лучших современных поэтов и составите статистику на предмет того, какое количество стихотворений возникло рационалистическим способом — способом, который можно рационально истолковать, — а какое возникло благодаря вдохновению, благодаря ясно выраженному спиритуальному влиянию из духовного мира (которое было пережито как сновидение или тому подобное), то вы будете изумлены, сколь высокий процент попадет под рубрику непосредственного воздействия из духовного мира. В гораздо большей степени, чем это теперь принято думать, мы стоим именно под влиянием духовного мира. И как раз самые значительные события в человечестве происходят под влиянием, исходящим из духовного мира.

Часто задают вопрос: почему была основана та или иная газета? Основатель ее поступил так, ибо получил тот или иной импульс из духовного мира. Если он доверительно расскажет вам о происхождении своего побудительного мотива, то это будет рассказ о каком-то сновидении, если речь пойдет об истинных причинах. Поэтому я должен сказать о будущем времени: когда в будущем историк будет говорить о начале этой войны и при этом будет соблюдать старую манеру Ранке или будет опираться на исторические документы, то ему не удастся описать как раз самое главное, ибо оно в 1914 году происходило через влияние из духовного мира.

События происходят циклически, то есть по принципу периодичности. И то, что происходит здесь, на физическом плане, всегда, собственно, своего рода проекция, своего рода тень событий, происходящих в духовном мире. Только происходящее в духовном мире происходит раньше. Допустим, что эта линия (смотри рисунок) представляет собою порог, границу, пограничный уровень между духовным и физическим мирами; тогда сказанное мной можно охарактеризовать следующим образом: допустим, что-то, что может быть обозначено как духовное событие, — борьба Михаила с Драконом, — происходит сначала как событие в духовном мире. Оно приводит, в конечном счете, к тому, что

Дракон низвергается с небес на Землю. Это проявляется таким образом, что цикл получает свое земное завершение, то есть момент земного свершения будет отставать по времени от события низвержения Дракона на Землю (1879) настолько, насколько духовное событие (первопричина) опережает эту дату.

Можно сказать: утренняя заря, самое начало, самое первое побуждение к этой борьбе Михаила с Драконом в XIX веке имело место в 1841 году. Особенно оживленно эта борьба протекала в 1845 году. С 1845 по 1879 год* протекло тридцать четыре года, а в 1879 плюс 34 возникнет зеркальное отображение события: получится 1913 год, то есть предшествующий 1914 году. Вы видите, что на физическом плане зеркальным отражением кардинальных причин духовной борьбы является то, что начинается с 1913 года. А возьмем арку 1841-1917 с «осевым» годом 1879! Решающим годом XIX столетия был 1841 год, а его зеркальным отображением является 1917 год. И не приходится через меру удивляться многому происходящему, если учесть, что та борьба, которую в 1841 году предприняли ариманические рати в духовном мире, когда Дракон начал свою борьбу с Михаилом, получила свое отражение именно в 1917 году. Невозможно реальное понимание событий физического плана, когда не знают, как они подготавливались в духовных мирах.

Эти сообщения предназначены не для того, чтобы беспокоить людей, чтобы разбередить умы, они должны служить побуждением к прозрачности взгляда на мир, действительному прозрению в духовный мир, к бодрствованию в отношении мировых событий. Вот почему столь настоятельно необходимым было именно в этом году в области нашего антропософского развития все снова и снова повторять, что необходимо бодрствование, внимание к происходящему, дабы не проспать текущие события.

То, что под этим подразумевается, подчас можно высказать только предположительно. Вчера я обращал ваше внимание на то, каким образом в восточной Европе делаются выводы из подобных процессов. Когда здесь, на Западе, хотят, опираясь на внешнюю сторону вещей, узнать, что, собственно, живет в восточноевропейской душе, то лучшим средством будет усвоить себе взгляд на душу Востока, исходя из философии Соловьева; но и это будет весьма неполно. Истинное прозрение может быть достигнуто только при помощи тех познаний, которые давались годами и

десятилетиями в рамках нашего антропософского движения в циклах и отдельных лекциях относительно миссии духа русского народа, о существовании этого русского народного духа*. Но, вникая в философию Соловьева, гипотетически можно выразить, что в отношении этих вещей хотят сказать. Вы знаете, что Соловьев умер на исходе девятнадцатого и в начале двадцатого веков, то есть он уже давно умер. На Западе ведь не слишком занимались философией Соловьева. Не так уж много существовало возможностей ознакомиться с ней, и западные люди не очень-то стремились узнать Соловьева как рупор европейского Востока. Максимум, что одному профессору несколько лет назад взбрело в голову, — что не совсем хорошо вообще ничего не знать о Соловьеве, если ты являешься профессором философии в университете. Тогда он разрешил писать диссертации на эту тему, а про себя решил: аспиранты ради докторской степени станут изучать Соловьева, а он будет читать их диссертации!

Но мне хотелось бы эту тему свести к предположению, хотелось бы сказать: представим себе гипотетически, что Соловьев был бы жив в наши дни, пережил бы эту войну, пережил события в России, — что бы он стал делать именно как русский? Само собой, ответ может быть только гипотетическим; но с уверенностью можно сказать (и это не вызовет сомнений): Соловьев, как русский, очевидно, постарался бы изъять из обращения все свои труды, написанные до войны, и все их заново переписать. Ибо он повстречался бы с необходимостью пересмотреть все свои воззрения. Ведь его воззрения коренятся в его эпохе. И потому в нем должно было вспыхнуть желание переписать все свои труды. И тем самым он только сделал бы для себя тот вывод, который сделал весь европейский Восток.

Такие высказывания кажутся парадоксами, ибо тому, кто читает Соловьева в наше время, лучше всего уяснить себе, что Соловьев мало чему сказал бы твердое «да» из того, что он одобрял раньше. И все это должно стать приметой бодрствования, которое может найти свое выражение в капитальной ревизии как раз тех важных представлений, что обнаружили свою абсурдность в последние годы и сами довели себя до абсурда. Конечно, дважды два так и осталось четыре, но все прочие вещи должны быть решительно пересмотрены. И только когда сознают необходимость такой ревизии, такого пересмотра, только тогда бодрствуют в наше время.

Человечеству именно в 1917 году — 38 лет спустя после

1879 года, ибо 1879-й отстоит от 1841 года на 38 лет, — предстало нечто чрезвычайно важное. И важность современных событий состоит не в том, что люди сотворили в 1914 году, а в том, как выкарабкаться из этих событий. Проблема того, как из них выкарабкаться, — вот что, собственно, предстоит нашему времени. И это не получится, если не уяснить, что человека не пускают старые представления, что ему для этого необходимы новые. В тупике находятся все, кто считают, что можно выкарабкаться со старыми представлениями. Необходимо приноровиться к новым представлениям, которые могут произойти только из познания духовного мира.

Мне хотелось сегодня описать вам некоторые подосновы того, что говорилось в последние дни. Вы видите: если воспринимать духовную жизнь конкретно, то недостаточно общих разглагольствований о пантеизме и тому подобных приятных вещах: что существует духовный мир, что за всем физическим стоит духовное, и так далее. Такое абстрактное, туманное пустопорожнее говорение о духе не ведет ни к чему. Надо взирать на определенные духовные события и духовные существа, которые имеются по ту сторону порога духовного мира. Точно так же, как здесь, на Земле, имеют место не просто события вообще, а вполне определенные события, точно так же и в духовном мире все конкретно и определено. Не думаю, что многим бы понравилось, вставая поутру с постели, говорить: я сейчас выйду за порог моего дома и шагну в мир. Так ведь вы не скажете, а составите себе конкретное представление о происходящем. Равным образом только тогда приходят к глубоким подосновам развития мира и человечества, когда конкретно и определено представляют себе происходящее по ту сторону порога: указывают не на некую всеобщую духовность: Вселенную, провидение и т.п., — а на вполне определенные вещи.

Мы можем очень, очень многое ощутить, глядя на цифры 1841 и 1917 на нашем рисунке. И такие ощущения должны сделаться в нас живой жизнью, если мы хотим действительно постигнуть происходящее.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 20 октября 1917 г.

Нельзя сказать, чтобы у современности вообще не было идеалов. Наоборот, существует великое множество идеалов. Но все эти идеалы не действительны. А почему они не действительны? Представьте себе (прошу прощения за столь причудливое уподобление, но оно соответствует действительности), представьте себе курицу, приготовившуюся высидывать яйцо, но человек отбирает у нее это яйцо и помещает его в инкубатор. Такое вполне мыслимо, но если, например, сделать такой воздушный насос, чтобы надуть цыпленка, думаете, это получится? В известном смысле, соблюдены все необходимые условия, возникшие в ходе эволюции, но только одного нет: того, куда надо поместить цыпленка, чтобы были соблюдены условия его существования.

Примерно так обстоит дело со всеми прекрасными идеалами, о которых так часто говорится в современности. Они не только прекрасно звучат, это и в самом деле бесценные идеалы. Но современность отвергает познание истинных, реальных *условий* эволюции в том роде, в каком это соответствует *условиям* современности. И в результате в разных причудливых обществах носятся со всевозможными идеалами, защищают их, выдвигают требования, но все безрезультатно. Ведь в конце концов в начале XX века существовало достаточно обществ с идеалами. Но что последние три года стали осуществлением этих идеалов, никак не скажешь. Только подобные факты должны же чему-то научить, как часто говорилось как раз в этих рассматриваемых.

В прошлый раз я несколькими штрихами обрисовал вам картину духовного развития последних десятилетий. И я просил вас учесть, что происходящее на физическом плане за долгое время до того подготавливается в духовном мире. И я указал вам на нечто совершенно конкретное. Я указал на то, как в сороковые годы в духовном мире, непосредственно прилегающем к нашему, началась борьба — метаморфоза той борьбы, которую обозначают древним символом борьбы Святого Михаила с Драконом. И я описал вам, как протекала эта борьба в духовном мире вплоть до ноября 1879 года, и что мы, таким образом, имеем дело с борьбой в духовном мире, с борьбой Михаила с Драконом (вам ведь известно, что подразумевается под этим символом), как затем, после ноября 1879 года, в духовном мире со стороны Михаила была

одержана победа и Дракон, то есть ариманические силы, был низвержен в сферу человека. Где же они теперь?

Итак, обдумаем как следует: те силы из школы Аримана, которые начиная с 1841 по 1879 год вели решающую борьбу в духовном мире, в 1879 году были низвержены из духовного мира в царство людей. И с тех времен они имеют свое средоточие, поле своей деятельности (причем особенно в наше время) в мышлении, в чувствах и в волевых импульсах человека.

Осознаем же, сколь бесконечно многое в человеческом мышлении, в человеческой воле и чувстве пронизано ариманическими силами. Подобного рода события, связанные с духовным и физическим мирами, заложены в плане всего нашего миропорядка, и надо считаться с этими конкретными фактами. Какая польза, если постоянно пребывать в абстрактном и повторять: человек должен побороть Аримана. Из такой абстрактной формулы ровно ничего не следует. Наши современники подчас даже не догадываются, в какой духовной атмосфере они, собственно, находятся. Надо оценить этот факт во всей его весомости.

Учтите только одно: что вы в качестве членов Антропософского общества призваны слышать об этих вещах, пропитать ими ваши мысли и чувства. И тогда перед вашей душой выступит вся серьезность этой темы, тогда перед вашей душой — со всем лучшим, что вы можете прочувствовать и пережить, — встанет задача, причем на том месте, где вы находитесь в этой загадочной, сомнительной, сбивающей с толку современности. Допустим следующее: где-то имеется всего какая-то пара людей, которые находятся в дружеском общении друг с другом, и они знают об этих и им подобных духовных взаимосвязях, вроде описанных мной, а огромные массы людей ничего об этом не знают, — будьте уверены, что если этот гипотетический круг людей по каким-то причинам примет решение ту силу, которая может быть извлечена из такого знания, поставить чему-то на службу, то и этот малый круг со своими приверженцами, подчас без того, что приверженцы осознают это, становится очень влиятельным и сильным сравнительно с теми, кто не имеют понятия и не хотят ничего знать о подобных вещах.

Еще в XVIII столетии существовал определенный круг людей такого рода. И у него есть в наше время продолжатели. Определенный круг людей был знаком с теми фактами, о которых я говорил, был знаком с событиями XIX века вплоть до XX века, которые я описывал. Но этот круг

имел еще в XVIII веке определенные эгоистические намерения и цели, для достижения которых он систематически трудился.

В наше время ведь в массе люди живут как во сне, не задумываясь и не наблюдая того, что подчас, собственно, происходит в довольно широких кругах в непосредственной близости от них. И в этом отношении в наши дни предаются огромному количеству иллюзий. Подумайте только, как непринужденно говорится такое: какой толк в нашем общении, какая от него польза! Как все изменилось по сравнению с прежними временами! Припомните все то, что было сказано в этом направлении. Достаточно только трезво и разумно вникнуть в отдельные факты, и тогда обнаружится, что в этом отношении в наши дни происходят примечательные вещи. Кто, например, сегодня поверит (я говорю это все только ради иллюстрации), что какое-то масштабное литературное явление может стать известным в широких кругах в обход прессы, которая «все понимает и обо всем судит»? Кто поверит всерьез, что важное, глубокое, эпохальное литературное произведение может остаться неизвестным? Но в этом надо сначала как-то убедиться. И вот во второй половине XIX века то, что в наши дни почтительно именуется прессой, сделало первую попытку стать тем, чем она теперь является. И тем не менее, вне поля ее зрения может существовать по всей средней Европе литературное произведение эпохального, революционного значения, на уровне таких знаменитых авторов, как Шпильгаген, Густав Фрейтаг, Пауль Хейзе (можно назвать еще и других многочисленных авторов), ибо ни одна книга последней трети XIX века не завоевала столь широкого читательского круга, как «Тринадцатый» Вильгельма Вебера*. А теперь спросите: сколько наберется среди сидящих здесь людей, которые ничего не слышали о «Тринадцатом» Вебера? Так вот жизнь протекает вне поля зрения прессы. А ведь в этом «Тринадцатом» в прекрасной поэтической форме воплощены идеи решающего значения. И они живут сегодня в тысячах и тысячах душ.

Я заговорил об этом, чтобы сделать наглядным, как фактически множество людей ничего не знает о важных вещах, которые разыгрываются в их непосредственном окружении. Да, вы можете не сомневаться, если найдете кого-то, кто не читал «Тринадцатого» (возможно, что такой найдется и среди наших друзей). Все равно он в своей жизни встречал трех-четыре человек, которые читали

«Тринадцатого». Среди людей имеются именно такого рода преграды, когда подчас даже близкие люди вообще не говорят о важных вещах. О них не высказываются. Даже ваши близкие могут не говорить о таких важных вещах. И ровно так же, как с этими мелочами, — ибо, само собой, приведенный пример является мелочью в масштабе всемирно-исторического развития, — так обстоит дело и в крупном. В мире происходят вещи, о которых большая часть человечества не имеет представления.

Так, в XVIII веке существовало общество, распространявшее определенные идеи, определенные воззрения, которые проникали в души людей и становились действенными силами в направлении того, чего хотело это общество, а затем это переходило в социальную жизнь, где определяло отношения между людьми. Люди не осознавали, откуда приходит то, что живет в их эмоциях, в их ощущениях и волевых импульсах. Но те, кому ведомы взаимосвязи в эволюции, знали, каким образом вызываются эти импульсы, эти эмоции. Это относится не напрямую к этой книге, но к тем идеям, которые заложены в ее основе и которые исходили от такого общества XVIII века, и там было описано, какое место занимают ариманические существа в разных видах животных. Само собой, ариманические существа называли дьяволом и описывали разнообразные формы выражения дьявольского начала в отдельных видах животных. XVIII век был эпохой расцвета Просвещения; она не прекратилась до сих пор. Весьма образованные люди, составляющие главным образом контингент журналистов, относятся к этому с насмешкой, говоря: такой-то имярек снова написал книгу, в которой демонизируются животные! Но в XVIII веке эти идеи пропагандировались таким образом, что проникли во многие человеческие души, пропагандировались таким образом, что при этом проводились наблюдения реальных законов развития человечества и из них делались выводы. Самое главное, что когда в XIX веке возник дарвинизм, когда в XIX веке в душах огромного числа людей возникла идея, что человек постепенно развился из животного мира, то у другого большого числа душ наличествовала идея, что животные — это дьявол. Здесь имеется примечательная переключка. И ведь все это реально присутствовало! А люди пишут исторические книги, в которых содержится всякая всячина, только нет реальной расстановки сил.

Надо принимать во внимание следующее: как цыпленок

растет в нормальных условиях и не может быть раздут насосом, так и идеалы могут произрастать только в реальной атмосфере духовной жизни. Но для этого эта духовная жизнь должна проявиться в своей реальности. В наше время любят общезначимое, нечто абстрактное; такое нравится более всего. И поэтому легко упустить из виду (а ведь это факт), что ариманические силы с 1879 года должны были быть низвержены из духовного мира в царство людей и пронизать человеческую интеллектуальность: человеческое мышление, чувства и воззрения. Но правильную позицию в отношении этих сил невозможно занять, если просто повторять абстрактную формулу: надо побороть эти силы. Что надо делать, чтобы их побороть? То, что делают, напоминает, как если бы взывали к печке, что ее долг давать тепло, но не клали в нее дрова и не зажигали огонь. Надо прежде всего знать, что теперь, после того как эти силы уже низвержены на Землю, человек должен с ними жить, что они присутствуют здесь, что не надо закрывать на них глаза, ибо они набирают силу там, где на них закрывают глаза. В том-то и дело, что эти ариманические силы, которые завладели человеческим интеллектом, набирают силу, когда о них ничего не знают, когда не хотят с ними знаться.

Если осуществится идеал множества людей: изучать только естествознание и из научных законов выводить также социальные законы, устремляться только к реальному, — как говорят эти люди, подразумевая под этим только доступное внешним чувствам, и даже не пытаюсь устремляться к духовному, — если такой идеал осуществится в широчайших кругах, то для ариманических сил это будет лучший козырь в игре, ибо тогда люди не будут о них ничего знать. Тогда люди смогут основать монистическую религию в духе Геккеля и разрабатывать эту ниву. Ариманическим же силам только того и надо, чтобы люди о них ничего не знали и можно было работать в подсознании людей.

Ариманические силы рассчитывают на подмогу, когда основывается совершенно натуралистическая религия. Осуществись полностью идеал Давида Фридриха Штраусса* и реализуйся такая обывательская религия (еще Ницше написал об этом одно из своих «Несвоевременных размышлений»), ариманические силы сегодня благоденствовали бы еще больше. Но это только одно из средств, ариманические силы могут осуществлять свое и другими способами; им по нраву, когда люди пускают в ход весьма распространенные в наше время свойства:

предубеждение, невежество и страх перед духовной жизнью. Трудно чем-нибудь так угодить ариманическим силам, как через предубеждение, невежество и страх перед духовной жизнью.

Посмотрите только, как много людей привержены предубеждению, невежеству и страху перед духовными силами. Вчера в публичной лекции** я говорил: только в 1835 году были отменены декреты против Коперника, Галилея и Кеплера. Иными словами, католики должны были вплоть до 1835 года воздерживаться от изучения коперниковского мировоззрения и т.п. Поощрялось невежество в этом направлении. И это было мощным возрастанием ариманической силы. Трудно представить лучшую службу, какая могла быть оказана ариманическим силам; они могли превосходно подготовиться к той кампании, которая должна была последовать с 1841 года.

К высказанному положению я должен еще нечто добавить для полноты картины. Это дополнительное положение не может быть в наше время целиком высказано тем, кто действительно посвящен в эти вещи. Но если вы прочувствуете, что содержится в подосновах такого положения, то возможно, что вы сами догадаетесь, о чем речь.

Естественнонаучное мировоззрение — это чисто ариманическая вещь; но побороть ее можно не тем, что не хотят о ней ничего знать, а тем, что вполне сознательно хотят знать ее как можно лучше. Трудно оказать Ариману большую услугу, чем игнорировать естественнонаучное мировоззрение или непрофессионально с ним бороться. Кто непрофессионально критикует естественнонаучное воззрение, тот не побеждает Аримана, а только усиливает его, ибо он распространяет заблуждение и туман в той области, которая как раз нуждается в ярком освещении.

Надо все больше приходить к тому, что каждая вещь имеет две стороны. Ведь современные люди весьма образованны, прямо-таки безгранично образованны, и вот как думают эти образованные люди современности: в четвертую постатлантическую эпоху, в греко-латинский период еще бытовало суеверие, что по полету птиц, по внутренностям животных и многому другому можно познавать будущее. Значит, те, кто это делали, были, естественно, глупцами. При том, что ни один современный человек не знает как это, собственно, делалось. Никто в наше время не высказывается иначе, как в том примере, который я вам недавно

приводил^{***}: кому-то говорят, что сбылось пророчество, виденное во сне, а тот отвечает: ну, это просто совпадение! Но в основе четвертой постатлантической эпохи лежала такая наука, занимавшаяся будущим. В те времена никто бы не поверил, что, орудуя такими понятиями, как в наше время, можно что-то осуществить в социальном становлении. Иначе и в те времена не имели бы дальновидного обзора социального будущего, если бы не было определенной науки о будущем (можно в это верить или нет — от этого ничего не меняется). Поверьте, до сих пор в области социальной жизни и политики люди все еще пережевывают то, что проистекло из этой древней науки будущего. Но такую науку будущего невозможно обрести из наблюдения того, что внешне предстает нашим органам чувств. По образцу естествознания невозможно ничего добиться, ибо то, что можно наблюдать внешне-чувственным способом, это наука прошлого. А теперь я раскрою вам очень важный, очень значительный мировой закон: когда вы наблюдаете мир чисто внешними средствами, как это делает современное естествознание, то вы наблюдаете одни только законы прошлого, которые еще по инерции работают, вы, собственно, наблюдаете всемирный труп прошлого. Умершую жизнь — вот что исследует наука.

Представьте себе, что на нашем рисунке вот это будет полем нашего наблюдения (см. рис., белый) — то есть то, что явлено нашим глазам, нашим ушам и другим органам чувств. И представьте себе, что вот здесь (см. рис., желтый) находится вся сумма естественнонаучных законов, которые человек может открыть. Но тогда вся эта сумма естественнонаучных законов содержит в себе не более того, что находится внутри них, а то, что внутри них, — это прошедшее и окаменевший реликт. Вы должны помимо этих законов находить то, чего не может наблюдать физический глаз, чего не может слышать физическое ухо: второй мир законов (см. рис., лиловый). На самом деле этот второй мир тоже находится внутри первого, но он указывает на будущее.

С миром ведь обстоит так же, как и с растением. (См. рис. внизу) То, как растение выглядит сегодня, это ведь неправда, ибо сокрытым образом в нем пребывает нечто, чего еще нельзя видеть, что может быть увидено только в следующем году, — зародышевое семя. Оно уже находится внутри, но только еще не видимо. Так же и в окружающем нас мире незримо присутствует будущее, вся полнота будущего. А прошедшее пребывает внутри таким образом, что оно уже сморщилось, высохло, умерло и является трупом. И вся

научная картина мира дает только этот образ труппа, только прошедшее. Конечно, если просто взирать на духовное, то будет недоставать прошлого; это верно. Но для полноты картины должна быть присовокуплена незримая часть действительности.

Как же это происходит, что люди, с одной стороны, выдвигают канто-лапласовскую теорию, а с другой — говорят о конце мира, как это делает профессор Дьюар* (я вчера рассказывал об этом в публичной лекции), который конструирует конец Земли, когда люди будут читать газеты при температуре минус сто градусов, а стены будут покрыты светящимся яичным белком, а молоко будет твердым. Мне хотелось бы задать простой вопрос: как можно надоить молока, если оно станет твердым! Это просто невысказанные представления, равно как и вся канто-лапласовская теория. Стоит только с этой теорией выйти за пределы непосредственного поля наблюдения, как она отказывается. Почему так? Потому что все эти теории о труппах, о безжизненном.

Образованные люди в наше время говорят: греческие и римские храмовые жрецы были либо шарлатанами, либо суеверами, так как разумный человек, естественно, не может поверить, что по полету птиц и по принесенным в жертву животным можно что-то узнать о будущем. А люди будущего станут так же презирать современные представления, которыми сегодня так гордятся, если они почувствуют себя такими же умниками, как современное поколение в отношении римских храмовых жрецов. И они скажут: канто-лапласовская теория! Дьюар! Какие странные суеверия были у этих людей! Они понаблюдали какую-то парочку тысячелетий земного развития и из этого сделали заключения о начале и конце земного бытия. Какие же глупые суеверия существовали тогда! Ведь водились же такие суеверные чудачки, которые описывали, как из первичной туманности отделились Солнце и планеты, а затем стали вращаться. И об этой канто-лапласовской теории и конце мира будут говорить еще похлеще, чем современные люди говорят об исследовании будущего по внутренностям жертвенных животных и полету птиц.

На какой высоте чувствуют себя эти люди, воспринявшие дух и подход естественнонаучного мышления, и с каким презрением относятся они к древним мифам и сказкам! Для них это детство человечества, когда люди спали наяву! Как далеко мы от них ушли: мы знаем сегодня, что во всем

господствует закон причинности, и мы распространили его на всё. Но те, кто так думает, не знают одного: что всей современной науки не существовало бы — в том числе там, где она правомерна, — если бы ей не предшествовало мифологическое мышление. Да, современной науки, если бы она не произошла из мифов, не выросла из них, не могло бы существовать, равно как не могло бы существовать растение, которое имеет стебель, листья и бутон, но не имеет корня.

Когда говорят о современной науке как о чем-то совершенно автономном, то это похоже на то, как если бы растение захотело бы расти только вверх. Все, чем является современная наука, выросло из мифа, миф — это ее корень. Вот почему определенные элементарные духи, которые наблюдают эти вещи из другого мира, смеются адским, гомерическим смехом, когда весьма почтенные профессора видят в древней мифологии, в древних мифах только старое суеверие и даже не догадываются, что они сами со всей своей ученостью выросли из этих мифов, что ни единой правомерной мысли не могло бы возникнуть в современности, если бы не существовали эти мифы. И еще кое-что другое вызывает у этих же элементарных духов поистине адский гомерический смех (здесь уместно заметить, что в своем адском гомерическом смехе ариманические силы вполне правы, ибо им предоставляется возможность по-адски хохотать), а именно, когда люди верят, что теперь, наконец, они обрели свою коперниковскую теорию, учение Галилея, обрели блистательный закон о сохранении энергии. И это уже никогда не изменится, это уж на все времена. Весьма близорукое суждение! Так же, как миф относится к нашим представлениям, так же научные представления XIX и XX веков относятся к тому, что придет через пару столетий. Они будут так же преодолены, как были преодолены мифологические представления. Кто же поверит, что в 2900 году люди будут думать о солнечной системе так же, как современные люди? То, что годится для профессорских суеверий, для антропософов не приемлемо.

Тем, что люди сегодня могут плодотворно думать, тем, что они с определенным величием внесли в современную эпоху, — этим они обязаны как раз тому обстоятельству, что в греческую эпоху было выработано нечто вроде греческой мифологии. Конечно, все это не приведет в восторг современного просвещенного человека, который думает: как были бы счастливы эти греки, если бы имели нашу современную науку! Но даже имей греки нашу современную

науку и не будь у них того, что они имели (провозвестия греческих богов, мира Гомера, Софокла, Эсхила, Платона, Аристотеля), — все равно греческий Вагнер выглядел бы просто Фаустом по сравнению с современными вагнерами. Наше мышление стало бы засушенным, упадочным, опустошенным. Ибо все, что в качестве жизненной силы присутствует в нашем мышлении, обязано тому, что оно коренится в греческих мифах, в мифологии четвертой постатлантической эпохи вообще. И кто считает, что миф обманывает, а современное мышление правдиво, тот напоминает человека, который считает ненужным срезать розы с розового куста, когда требуется букет из роз. Почему розы не должны возникать просто так?

Все это совершенно нереальные представления, в которых пребывают как раз те, что относят себя к самым просвещенным людям нашего времени. Эта четвертая постатлантическая эпоха с ее разработанной мифологией, с ее выработанными представлениями, которые в глазах наших современников больше напоминают сновидения, чем четко обрисованные естественнонаучные представления, — весь этот образ мысли четвертой постатлантической эпохи является основанием того, чем мы сами являемся сегодня. А то, что мы думаем сегодня, что мы можем выработать сегодня, в свою очередь должно сделаться основанием для следующей эпохи. Но это может осуществиться только в том случае, если развитие пойдет не в сторону деградации, а в сторону жизнеутверждения. И чтобы вдохнуть жизнь, надо поднять в сознание то, что было некогда, но прибавить к этому то, что дает бодрствующее сознание, что делает человека бодрствующей личностью.

С 1879 года дело обстоит так: когда ребенком поступают в школу и там усваивают естественнонаучный подход и образ мысли, а затем проникаются мировоззрением в духе этого естественнонаучного образа мысли и приходят к убеждению, что реальным может быть названо только то, что имеется в чувственном мире, а все остальное — только продукт фантазии, когда так думают (а сколько людей в наше время думают именно так!), то Ариман в выигрыше и ариманическими силами везет. Ибо эти ариманические силы, которые с 1879 года, так сказать, основали себе твердыню в человеческих душах, — кто же, собственно, они? Людями они не являются; они являются ангелами, но отставшими ангелами; ангелами, которые выпали из орбиты своего развития и которые разучились в граничащем с нами

духовном мире выполнять свои задачи. Сумей они их выполнить, они не были бы низвержены в 1879 году. Они были низвержены, потому что не могли в высшем мире выполнить свои задачи. И теперь они хотят осуществить свои задачи при помощи людских голов, при помощи человеческого ума. В человеческом мозге они находятся на один слой глубже, чем, собственно, им предназначено. То, что в наше время именуют монистическим мышлением, — этого люди в жизни как раз не делают. То, что в наше время на все лады именуют политэкономической наукой — как я говорил об этом вчера, — которая утверждала в начале войны, что последняя продлится не более четырех месяцев, — когда такое говорится, не приходится думать, что в головах людей гнездятся ангельские мысли. Да, человеческий рассудок все больше оккупируется теми силами, которые таким способом проявляют себя в жизни. И этого невозможно избежать, пряча голову в песок и проводя политику страуса, — ничем, кроме как сознательным сопереживанием. Не тогда, к примеру, опровергается монизм, когда о нем ничего не знают, а наоборот — когда знают, но при этом знают и другое: что это ариманическая наука, что это наука отставших ангелов, которые гнездятся в головах тех людей, что не могут распознать истинное, отличить реальное.

Естественно, в наших обсуждениях мы употребляем выражения типа «ариманические силы», ибо мы принимаем их всерьез. Но ясно, что вы не можете применять такие выражения в общении за пределами антропософского круга, так как люди в наши дни к этому совершенно не подготовлены. Ибо тогда возводятся стены. Тогда не находят с людьми общего языка; но, естественно, должны быть найдены пути и средства так говорить с другими людьми, чтобы и они прониклись истиной. Более того, если бы не существовало такого места, где может быть напрямую высказана истина, то не было бы никакой возможности дать ей влиться во внешнюю, некомпетентную науку. Должны, по крайней мере, существовать такие отдельные места, где истина может быть высказана в первоначальной незамутненной форме. Но только мы никогда не должны забывать, что для современного человека часто составляет непреодолимую трудность реально найти доступ к спиритуальной науке и от нее проложить мосты в сферу ариманической науки. Я часто встречал людей, которые были прекрасными специалистами в той или иной области

ариманической науки, были хорошими естествоиспытателями или хорошими ориенталистами, а затем нашли доступ к нашему духовному исследованию. О, сколько потребовалось трудов, чтобы побудить этих людей проложить эти мосты! А как было бы прекрасно, если бы какой-нибудь биолог со всеми своими специальными познаниями, которые в наше время можно обрести в этой области, или физиолог, который духовным образом переработал биологию, не употребляя нашей терминологии, но работая в нашем духе, влили бы его в отдельные научные дисциплины! Я попробовал это в среде ориенталистов. Конечно, человек может быть, с одной стороны, настоящим приверженцем антропософии, а с другой стороны, — ориенталистом и профессионально заниматься востоковедением, как прочие ориенталисты. Но он не хочет проложить мосты от одного к другому. А ведь именно этого так настоятельно требует современность. Ибо, как сказано, ариманические силы благоденствуют, когда естествознание развивают таким образом, как если бы оно было отображением внешнего мира. А вот когда приходят к духовной науке и всему тому, что из нее следует, тогда ариманические силы уже не так благоденствуют. Ведь эта духовная наука охватывает всего человека. Становятся другим человеком, учась по-другому чувствовать и по-другому желать, учась занимать в мире совсем иную позицию.

Истинная правда то, что всегда говорили посвященные: когда человек проникнут тем, что исходит из духовной мудрости, то для ариманических сил это величайший ужас кромешной тьмы и огонь пожирающий. Ариманические ангелы благоденствуют в головах, наполненных современной ариманической наукой; но для ариманических ангелов величайший испуг и пожирающий огонь — головы, проникнутые спиритуальной мудростью. Примем такие вещи в их полной серьезности, ощутим: когда мы проникнуты спиритуальной мудростью, то мы проходим через мир так, что занимаем истинную позицию по отношению к ариманическим силам, что мы сами, благодаря тому, что делаем, возводим то, что должно быть возведено, — возводим ради блага всего мира такие места, где пылает пожирающий огонь жертвоприношения, места, где великий ужас кромешной тьмы охватывает все вредоносно-ариманическое.

Проникнитесь такими идеями, проникнитесь такими чувствами! Тогда вы станете, бодрствуя, взирать на то, что

происходит во внешнем мире. В XVIII столетии вымерли последние остатки древней атавистической науки. Сторонники «неизвестного философа» Сен-Мартена, ученики Якоба Бёме многое еще имели из этой древней атавистической мудрости, но прежде всего имели предвидение того, что должно прийти, а в наше время уже пришло. И сколь часто в этих кругах говорилось о том, что начиная с последней трети XIX века и в первой половине XX века будет господствовать познание, которое коренится в тех же самых источниках, на той же самой почве, где коренятся определенные человеческие болезни (в прошлое воскресение я говорил об этом), когда станет господствовать воззрение, которое коренится во лжи, когда будут господствовать чувства, что коренятся в себялюбии.

Проследим же зрящим оком — оком, которое сделалось зрящим через переживание того, о чем говорилось сегодня, — что движет нашей современностью! Возможно, многие ощутят при этом боль в сердце. Но это ничего, ибо ясное познание, даже если оно причиняет страдание, принесет в наши дни хорошие плоды — те, что помогут выбраться из хаоса, в который погрузилось человечество.

И на первом месте или на одном из первых должна стоять наука воспитания. И в этой области одним из первых должно быть положение, против которого в наше время особенно сильно грешат. Гораздо важнее всего, чему вы учите и как воспитываете мальчиков и девочек, то, что бессознательно вливается в их души в процессе воспитания. Я уже говорил в недавних публичных лекциях, что память — это то, что является в подсознании феноменом, параллельным сознательной душевной жизни. И как раз на это должно быть обращено внимание в процессе воспитания. Воспитатель должен привнести в душу ребенка не только то, что тот может понять, но и то, чего ребенок пока не понимает, что таинственным образом вложено в детскую душу и — вот что важно — будет извлечено в более поздние годы. Мы приближаемся к такому времени, когда людям в ходе всей их жизни все больше будут требоваться воспоминания о своей юности, воспоминания, к которым они охотно обращаются, воспоминания, которые делают их счастливыми. Воспитание должно стать искусством, которым надо систематически овладевать. И для воспитания будущего было бы настоящей отравой, если бы в последующей жизни человек вынужден был вспоминать, как его наказывали в школьные годы, если бы он неохотно вспоминал годы обучения и воспитания, если

бы ему школьные годы представлялись не тем источником, из которого можно все снова учиться, учиться и учиться. А если ребенок в школе получал только учебный материал, то на будущее ничего не остается.

И если вы все это снова продумаете, то увидите, насколько должны измениться основные жизненные направления по сравнению с тем, что принято считать правильным в наше время. Как было бы прекрасно, если бы человечество не проспало трагические переживания современности, а использовало их, чтобы как можно ближе сродниться с такой мыслью: как много должно быть изменено! Человечество в последнее время стало слишком самодовольным, чтобы измерить всю глубину этой идеи и, прежде всего, ее величайшую актуальность.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 21 октября 1917 г.

Я стремился в этих рассматриваниях (и это должно быть продолжено) разъяснить с разных сторон, насколько люди современности и ближайшего будущего приближаются к такой культурной эпохе, которая выдвинет особые требования в самых разных областях жизни. Я пытался исходя из процессов, протекающих в глубинах духовной жизни, сделать более понятным, что, собственно, сверхчувственным образом (но оттого не менее, а гораздо более проявлено) происходит в наше время и что все более отчетливо будет проникать во все сферы жизни, во все культурные формы и во все социальное общежитие людей. Мы могли уяснить себе из этих рассматриваний, что имеет место определенное внутреннее углубление природы человеческой души.

Когда говорится такое (что некое внутреннее углубление природы человеческой души будет иметь место), то не надо упускать из вида, что это углубление по причинам, которые уже рассматривались и еще будут рассматриваться, во многих отношениях идет параллельно с устремлением ко внешнему в интеллектуальной области, в области внешней науки и тому подобное. Мы должны ясно усвоить: в действительности никогда развитие не протекает так прямолинейно, как это охотно себе представляет современное естественнонаучное эволюционное учение. Его представления являются неверными, но односторонние представления, даже если они правильны, подчас ведут к большим заблуждениям, чем просто неправильные представления. Такие представления просто проводят

прямую линию в развитии от несовершенного существа до человека. Но это не так: развитие человека, а также внечеловеческого мира, таково, что постоянно более внешнему течению эволюции соответствует более внутреннее. Так что можно сказать: если в определенный период времени имеется, допустим, некое внешнее течение, то параллельно ему идет внутреннее течение (смотри рисунок). Внешне, допустим, это течение более материально или материалистично, а внутренне оно более спиритуально или спиритуалистично. Затем более спиритуалистическое снова выступает на поверхность, а материалистическое или материальное опускается в потаенные глубины человеческого существа. Затем все снова переворачивается: спиритуальное вступает во внутреннее, а материальное или материалистическое выходит на поверхность.

Так что как раз в предстоящее нам время, когда внешняя жизнь будет протекать именно в смысле красной линии (см. рис.), в смысле материальных свершений и материальных чувств и воззрений, в глубинах человеческой души будет происходить некое одухотворение. И может даже случиться так, что люди не пожелают ничего знать об этом одухотворении, но оно все равно произойдет.

Если вы правильно представите все это, то у вас возникнет возможность понять две вещи, которые станут необыкновенно важными для будущего. Припомните то, о чем мы вчера говорили: начиная с 1879 года ариманические силы определенного рода были низвержены с духовных высот в царство человеческого развития, а именно в человеческое духовное и душевное развитие. Эти силы, которые живут среди нас, были некогда там. Их основное стремление, как было сказано, — завладеть нашей головой, овладеть нашими мыслями, нашими чувствами. И я говорил, что это ангелоподобные существа, которые не могут более проходить свое развитие в духовном мире и хотят использовать голову человека, чтобы в ближайшее время продолжить свое развитие. Вот почему станет особенно необходимым, чтобы это (см. рисунок, синяя линия) тайное, оккультное развитие души, о котором я говорил и которое многие не хотят осознавать и предпочли бы, чтобы оно оставалось внизу, а сами бы они занялись материальными вещами, — чтобы это оккультное развитие души стало осознанным. Ибо останься оно неосознанным, именно указанное внутреннее углубление человека только усилит ариманические силы, что им и требуется. Это первое, что должно быть принято во

внимание. Мы должны быть подготовлены к опасностям грядущего культурного развития, бодрствуя в самом святом нашего внутреннего существа в отношении влияний ариманических сил.

В ближайшее время вопросы воспитания станут особенно важными и значительными. В ближайшее время как никогда получит значение то углубление человеческой душевной жизни, которое имеет место в детстве и юности. Может быть, это покажется в наше время невероятным, но уже довольно давно наступили времена, о которых может быть сказано: дети и подростки в своих внешних проявлениях не обнаруживают самого существенного. Это красная линия (см. рис. на стр. 238), но рядом с нею проходит синяя, проходит сокровенное внутреннее, и это сокровенное внутреннее надо не упускать из виду. Воспитатель не должен упускать этого из виду, если не хочет отдать это ариманическим силам. Во многих отношениях обучение и воспитание должно стать в ближайшем будущем совершенно иным, чем представляется сегодня. Ибо каким образом сформировались основы современного воспитания и образования?

В мировом хозяйстве некоторые вещи постоянно хромают. В XVIII столетии особое место занимало то, что именуется Просвещением. Хотели создать в XVIII столетии как бы религию разума — религию, всецело основанную на человеческом измышлении, на нищете самого естествознания, как я это пояснял в публичных лекциях в Базеле*. И тактику обращения воспитателя и воспитанника строили всецело в рамках этой разумности: делалось только то, что ребенок мог сразу понять, — чтобы в ребенка не проникало ничего более глубокого, кроме того, что он сразу бы понял.

Необходимо понять, что тем самым менее всего заботятся о будущем человека. Тем самым приводят человека к вредоносной крайности. Подумайте только: если стараются не давать ребенку ничего кроме того, что соответствует его детскому пониманию, то он не получает багажа для последующей жизни, когда в нем пробудится более глубокое понимание. Получается, что на всю оставшуюся жизнь его снабжают только тем, что доступно его детскому пониманию, когда обращаются исключительно к способности понимания в этом возрасте. Но ведь этот возраст уже принес свои плоды! Большая часть нашего современного мышления, которым так гордится просвещенное человечество, основывается на том, что это мышление так и осталось инфантильным. Конечно, в

наших газетах не прочтешь, что превалирует инфантильное мышление, но на самом деле это так. Это связано главным образом с тем, что воспитатели обращаются только к детскому пониманию. И тогда детское понимание сохраняется на всю оставшуюся жизнь. Вместо этого должно быть внедрено нечто совершенно иное: в качестве воспитателей мы должны исполнить наши души ощущением и сознанием того, как в ребенке господствует таинственная углубленность души и, значит, надо внести в детскую душу многое, что только может быть понято в более позднем возрасте, а не в детстве. И тогда во взрослой жизни человек извлекает это из своей памяти и говорит: это ты слышал тогда-то, это ты тогда-то воспринял; но только теперь ты набрался разума, чтобы это понять. И нет другого средства оздоровления жизни взрослых в будущем, кроме как дать им возможность в своей памяти многое извлечь из информации, из откровений своей детской жизни и только тогда их впервые понять.

И если люди научатся жить так, чтобы извлекать из памяти то, что было не понято когда-то, то это станет источником здоровой внутренней жизни. Тогда к людям не подступится то опустошение, которое охватывает души и гонит их в санатории, чтобы извне заполнить образовавшуюся пустоту, ибо воспитание не дало им возможности внести в свои души то, о чем они могли бы вспоминать впоследствии.

Это рассмотрение надо связать с чем-то другим. Наша современность благодаря тем обстоятельствам, о которых я говорил в последнее время, начисто утратила сознание связи человека со Вселенной, именно внутренней связи. Современный человек думает, что когда он ходит по земле или едет в поезде, то является каким-то куском из мяса и костей. Естественно, он так о себе не скажет, но истинное содержание его мыслей не сильно отличается от этого. Но это не так. Человек находится во внутренней связи со всей Вселенной. И не лишне разок об этом поразмыслить.

Посмотрите на Землю. Вокруг Земли вращается Луна; допустим, это орбита луны (пунктирный круг). Земля поистине не есть то абстрактное минеральное образование, о котором фантазирует наша современная минералогия, геология и физика. Она является вполне живым существом, и мы можем в связи с этим рассмотреть множество жизненных форм Земли. Но сейчас мы хотим выделить только одно — вокруг Земли постоянно проходят

определенные течения.

Эти течения идут вокруг Земли во всевозможных направлениях. Они эфирно-духовной природы и несут в себе реальный, субстанциальный деятельный фактор. Это постоянно присутствует в них.

Теперь хорошо будет рассмотреть, откуда берутся эти течения. Со временем мы рассмотрим эти вещи поближе, а сегодня я хотел бы предварительно сообщить некоторые подробности. Если вы углубитесь в мое «Тайноведение», то найдете там указание, что в очень давние времена Земля и Солнце составляли *единое* тело. То, что представляет собой Земля в наше время, только выделилось из Солнца. И эти потоки — реликты солнечной жизни, это еще остатки солнечной жизни в Земле. Так что Земля все еще пронизана солнечной жизнью.

Но и Луна также составляла с Землей *единое* тело. И то, что теперь в качестве Луны кружится вокруг Земли, также имеет в себе течения. И это опять-таки течения, которые являются реликтами более позднего времени, остатки эпохи старой Луны.

Итак, имеется два вида течений, которые мы обозначаем как солнечное течение и лунное. Они протекают совершенно отдельно друг от друга, и они присутствуют как живая действительность. Допустим, что какое-то существо определенным образом передвигается по Земле, и оно пронизано таким течением; солнечные течения могут легко проходить через такое существо. И допустим другое существо, устроенное иначе, устроенное так, что эти солнечные потоки могут проходить через него с одной стороны, а с другой — могут проходить лунные потоки.

Солнечное течение, поскольку оно не ограничено местом, пронизывает все насквозь, а значит, может проходить через это существо в определенном направлении. Итак, на земле может существовать такое существо, которое будет пронизано солнечным течением в одном направлении, а также может существовать такое существо, которое в одном направлении пронизано солнечным течением, а в другом — лунным.

Существа, которые могут быть пронизаны только солнечным течением, это животные. Представьте себе четвероногого зверя: он передвигается по земле таким образом, что его позвоночник практически параллелен земной поверхности. Зверь может постоянно пропускать

через свой позвоночник солнечное течение, которое теперь стало земным течением. Таким образом, такое существо родственно Земле.

У людей это устроено по-другому. В составе своего тела человека позицию, аналогичную положению животного, он имеет только в области головы. Если вы представите линию, идущую от затылка в направлении лба, это и будет тем направлением, в котором располагается позвоночник животного; и то же самое солнечное течение проходит через голову. А вот человеческий позвоночник освобожден от течений, идущих параллельно Земле, от земно-солнечных течений. И благодаря этому человек находится в таком положении (естественно, это сильно зависит от географической широты и других подобных факторов, поэтому-то люди так отличаются друг от друга), что при определенных условиях через него проходят лунные течения, но проходят они не через голову, а по позвоночнику. В этом заключается капитальная разница между животным и человеком. То, что из космоса проходит у животного через позвоночник, у человека проходит через голову; в отличие от современного животного, которое поначалу не имело органа восприятия старых лунных течений, у человека они проходят через позвоночник, и существует определенное сродство между человеческим позвоночником в его конструкции и лунным течением, что следует хотя бы вот из чего: человек имеет непосредственно столько позвонков, сколько дней в месяце — от 28 до 31 позвонка (почему это непосредственно так, к этому позднее мы еще вернемся). Все функционирование позвоночника, вообще вся жизнь человеческой груди стоит во внутренней связи с лунной жизнью. И за солнечной жизнью, которая протекает в суточной смене сна и бодрствования, сокрыта ритмическая лунная жизнь.

Все это представляет собой элементарное осмысление взаимосвязей человека и Вселенной. Ибо как течения, проходящие через человеческий позвоночник, связаны с лунной жизнью, так и другие течения, протекающие в человеке, связаны с другими планетами нашей солнечной системы. Все это в высшей степени реальные вещи. Но только современное научное мировоззрение совершенно отстранилось от них и даже не пытается их осмыслить. Поэтому оно утратило ощущение того, что самым главным для человека было бы прибавить ко внешней сознательной жизни жизнь подсознания, которая связана с жизнью его

груди и которая поднимается из таинственных душевных глубин; это особенно должно быть принято во внимание во времена, подобные надвигающимся на нас, причем это особенно важно в вопросах воспитания по той простой причине, что в противном случае перевес получают враждебные, ариманические силы. И было бы прискорбно, если бы человечество не обращало внимания на то, что именно внутренне углубленной духовной жизни (синяя линия на рисунке - смотри рис. на стр. 66) угрожает опасность подпасть ариманическим силам; то, что должно оставаться недостижимым для внешней науки, должно быть полностью поднято в сознание и углублено при помощи духовнонаучного познания.

Но это должно быть предусмотрено для совершенно конкретных областей жизни. Возьмем внешнюю науку — по какому пути она идет? Она все больше устремляется к абстракциям и на этом пути становится еще плодотворней. Естествознание необходимо людям для нужд внешней жизни, оно должно перейти в человеческую культуру. И особый ущерб будет нанесен в ближайшем будущем, если внешнюю естественнонаучную культуру в ее нынешнем виде станут применять в области воспитания. Уже в ближайшем будущем представится настоящим абсурдом преподавать детям материалы по природоведению и законам природы на базе абстракций современной науки. И наоборот, сделается очень важным (я могу приводить только всевозможные примеры), что войдет в обиход проникнутое симпатией описание жизни животных и их особых повадок: например, образное описание из жизни муравьев в муравейнике и т.д. Вы ведь знаете, что в таких работах, как «Жизнь животных» Брема*, положено для этого начало, но отсутствует дальнейшая разработка. А они должны быть все больше и больше разработаны — эти иносказательные повествования о случаях, которые разыгрываются в жизни животных. Полнокровные описания отдельных историй — вот что должно иметь место. Именно это мы должны преподавать детям вместо той устрашающей манеры, в какой детям преподносятся азы зоологии: надо рассказывать им об отдельных случаях со львами, лисами, муравьями, майскими жуками и т.д. Неважно, имело ли место это в отдельных подробностях, главное, чтобы присутствовала образность. А то, что в наше время преподается детям и представляет собой некий экстракт из нынешнего естествознания, должно делаться в более позднем возрасте, когда дети окрепнут на повествованиях, в

которых говорится об индивидуальном в жизни животных.

Особенно важно будет аналогичным образом осмысливать жизнь растений, уметь многое рассказать об отношениях между розой и васильком, об отношениях кустов и сорняков, вокруг кустов; проходя по лугу, уметь рассказать длинные истории о порхающих над цветами элементарных духах и т.п. И все это должно преподаваться детям в качестве ботаники. Также должно быть рассказано детям, как относятся определенные подземные кристаллы с зеленой окраской к бесцветным кристаллам, как кристаллы кубической формы относятся к тем, что выкристаллизовались в форме октаэдров. Вместо той абстрактной кристаллографии, которую в наше время преподают в очень раннем возрасте во вред ребенку, должно прийти иносказательное описание жизни кристаллов внутри земли. И человек только тогда сможет оплодотворить свои воззрения на происходящее во внутреннем Земли, если он воспримет описания внутреннего Земли, имеющиеся в наших книгах. Простого перечисления недостаточно — все дело в том, чтобы вызвать такие представления, подробно рассказывая о взаимной жизни алмазов и сапфиров и т.д. Обдумав сказанное, вы поймете, что я имею в виду.

Подобным образом задача состоит в том, чтобы вместо устрашающих абстракций, которые мы сегодня преподносим детям в качестве истории, вдохнуть жизнь в описание исторического становления человечества, пробудить интерес к тому, что переживал человеческий дух в ходе своего становления. Должны быть придуманы разговоры, которых на самом деле не было в чувственном мире, например, разговор между древним греком и человеком пятой постатлантической эпохи. Будет гораздо плодотворнее, если перед душой ребенка предстанут живые образы, а не исторические абстракции.

Вы видите, к чему я клоню. Все сводится к тому, чтобы наполнить душу ребенка действительно живым содержанием и благодаря этому проникнуть к тому подводному течению, которое оккультным образом, сокровенно протекает в его душе. И вы увидите, как человек в своей душевной жизни станет не таким засохшим, не таким нервным, когда в более поздние годы сможет извлечь из него такие повествования, выдержанные в духе мировых законов. Но к тому времени он уже успеет изучить природные законы и сможет найти созвучие между тем, что ему преподносилось в живых формах, и природными законами. Дух человека

только вянет, когда он воспринимает одни лишь абстрактные законы природы. Я хотел поделиться парой этих соображений, которые показывают, как должна быть оплодотворена суть воспитания.

Конечно, удобнее, когда в наше время человек становится посетителем разного рода объединений и постоянно твердит лозунг: воспитание должно сделаться индивидуализированным, — или какие-то другие абстрактные призывы. Естественно, это удобнее, чем стремиться к тому, чтобы люди, заинтересованные в педагогике, ознакомились с духом человеческого и природного становления, а также озаботились бы тем, чтобы собрать имагинативные повествования, дабы духовная жизнь была бы конкретно влита в формы, которые она примет в ближайшее время.

Для этого повсеместно, во всех областях необходимы импульсы со стороны духовной науки. Только она способна из деградирующих форм современной духовной жизни вызвать что-то новое, способное описанным образом пробуждать именно натуру ребенка. Без импульсов со стороны духовной жизни преподаватель становится сухарем, способным только засушивать детей. А самым худшим будет (и к этому идет все больше и больше), когда человек о школьном воспитании составит такое представление: лучше всего все, чему там учат, забыть как можно скорее. Когда в более позднем возрасте человек просто ничего не желает знать из воспринятого в детстве, то оно для него нисколько не радость, а настоящее мучение в человеческой жизни. Прошу вас это иметь в виду.

Сама наука также нуждается в импульсировании. Я вчера уже упоминал, насколько трудно построить мост между духовной наукой в целом и специализацией в научной жизни. И, тем не менее, именно это станет в будущем первой необходимостью. Вам должно стать ясным из множества обсуждений, которые здесь проходили, что нынешние социальные отношения — результат обеднения понятий.

В Базеле я говорил на публичной лекции и уже повторил здесь, что люди, считающие себя компетентными, верили в начале войны, что она продлится не больше четырех месяцев. Эти люди считали, что изучили социологию и хозяйственные структуры; на этой основе они и построили это представление. Но эти представления не были связаны с действительностью, ибо действительность их опровергла. Просто поразительно, как мало людей, способных чему-то научиться, опираясь на происходящее. И если кто-то,

базируясь на своих научных представлениях, верил во что-то подобное, то теперь он должен сказать: насколько же были недостаточными те предпосылки, которые привели меня к этим выводам! Так что надо действительно хотеть чему-то научиться. Ведь сон не прерывается, когда из тех же самых предпосылок делаются другие выводы, которые чуточку больше соответствуют реалиям опыта, но нет желания вникать во внутренние взаимосвязи. В общем, когда вникают во внутренние, жизненные взаимосвязи, то надо преодолеть то неудобство, которое в наше время труднее всего преодолевается и связано с научными вопросами. Эти люди хотели оставаться незатронутыми в своей узкой профессиональной сфере и не хотели проявлять интерес к смежным областям.

Специализация одно время была вполне плодотворной. Но если это продолжится и если наше студенчество будет и дальше предаваться той проистекающей из специализации односторонности, то те бедствия, которые являются результатом далеких от жизни понятий, будут постоянно возрастать. Во всех присутственных местах — в городе, в области, в государстве — мы будем иметь заседателей, которые не понимают, чего они хотят со своими законами и постановлениями, ибо их понятия будут слишком бедны, чтобы охватить реальность. Но люди не имеют ни малейшего представления о том, что эти понятия слишком бедны. А действительность как раз гораздо богаче этих понятий.

И потому прежде всего важно, чтобы не возникало желания отдавать специальные научные дисциплины в руки так называемых специалистов, а свои субъективные, эгоистические потребности удовлетворять при помощи антропософии. Дело сводится к тому, чтобы знать, как правильно увязать эти два полюса, дабы один мог действительно оплодотвориться другим.

Ведь постоянно сталкиваешься с тем (и вы сами можете проделать такой опыт, если правильно подойдете к этому предмету), что стоит заговорить о какой-то специальной отрасли науки в аудитории тех, кто честно считает себя приверженцами антропософии, как этот предмет покажется им поистине скучным! Хотят слышать только о центральных проблемах: о душе, о бессмертии, о Боге. Конечно, тем самым можно эгоистически удовлетворить насущные религиозные потребности, но невозможно оснастить душу тем, что настоятельно потребуется в ближайшее время: способностью сообразно реальности вписаться в реалии жизни. Поэтому мы

должны уделять повышенное внимание поиску действительной связи между проистекающими из духовнонаучных рассматриваемых познавательными импульсами и сферой специализации.

Я уже однажды указывал на очень важную работу нашего друга доктора Бооса*, посвященную общему трудовому договору. После того как эта книга сделалась доступной, мне хотелось бы еще раз обратить на нее ваше внимание, ибо эта книга является образцовой работой по наведению мостов между общепознавательными импульсами антропософии и узкоспециальной областью — областью права: это «Общий трудовой договор в швейцарском трудовом законодательстве» доктора Романа Бооса**. Но важно увидеть, что наш друг именно такое специальное исследование осмысливает не как нечто внеположное антропософии, а считающееся с ней, ибо как раз в ближайшее время все жизненное должно быть поставлено на службу антропософскому осмыслению. Вы обнаружите, если внимательно прочтете и проработаете эту книгу, что там непосредственным образом учитываются факты повседневной жизни, но делается это таким образом, что можно увидеть, как в этой повседневной жизни проявляются, прежде всего, всеобъемлющие, познавательные импульсы, которые соотносятся с общемировыми законами, а также с масштабными и историческими перспективами. И вы убедитесь в безграничной плодотворности для понимания социального в описанном там контрасте между римским правом и германской общественностью. Глубоко обоснованным образом в совершенно специальной области проявлены отношения между существом римлянина и германца. Именно на такой книге доктора Романа Бооса, именно на таком специальном труде можно показать, как важно пробиться к тому, что является значимым для ближайшего будущего с духовнонаучной точки зрения: проложить мосты между жизнью, которая развертывается перед нашими внешними чувствами и в которой мы закладываем наши социальные отношения, и той жизнью, которая вливается из духовного мира и одухотворяет и пронизывает формы нашей жизни.

Советую вам также не пропустить статью доктора Бооса в

последнем номере журнала «Знание и жизнь» — где речь идет об узловых моментах швейцарской политики*. И вы увидите, что вопросы современной политики могут рассматриваться с другой точки зрения, нежели это делает наша высокочтимая повседневная журналистика. Сознание взаимосвязи различных форм культуры, форм искусства и политических форм раскроется вам прекрасным образом в статье Романа Бооса «Узловые вопросы швейцарской политики» в номере «Знания и жизни» от 15 октября 1917 года**.

И после того как ознакомитесь с серьезной и выдержанной в духовнонаучном смысле статьей «Узловые вопросы швейцарской политики», вы можете просмотреть также первую статью этого номера — «Смысл Реформации» Адольфа Келлера***. Вот уж поистине образец старомодного стиля, который, конечно, мнит себя наиновейшим. Так что в этом номере вы можете найти рядом правомерно-современное и отрывку старого. Естественно, старье верит в свою особую образованность, в свою неотразимую логику и проницательное мышление. И при их помощи описывается смысл Реформации в высокопарных словах, которые являются только выхолощенными оболочками, бессодержательными абстракциями.

Когда читаешь «Смысл Реформации» Адольфа Келлера (а она недурна, ловко написана и относится к числу лучших современных работ в этой области), устаешь от мельтешения одних и тех же абстракций: Реформация породила в душах свободу инициативы; свобода инициативы вызвана Реформацией; когда началась Реформация, ожила свобода инициативы, — и так по примеру всех любителей абстракции он суетится все время вокруг да около, чтобы в результате породить парочку до слез убогих понятий, не имеющих ничего общего с миром реальности. Это вообще характерная особенность того, что должно быть преодолено: эта тяга к абстракциям, эта жизнь в обедненных представлениях, когда облизывают пальчики от удовольствия, ибо верят, что говорят что-то особенно возвышенное, тогда как на самом деле говорится что-то необычайно абстрактное.

На днях я получил одну статью, в которой говорилось о глубокомысленных теософских проблемах, но, собственно, содержанием этой статьи было некое «Нечто», и только об этом «Нечто» и была в ней речь: о «неулучшенном Нечто» и об «улучшенном Нечто», и о том, как улучшенное встречает неулучшенное и как «улучшенное Нечто» ставит себя выше

«неулучшенного Нечто». И далее сознательное и бессознательное «Нечто», улучшенное и неулучшенное «Нечто» — и все это крутится, крутится, крутится вокруг да около и, в конечном счете, есть не что иное, как — если перенести это в духовную область, — поразительный образчик обхождения с абстракциями в нашей современности, испытывающей особое пристрастие к тому, чтобы пребывать в этих абстракциях и быть оторванной от действительности, не иметь с ней никакого соприкосновения. И это ведет к весьма специфичным результатам: поскольку люди обеднили понятия, они не могут пробиться со своими понятиями через поток бытия. Их понятия недостаточны для постижения жизни. Доходит до того, что можно прочесть такие вещи, как, например, в статье Адольфа Келлера на странице 51: «И хотя в этом переживании открываются глубочайшие душевные шлюзы, это не просто всплеск эмоций в нас. При этом ничто из божественного и человеческого не перемешивается. Об этом заботится совесть. Она соблюдает дистанцию и почтение. Человек остается человеком, а Бог остается Богом. И если Реформация вместе с мистикой собиралась заменить отношение с Богом личным переживанием, то Реформацию от мистики отличает то, что реформаторское переживание протекает не так, как в мистике: в смятении и кипении душевных основ, — а в строгой необходимости и нравственном возвышении совести. Наибольшая сила внутреннего — это долженствование, это категорическое требование. И подняться до него можно только благодаря божественной, внутренне пережитой помощи». Чистейшие абстракции, переливание из пустого в порожнее. А затем идет: «Это — Евангелие, Иисус Христос».

Итак, в своих абстракциях этот господин дошел до того, что идентифицирует благовествование Иисуса Христа с Самим Иисусом Христом. Вот до чего доходит крайняя абстрактность. Но далее еще любопытно вот что: мистику он отклоняет. С его обедненными понятиями он говорит: Реформация не имеет ничего общего с мистикой — Реформация есть источник здоровой жизни. Как если бы мистика как раз не была таким здоровым переживанием. Но поскольку его понятия столь бедны, они не могут охватить действительность, не могут проникнуть в нее. Поэтому он говорит одно и то же о совершенно противоположных вещах. Обратите внимание: «Смятение и кипение» он не приемлет, это не пристало истинному приверженцу Реформации, ибо в

противном случае он был бы мистиком, имей он смятение и кипение.

Адольф Келлер продолжает: «Но эта помощь дается человеку не просто внешне, исторически или в священнодействии. Она может быть усилена благодаря внутренним личным устремлениям. Она действует не только снаружи, не только магически, но и в той степени, в какой в нас имеет место углубление чувств и воли, вызывающее душевное горение».

Итак, Реформация принципиально не нуждается ни в каком «смятении и кипении», но та же самая Реформация действует в душе только тогда, когда может воспламенить душу, иными словами, сделать душу смятенной и кипящей. Можно просмотреть всю статью на предмет духовной бедности, которая нигде не дорастает до реальности. Но такие вещи в наши дни читают с особым пафосом. Их находят весьма глубокомысленными. И не замечают, что через две-три строчки спотыкаются из-за самих понятий, ибо приходится разные вещи обозначать одним и тем же понятием по причине бедности понятий.

Так что вы можете, изучая с одной стороны прекрасную статью об «Узловых вопросах швейцарской политики» Романа Бооса (которого я вам очень рекомендую, ибо она вам покажет, как можно протянуть нити между политической жизнью и прочими формами культурной жизни и как можно действительно придать понятиям динамику, обогащая жизнь собственных понятий, — образец этого вы можете найти в обсуждении будущего на примере швейцарской политики), сравнить ее с пустой болтовней из первой статьи того же номера «Смысл Реформации» Адольфа Келлера. И таким образом, потратив ничтожную сумму денег, вы получите возможность непосредственно сопоставить новое и старое, что послужит хорошим назиданием.

Мне часто приходится обращаться к злободневным проблемам, так как антропософия существует не для того, чтобы витать в эмпиреях, а ее миссия в том, чтобы проложить дорогу таким размышлениям, которые действительно вводят в современность и ее устремления.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 26 октября 1917 г.

Событие, на которое я указывал в предыдущих лекциях, — низвержение определенных духов тьмы из духовного царства в царство людей осенью 1879 года, — это важное событие. Надо все снова углубляться в то, что, собственно, означает: в

духовных царствах имела место борьба, длившаяся десятилетия. Эта борьба, начавшаяся с сороковых годов, завершилась тем, что определенные духовные существа, которые действовали в духовном мире в течение этих десятилетий как бунтовщики, были побеждены и осенью 1879 года низвержены в сферу эволюции человека. Значит, они теперь живут среди нас, причем так, что посылают свои импульсы в наше мировосприятие, и не только в мыслительное мировосприятие, но и в наши чувства, в наши волевые импульсы, а также в наш темперамент. И люди не поймут наиважнейших событий современности и близкого будущего, пока не станут познавать чувственно-физический мир в его связи с духовным миром и не станут рассматривать это важное событие, как рассматривают природное явление. Люди привыкли в наше время считаться только с природными явлениями, явлениями на физическом плане в историческом становлении. Надо уметь считаться с духовными событиями, познаваемыми при помощи духовной науки, чтобы понять те события, которые принимают такой оборот, что и мы, люди, оказываемся втянуты в них.

Когда рассматривают это важное событие, можно прямо-таки изучать, как люди обманывают себя, когда в своем осмыслении мира исходят только из понятий, из дефиниций, то есть из определений, а не из непосредственного размышления о реальности. В наше время превалирует такое чувство, что надо исходить из понятий: что такое Ариман, что такое Люцифер, кем являются те или иные духи той или иной иерархии? Задают такие вопросы и, если удастся получить определение, то думают, что тем самым понимают что-то в деятельности этих существ. Я часто приводил яркий пример недостаточности определений, который был известен еще в Древней Греции. Естественно, определение, дававшееся человеку в одной из школ в Греции, не было образцовым, но формально оно соответствовало предмету: человек — это существо, которое передвигается на двух ногах и не имеет перьев. Но на следующий день один из учеников принес с собой ощипанную курицу: вот существо, которое передвигается на двух ногах и не имеет перьев. По вашему определению, сказал этот ученик, это должно быть человеком.

Существует великое множество расхожих определений, которые построены по этому образцу, и множество наших так называемых научных дефиниций примерно в той же мере соотносятся с действительностью. Но в антропософии мы не

должны исходить из такого рода определений. Наихудший род познания возникает тогда, когда исходят из понятий, из абстракций. Разумеется, духов тьмы можно определить как ариманически-люциферических существ, но тем самым достигается не слишком много. Это духи тьмы, которые, если уж требуется подобрать выражение, были в 1879 году низвержены с неба на землю. Но, располагая столь общим понятием о духах тьмы, мы ничего особого не приобрели для понимания сути этого явления. Ибо эти духи тьмы, которые теперь блуждают среди нас, того же самого рода, как те духи тьмы, которые в древние времена уже низвергались из духовного мира, то есть были сброшены с неба на землю, и которые тогда имели определенные задачи, причем вплоть до греко-латинской эпохи. Они имели эти задачи в ходе всего атлантического периода и до самой греко-латинской эпохи.

Мы хотим теперь попытаться, опираясь на приобретенные познания, уяснить себе, какую же задачу имели эти духи тьмы, тысячелетиями и столетиями, в ходе всего атлантического периода и вплоть до греко-латинской эпохи. Надо постоянно не упускать из виду, что мировой порядок может быть устойчивым только благодаря тому, что высшие духовные существа, управляющие нормальным развитием человечества, используют таких духов, как бы ставя их на правильное место, чтобы их действия были правомерны. Мы ведь часто подчеркивали, что внедрение так называемого люциферического искушения в древние времена имело для человеческого развития огромное значение. Первоначально люциферическое искушение исходило в целом из определенного устремления Люцифера. И в противовес этому устремлению Люцифера (а позднее, начиная с атлантического периода, к Люциферу примкнул Ариман) возникло другое устремление, исходившее от добрых духов — назовем их так, — от духов света. В сущности, в те древние времена и духи тьмы желали на свой лад человеку только лучшее, они хотели подвигнуть человека к абсолютной свободе, до какой человек в те времена еще не созрел. Они хотели снабдить человека теми импульсами, благодаря которым каждый человек мог индивидуально опираться на самого себя. Но этого не могло произойти, потому что человечество для этого еще не созрело.

Со стороны духов света должно было быть явлено противодействие, и оно состояло в том, что человек из духовных высей был перемещен на землю, что символически описывается как изгнание из рая. В действительности это

выдворение человека с неба на землю являлось включением его в поток наследственных или наследуемых качеств. Люцифер и ариманические силы хотели, чтобы человек как индивидуальность зависел только от себя самого. Благодаря этому человек в незрелом состоянии пришел бы к ускоренному одухотворению. А этого не должно было быть. Человек должен был пройти земную школу, должен был быть образован силами земли. И это произошло благодаря тому, что человек был погружен в поток наследственности, так что один физически происходил от другого. Человек больше не зависит от себя самого, а наследует определенные качества от своих предков. Тем самым он отягощен земными качествами, от которых Люцифер хотел его уберечь. Все, что заложено в физической линии наследственности, было привито духами света в противовес люциферическому течению. Человеку был как бы придан вес, который привязывал его к земному бытию. Так что ко всему, что связано с наследственностью, с зачатием, с размножением, с земной любовью, мы должны считать причастным то духовное существо, чье водительство обозначается как Яхве или Иегова. Если мы вслед за этим обратимся к древним религиям, то по тем же причинам мы повсеместно обнаружим символы зачатия, символы земной наследственности. И как в законодательстве иудаизма, которое призвано было подготовить почву для христианства, так и в других, языческих религиях можно повсюду заметить, что придается огромная ценность регулированию, контролю на земном уровне того, что заключено в законе наследственности. Люди должны были научиться совместной жизни в племенах, в народах, в расах. И кровное родство должно было придать колорит земному распорядку.

Оно подготавливалось во время атлантического периода, а затем в главном повторило себя благодаря тем мерам, которые предпринимались в третьей, египетско-халдейской, и в четвертой, греко-латинской эпохе. Именно в эти эпохи должно было произойти повторение лемурийского и атлантического периодов, и во всем человеческом распорядке принимались во внимание расы, народы, племенные взаимосвязи — короче говоря, те наследственные качества, которые основываются на кровных взаимосвязях. Жрецы мистерий, от которых в основном и исходил весь порядок (в наше время мы бы сказали: государственный порядок), проводили всесторонние наблюдения за нравами, наклонностями, привычками людей, чтобы они

вырабатывались на основе кровного родства, на основе народной и племенной взаимопринадлежности. В этом направлении они создавали свое законодательство. Невозможно понять происходившее из мистерий третьей и четвертой постатлантических эпох, не основываясь на тщательном изучении тех расовых, народных и племенных взаимосвязей, которые инициировались жрецами мистерий и которые законодательно устанавливались для отдельных областей земли. И для этих отдельных областей основным приоритетом было не что иное, как приведение в порядок кровных связей.

В те времена, когда таким образом духи света формировали человеческие взаимосвязи на основе кровного родства, низвергнутые вместе с людьми с неба на землю духи тьмы боролись против всего, связанного с кровными узами. И все, что в описанные эпохи проявлялось как бунтарское выступление против порядка, основанного на кровном родстве, все, что имелось в те времена в качестве такого рода учений, которые, естественно, создавались людьми, но инспирировались духами тьмы, все, что исходило из этих бунтарских учений и было направлено против наследственности, против племенных и расовых взаимосвязей, что боролось за индивидуальную свободу, что хотело законодательно защитить индивидуальную свободу человека, — все это исходило именно от низвергнутых духов. Эта эпоха продолжалась вплоть до XV столетия. Отзвуки ее, естественно, присутствовали постоянно, ибо установленный порядок не прекращается сразу, даже когда в развитии наступает резкий перелом. Но именно вплоть до XV столетия мы повсеместно встречаем учения, противящиеся чисто натуральным родственным связям, семейным связям, народной принадлежности.

Таким образом, мы видим два течения: одно, которое, если можно так выразиться, протежирует кровные связи, — течение света; а с другой стороны — течение тьмы, которое протежирует то, что хочет вырваться из кровных связей, что хочет человека освободить от семейных и наследственных уз. Конечно, все не прекращается сразу, так же как в природе ничего сразу не прекращается. Так и в 1413 году — переломном году, на который приходится переход от четвертой к пятой постатлантической эпохе, — не все сразу прекратилось. И мы видим вплоть до нашего времени отзвуки этих двух течений. Ибо начиная с XIX века, начиная с того важного события, которое я вам описывал, мы наблюдаем

приход чего-то совершенно иного (я ведь на это уже указывал): приход ангелоподобных существ, существ из иерархии Ангелов, которые действуют среди нас начиная с 1879 года, последышей древних духов тьмы, родственных им, единокровных с ними, но низверженных с небес на землю впервые только в результате события 1879 года. До того времени они осуществляли свои задачи в горнем мире, тогда как родственные им духи, участвовавшие в том, что я уже охарактеризовал, начиная с лемурийского и атлантического периодов, уже пребывали среди людей.

Если мы проведем линию раздела между духовным и физическим царствами (на доске делается рисунок), а линию духов света схематически обозначим маленькими кружочками наверху (напротив буквы Д), то получим отрезок от 747 года (до Мистерии Голгофы) до 1413 года. Далее идет отрезок с 1413 до 1879 года; нас особенно интересует его правая часть (масштаб не имеет значения). Это время власти духов тьмы (синие кружочки наверху); они сродни нижним, но присутствуют и наверху.

В 1841 году началась та масштабная борьба, которую я вам описывал. И эти духи, которые родственны первым, были низвержены, присоединились к пребывавшим внизу и теперь находятся среди прочих. Но сила древних бунтовщиков, то есть сила разраставшегося течения духов тьмы, имевших свои задачи в халдейско-египетскую и греко-латинскую эпохи, после того как они исполнили свои задачи в атлантическом и лемурийском периодах, — эта сила постепенно была исчерпана; и тогда стали действовать силы именно тех духов, которые были низвержены только в 1879 году. И поскольку их братья в некотором роде исчерпали свою мощь, начали действовать эти духи. Так что начиная с последней трети XIX века мы уже имеем дело с радикальным поворотом во всех отношениях. Правомерные духи света достаточно потрудились для укрепления кровных связей, племенных и расовых связей, ибо в развитии все имеет свое определенное время. И то, что было учреждено в человечестве благодаря кровным связям, заняло правомерное место во всеобщем мировом порядке. Так что начиная с новейшего времени духи света изменились, причем так, что теперь именно они инспирируют людей в направлении свободных идей, свободных ощущений и импульсов свободы вообще, и теперь они являются теми, кто желает, чтобы люди базировались на почве собственной индивидуальности. А духи, родственные древним духам тьмы,

все больше получают теперь задачу действовать через кровные связи.

То, что было добром в древние времена или, лучше сказать, наличествовало в сфере добрых духов света, начиная с последней трети XIX века передается духам тьмы. С этого времени, древние импульсы, которые основывались на расовых, племенных и народных взаимосвязях, то есть на кровных связях, переходят под управление духов тьмы, и поэтому с этого времени духи тьмы, которые прежде были борцами за свободу, начинают прививать людям порядки племенной сопринадлежности, порядки кровных уз.

Вы видите, что невозможно дать однозначное определение. Так как если давать определение духам тьмы по их задачам в древние времена, то приходят как раз к противоположному той задаче, которую имеют эти духи тьмы в новейшее время, начиная с последней трети XIX столетия. В древние времена духи тьмы имели своей задачей противодействовать наследственным признакам человека; начиная с последней трети XIX столетия они отстают и хотят отстать, хотят все снова указывать людям на их племенные, кровные и наследственные взаимосвязи.

Все это просто констатация истины, но такой истины, которая современным людям кажется в высшей степени неудобной, ибо они не хотят и слышать о ней по причине того, что в течение тысячелетий им прививались навыки кровных связей. И это привычное удобство подчиняет их водительству духов тьмы. Так что мы видим, как именно в XIX веке начинается акцентирование племенных, народных и расовых взаимосвязей, причем об этом говорится в идеалистических тонах, тогда как истина состоит в том, что начались явления деградации человека и человечества. Ибо, тогда как все, что некогда строилось на приоритете кровного начала, являлось прогрессивным, когда оно подлежало правлению духов света, теперь, во время правления духов тьмы оно является только симптомом вырождения. Напор духов тьмы станет возрастать: как встарь они трудились насаждать в людях бунтовщический дух свободы, а механизмы наследственности находились под патронатом духов прогресса, так в грядущие три эпохи развития человечества — вплоть до великой Катастрофы — они с предельной силой станут культивировать вместо признаков наследственности — признаки вырождения, проистекающие из консервирования старых наследственных качеств.

Это опять-таки момент, вызывающий к нашему

бодрствованию. И невозможно понять современную ситуацию, если не знать об изменении функций, которое произошло в последней трети XIX столетия. Еще в XIV веке говорили о расовом идеале, о национальном идеале, опираясь на прогрессивные свойства человеческого развития; а тот, кто в наше время говорит об идеале расы, нации и племенной принадлежности, тот говорит об импульсах вырождения человечества. И если при этом верят в так называемые прогрессивные идеалы, то это просто неправда. Ибо ничто в такой мере не ведет к деградации, как насаждение расовых, народных и кровных идеалов. Нет более сильного тормоза для реального прогресса человечества, как дать волю идущим из прошлых столетий и сохраненным люциферическо-ариманическими силами декламациям о народных идеалах, тогда как истинным идеалом должно стать то, что может быть обретено исходя из духовного мира, а не из кровных связей. Христос, который должен явиться в ходе XX столетия, причем в особой форме, не будет ничего знать о так называемых идеалах, про которые в наше время так много разглагольствуют. Ибо так же, как существо из иерархии Архангелов, которое мы называем Михаилом, было как бы наместником Яхве в прежние времена, так благодаря тем полномочиям, которые оно получило в 1879 году, теперь станет выразителем Христа, импульса Христа, с тем, чтобы вместо чисто природных кровных связей сотворить среди людей связи духовные. Ведь только через духовные взаимосвязи в процесс деградации, который происходит вполне закономерно, будет внесено нечто прогрессивное. Подобно тому, как человек, достигший определенного возраста, не может больше оставаться ребенком, а должен телесно вступить в нисходящее развитие, так и все человечество вступает в нисходящее развитие. Четвертый период эволюции уже остался позади, теперь мы находимся в пятом; шестой и седьмой периоды вместе с пятым составят старость современного мирового развития. Верить, что старые идеалы могут существовать и дальше, — это так же разумно, как верить, что человек должен всю жизнь учить азбуку, потому что в детстве как раз этому учатся. Ровно так же разумно в будущем вести разговоры о том, что на земле должны быть выстроены социальные структуры на базе кровных взаимосвязей народа. Это настоящий вильсонизм, он же одновременно и ариманизм, то есть дух тьмы. Конечно, неловко признавать такую истину; сегодня удобнее поддерживать ту фразеологию, которая раздается по всему

миру. Но динамика действительности направляется не фразами, а истинными импульсами. И в смысле истины невозможно навязать действительности то, что непригодно для пятого, шестого и седьмого периодов, хотя в наши дни ради удобства людей еще возможны пропагандистские формы и вильсонианские мировые программы.

Сегодня еще хватает людей, не желающих независимо от каких-либо кровных связей воспринять такие всеобщие человеческие истины. А всеобщими человеческими истинами они являются потому, что пришли не от земли, а восприняты из духовных миров. Пугающе выглядит реакция почти всего мира, избегающего человеческого прогресса, когда облачают в лозунги об освобождении народов то, что направлено против течения человеческого развития. Такова всегда судьба мистериальных истин, которые не считаются с удобствами, а вопреки течению движутся в сторону эволюции. И скоро обнаружится, существует ли хотя бы маленький круг людей, который, независимо от всех предрассудков кровного родства, способен провидеть ничтожность фразеологии, заполонившей сегодня всю планету: ведь она только симптом пребывания на поверхности того, чем духовно является событие ноября 1879 года.

События современности предвидели посвященные всех народов. Они предвидели, предсказывали и указывали на то, как из кровных связей людей возникнет совершенно реакционное миропонимание, ибо будет господствовать вера, что это совершенно реакционное миропонимание является самым передовым. Надо уметь наблюдать такого рода вещи и в большом и в малом, надо не оказаться оглушенным тем пустословием, которое раздается повсеместно. Нужно хоть немного читать знаки времени. Конечно, можно избрать и другой путь, можно остаться при старых предрассудках, связанных с кровными узами: тогда исключают себя из прогрессивного течения. Оно уже грядет. И в отношении него достаточно простого бодрствования, и поток понесет вас вперед. Ибо прогрессивное происходит само по себе.

Надо чувствовать, где жизненный поток восходит, а где нисходит. И не надо поддаваться глупому предубеждению, что нужно избегать восходящего потока и говорить: я не хочу иметь ничего общего с Люцифером, я не хочу иметь ничего общего с Ариманом. Я уже часто порицал в наших рассматриваниях это глупое предубеждение, ибо ясно, что необходимо считаться с этими духами, стоящими на службе

мирового порядка. Если не считаться с ними, вести себя так, что они остаются за пределами сознания, это придаст им больше силы. Но о том, что вступает в человечество, можно только тогда судить правильно, когда смотрят с возвышенной точки зрения на восходящие и нисходящие импульсы жизни. Надо только воздерживаться от симпатий и антипатий.

В области естествознания новейшего времени возникли два течения: одно я обозначил как гётеанизм, а другое — как дарвинизм. Возьмите мои первые книги: вы увидите, что я никогда не отрицал глубокого значения дарвинизма. Недалекие люди сразу нашли, когда я писал в защиту дарвинизма, что я сам подпал под действие материализма. Дело ведь в том, что эти вещи связаны не с убеждениями, а происходят из совершенно других оснований; и те, кто делает такие утверждения, лучше всех сами знают, что это неправда. Но если вы действительно вникнете в мои книги, то увидите, что я всегда оправдывал дарвинизм, но оправдывал тем, что противопоставлял ему гётеанизм, учение о развитии жизни. То, что называется теорией эволюции, с одной стороны, в смысле дарвинизма, а с другой — в смысле гётеанизма, я пытался постоянно связывать друг с другом. Почему? Да потому, что гётеанизм содержит в себе восходящее начало, высвобождение органического развития из чисто физического бытия.

Я часто указывал на разговор между Гёте и Шиллером*, когда Шиллер сказал, глядя на рисунок гётевского прарастения: это вовсе не эмпирия, это не опыт, это просто идея. Тогда Гёте сказал: значит, я вижу мои идеи своими глазами! Ибо он во всем видел духовное. У Гёте мы имеем такое эволюционное учение, которое несет в себе зародыш восхождения к высшим сферам, которое может быть применено к душе и к духу. И тогда как Гёте только заложил основы теории органического развития в своем учении о метаморфозе, мы имеем учение об эволюции духа, к которому должно прийти человечество в эту пятую постатлантическую эпоху, ибо человек сделался более внутренним, как я уже представлял вам в этих рассуждениях. За гётеанизмом стоит большое будущее, ибо вся антропософия проходит в его русле. Дарвинизм рассматривает физическое развитие с физической же стороны: внешние импульсы, борьба за существование, естественный отбор и так далее, и тем самым описывает деградирующее развитие: все то, что можно узнать об органической жизни, если предаться тем импульсам, которые

были столь значительными в прошедшие времена. Если хотят понять Дарвина, надо только суммировать все те законы, которые уже были открыты раньше. Если хотят понять Гёте, надо дорасти до все новых и вечно новых закономерностей бытия. Необходимо и то, и другое. Ошибка состоит не в том, что предаются дарвинизму или гетеанизму, а в том, что выбирают тот или другой, не связывая их друг с другом. В этом-то все дело.

Становиться с возрастом все моложе и моложе, если душа хорошо развита, — это станет в будущем возможно только в том случае, когда человек воспримет в себя духовные импульсы. Если он воспримет духовные импульсы, то может иметь седые волосы, и морщины, и всевозможные недуги, но будет становиться все моложе и моложе, ибо его душа восприняла те импульсы обновления, которые он пронесит через врата смерти. Но если человек отождествляется только со своим телом, то он не может делаться моложе. Тогда он переживает в своей душе то, что происходит с телом. Конечно, невозможно избежать седых волос, но можно обновиться душой в источнике духовной жизни, даже имея седую голову. И развитие человечества в пятом, шестом и седьмом периодах пойдет в смысле (простите мне это причудливое выражение) беззубой дарвиновской теории. Но люди должны освободиться от нее, чтобы суметь пройти через ту катастрофу, которую можно сравнить со смертью Земли, — катастрофу, предстоящую в будущем, — и должны извлечь силы юности из учения о метаморфозе, духовного, спиритуального эволюционного учения, заложенного в гётеанизме. Оно должно быть пронесено через будущую катастрофу, как помолодевшая душа отдельного человека проходит через врата смерти.

Поскольку, если можно так выразиться, человек спустился с неба на землю, причем с полученным от духов тьмы запасом свободных сил на времена, когда господствовал закон наследственности, закон народности, расовое начало, — благодаря этому человек получил возможность связать себя с землей. Деяние Люцифера и Аримана было обращено во благо, поскольку человек с его помощью обрел возможность связать себя с землей. Если сделать схематический набросок, то можно сказать: до люциферического деяния человек был связан со всем космосом, включая Землю (см. рисунок, фиолетовый); он связал себя с Землей (желтый) благодаря тому, что ему были привиты наследственные качества, как их называет

современная наука, или первородный грех, говоря словами Библии. Благодаря этому человек, которого я здесь, на рисунке, обозначаю крестиками, сделался составной частью Земли. Вы видите, Люцифер и Ариман — слуги прогрессивных сил. Но развитие продолжается дальше. Мы живем в такое время, когда человек, живущий на земле, связан с нею. Люциферическо-ариманические духи, духи тьмы, низвержены с неба на землю. По этой причине человек должен быть снова освобожден от земли, оторван от нее так, чтобы одной частью своего существа снова вернуться в духовный мир. В человечестве должно появиться сознание того, что мы не от мира сего, не от земли, и это сознание должно все больше крепнуть. В будущем человек земли будет говорить себе: конечно, с моего рождения я погружаюсь в физическое тело, но это только переходный период. Я, собственно, остаюсь в духовном мире, я знаю, что я связан с землей только частью моего существа, что я всем своим существом не полностью вышел из того мира, где пребываю между смертью и новым рождением. Чувство этой принадлежности к духовному миру должно развиваться в человеке.

В предыдущие столетия это ложно интерпретировалось, когда не желали знать физической жизни и предавались ложной аскезе, веря, что при помощи всяческого умерщвления плоти могут прийти к этому. Но должно быть постигнуто, что не таким ложным аскетизмом, а связью с духовным, субстанциально-сущностным подтверждается: в действительности человек не просто земное существо, а существо, принадлежащее всему космосу. Физическая наука дает тому только предварительную подготовку. Представьте себе, в какой степени вплоть до XIV столетия, то есть до завершения греко-латинской эпохи, человек зависел от почвы, из которой он как бы произрастал, с какой силой человек развивал в себе связь с этой почвой. Это было прекрасно, но не должно являться чем-то решающим. Да, сознание души должно быть оторвано от земли, как физическая наука только на физическом уровне, в учении Коперника, оторвала человека от земли. Земля предстала маленьким телом в мировом пространстве; но прежде всего она стала чисто пространственной. Уже благодаря Копернику человек как бы перенесен в космические сферы, хотя и совершенно абстрактным образом. И это должно развиваться дальше. Но это не надо ложным образом переносить на физическую жизнь. Физическое идет своим путем. Возьмем,

например, Америку, но не в смысле того населения, которое «произрастало» на ее почве столетиями. Вы знаете, что в новейшее время ее заселило новое население, состоящее целиком из европейцев. Если более пристально понаблюдать это население, то обнаружится, что там телесная жизнь не свободна от физической привязанности к почве земли: американец, то есть, собственно, европеец, перемещенный в Америку (хотя это сегодня еще не очень проявилось, но так оно и есть), постепенно приобретает качества, напоминающие старых индейцев: руки становятся длиннее, чем у европейцев, и все это только благодаря тому, что человек перемещен в Америку. Физический человек приспособляется к почве. Это заходит так далеко, что заметна осязаемая разница в физическом строении между западным и восточным американцем. Это и значит: приспособляться к почве. В Америке европеец внешним, физическим образом «индеанизируется». И если душа сопутствует физическому процессу, как это имело место в прежние времена, то теперь, но только уже в фазе европейского развития, произойдет воскрешение индейской культуры. Это звучит парадоксально, но так оно и есть.

Человечество в будущем не сможет быть привязанным к тому, что связывает его с почвой; душа должна стать свободной. И тогда человек сможет по всей земле принимать качества своей территории, тогда тело европейца, переселяющегося в Америку, может «индеанизироваться», но в своей душе человек отрывается от физически-земного и становится гражданином духовных миров. В духовных же мирах не существует никаких рас и национальностей, а имеются совершенно другие взаимосвязи.

Вот что надо понять в связи с теми огромными, потрясающими событиями, что сегодня происходят на Земле, если не хотят, прошу прощения за выражение, быть баранами, которым устарелые предрассудки выдают за новые идеалы.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ Дорнах, 27 октября 1917 г.

Мы хотим периодически продолжать начатые рассуждения и с их помощью как бы заложить основу для суждения о важных событиях, которые сейчас проходят перед нашим взором, в которые мы сами втянуты и которые гораздо важнее, чем это многим представляется. Я пытался пояснить, как подоснова этих событий связана с решающими процессами в духовном мире. Я указывал на то, что начиная с сороковых годов и заканчивая осенью 1879 года шла важная, решающая борьба в духовных областях мира, — та борьба, которая повторяется в эволюции мира и человечества и которую обычно представляют в образе Михаила, или Святого Георгия, борющегося с драконом. Одну такую победу над драконом в духовных мирах Михаил выиграл в 1879 году. Противостоящие импульсам Михаила духи тьмы были тогда низвергнуты из духовных царств в царство людей и с тех пор, как было сказано, правят в ощущениях, воле и характере людей. Так что события современности понимают только тогда, когда устремляют свой душевный взор на эти странствующие среди нас духовные силы.

Перед нами, естественно, встает вопрос: в чем заключалась, прежде всего, та борьба, что происходила в духовных областях с сороковых до семидесятых годов, и в чем заключалась борьба или, можно спросить, в чем состоит деятельность низвергнутых духовных существ тьмы среди человечества начиная с ноября 1879 года?

То, что лежало в основе этой важной борьбы, происшедшей за кулисами всемирной истории, можно резюмировать только в обстоятельном и развернутом описании. Мы хотим сегодня сначала обратить внимание на то, как эта борьба в духовных регионах отражается в земных, человеческих регионах. Я часто указывал на то, что начало сороковых годов XIX века является решающим поворотным пунктом в развитии современной культуры, что тогда был как бы решающий поворотный момент, который принес с собой всю полноту импульса материалистического развития. И чтобы это материалистическое развитие могло произойти, необходимы были кардинальные процессы в духовном мире, которые затем продолжились на земле и обусловили внедрение материалистического импульса человечества. Углубляясь в земное отражение духовных процессов, необходимо прежде всего выделить двоякое: первое — насколько в большей мере, чем это представляет себе

современный человек (ибо только будущий исследователь придет к ясности в этом вопросе), в сороковые, пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы имел место неслыханный всплеск чисто материалистического рассудка, какой размах имела чисто материальная, рассудочная культура. Можно даже сказать: кто исследует развитие человечества и прозревает интимные процессы человеческой жизни, может заметить, что по части утонченности построения понятий, по части остроумия или, например, по части критики никогда человечество не испытывало такого подъема, как в эти десятилетия, когда люди были приверженцами материализма. Ибо вся работа мысли, которую я охарактеризовал и которая проявлялась в технических открытиях, в критицизме, в построении хитроумных понятий, — все это есть мозговое мышление*, то есть, мышление, связанное с мозгом. Когда материалист описывает развитие человечества, он может с чистой совестью сказать: никогда человечество не было таким разумным, как в эти десятилетия. И оно действительно было разумным. Если вы просмотрите литературу (я в данном случае имею в виду не просто так называемую научно-популярную литературу), то быстро обнаружите, что никогда во всем развитии человечества не встречались столь изысканно выработанные понятия, столь пронизательное мышление, как в то время, причем, это проявлялось во всевозможных областях. Но то, что в человеческой душе развивалось, это только отражение того, к чему с надеждой на победу устремлялись в духовных регионах в сороковые, пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы определенные духи тьмы, на которых мы указывали.

Они стремились заполучить в свои руки прадревнее сокровище человечества, если позволите воспользоваться таким выражением. В чем же заключалось это прадревнее сокровище? Мы вчера уже на это указывали: тысячелетиями прогрессивные духи света так вели человечество, что в качестве орудия своего руководства использовали кровные связи, объединявшие людей в семейства, племена, нации, расы, так что просвечивала правдревняя карма человечества и мира. И люди, когда они ощущали кровные связи, получали отзвуки древних, прадревних мировых задач, которые воспринимались таким образом, что то, что могла дать земля (кровные связи ведь происходили от земли), могло быть вплетено во всеобщую карму человечества. Если обратить свой взгляд на тридцатые, двадцатые годы XIX столетия,

когда души, готовившиеся спуститься в человеческие тела, еще пребывали в духовном мире, если направить свой взгляд на духовный мир времен, предшествовавших материалистической эпохе, то обнаружится, что эти души несли в себе определенные импульсы, которые в числе прочего тысячелетиями — столько раз, сколько они воплощались на земле, — благодаря кровным узам были связаны с определенными семьями, с определенными племенами, с определенными народами и определенными расами. Руководствуясь этим, указанные души решали начиная с сороковых годов воплотиться в том или ином теле. Ибо, естественно, соответствующие духи света руководили ими, посылая свои импульсы в души людей, дабы прогресс человеческого развития достигался по старинке через кровные связи. Таким образом, в человеческих душах, пребывавших в духовных мирах, имелись определенные импульсы; руководствуясь так или иначе древней кармой человечества, они погружались в тела тех людей, которые должны были жить на земле во второй половине XIX века и в начале XX века. Итак, определенные духи света собирались управлять этими душами по старинке.

И все это духи тьмы, о которых я говорил, хотели заполучить в свои руки. Они хотели изгнать из человеческих душ импульсы духов света, а взамен внести собственные импульсы. Одержав в 1879 году духи тьмы победу, возникла бы совершенно другая взаимосвязь меж человеческими телами и человеческими душами, по сравнению с той, что была у душ, воплощавшихся после 1879 года. Другие души заполняли бы другие тела, и вся структура земного распорядка в человечестве строилась бы в соответствии с идеалом духов тьмы. Но этого не произошло. И этим мы обязаны победе Михаила над драконом осенью 1879 года.

Эта борьба отражалась в сороковые — семидесятые годы на Земле в том, что было описано мной, как особо выраженное остроумие, критицизм и т.д. Я часто указывал: при помощи чистых спекуляций невозможно проникнуть за кулисы вещей — для этого нужно действительное духовное наблюдение. При помощи спекуляций невозможно убедиться, что те качества, которые я упоминал в связи с мозговой рассудочностью, являются здесь, на Земле, отображением некоей борьбы в духовных мирах, связанной с вопросами размножения, с вопросами последовательности поколений. Такие вещи познаются только при помощи наблюдения. Сильно заблуждается тот, кто думает, что можно при помощи

одного мозгового рассудка раскрыть истинные взаимосвязи между физическим и духовным мирами. Как правило, приходят к совершенно ложным выводам, когда чисто схематически, опираясь на внешние логические правила, проводят исследования по научному образцу. Такое пригодно только для физического мира, но не для взаимосвязей физического мира с духовным. Таким образом, это было отражением названной борьбы, связанной с проблемами кровных связей.

Другим отражением — я уже часто на это указывал — являлось возникновение спиритизма в сороковые годы и его дальнейшее становление. Определенные круги, причем не столь уж узкие, попытались в это время исследовать взаимосвязь с духовным миром при помощи медиумизма, то есть, в сущности, материальным путем. Если бы это удалось, то воинство духов тьмы достаточно бы окрепло, чтобы в 1879 году одержать победу над приверженцами Михаила, и тогда спиритизм получил бы неслыханное распространение. Ибо спиритизм не может инспирироваться только со стороны Земли, свою влияние он получает из другого мира, им как бы дирижируют из другого мира. Надо отдавать себе полный отчет, что дело идет не о той альтернативе, которая так удобна современному человеку, говорящему: либо мы признаем что-то, либо же отвергаем это. Все обстоит не так просто, все обстоит совершенно иначе. Все то, что разыгрывалось на почве спиритизма, было отчасти важной манифестацией духовного мира, целиком происходило из импульсов духовного мира и подчас сильно отражалось на человеческих судьбах; но это было отображением той борьбы, которая была проиграна именно в духовных регионах. Вот причина своеобразного отступления и коррумпированности спиритизма после упомянутой даты. Он стал бы средством указания на духовный мир, причем это было бы единственным средством, если бы духи тьмы одержали победу в 1879 году. Окажись эта борьба выигранной ими, мы сегодня жили бы в мире просто неслыханной остроты ума, которая простиралась бы на самые разные области человеческой жизни. Биржевые спекуляции и подобные им вещи, которые сегодня подчас проделываются поистине глупо, стали бы проводиться с неслыханной остротой ума. Это с одной стороны. А с другой — в широких кругах стали бы искать удовлетворения своих духовных потребностей на путях медиумизма. Итак, материальная рассудочность с одной стороны, а с другой — то пониженное сознание,

дающее возможность вступить в отношение к духовному миру, — таково было намерение духов тьмы. И прежде всего эти духи тьмы хотели предотвратить одно: то, что должно было постепенно возникнуть после их падения в 1879 году, — действительный прорыв духовного переживания, духовного опыта в душе человека.

Такие духовные переживания, ценные для антропософски ориентированной духовной науки, были бы невозможны, одержи названные духи тьмы свою победу. Тогда эта духовная жизнь и духовное творчество были бы ограждены от духов тьмы там, наверху, в духовных регионах. Только по причине низвержения упомянутых духов стало возможным то, что вместо чисто критиканской, материальной рассудочности и медиумических технологий открылась возможность непосредственного духовного опыта, и эта возможность будет все больше возрастать. Не зря я здесь в последнее время говорил: в гораздо большей степени, чем принято думать, люди в наше время зависят от духовных влияний. И какой бы материалистической ни была наша эпоха (а это еще не предел), тем не менее, гораздо чаще, чем принято думать, духовные миры открываются людям. И хотя эти откровения сегодня случаются не всегда в благодетельном смысле, но можно повсеместно обнаружить следы духовных влияний. И многое, что делается людьми, которые в наше время испытывают в отношении спиритуальных влияний как бы чувство стыда (они стыдятся говорить другим о духовных влияниях), делается потому, что, например, человек во сне имел то или иное видение, которое и является настоящим духовным влиянием. Вы можете, к примеру, спросить сегодня какого-нибудь поэта: почему он стал поэтом? Исходным переживанием, о котором он вам расскажет, может быть такое: он как бы во сне пережил нечто спиритуальное, и это сновидческое переживание явилось, собственно, импульсом к его творчеству. Или основатели журналов — вы можете их спросить, почему был основан их журнал (я рассказываю вам только факты), и окажется, что это основание журнала восходит к некоему сновидению, так называемому сновидению, которое есть не что иное, как перенос определенного спиритуального импульса из духовных миров в мир чувственный. И в других областях имеется множество такого (гораздо больше, чем принято думать), о чем люди сегодня не говорят, так как каждый думает: расскажи я кому-нибудь, что я делаю то или другое потому, что мне во сне явился дух, то меня назовут

легковером. Естественно, это неприемлемо. Вот почему так мало известно о том, что, собственно, происходит сегодня среди людей. А то, что спорадически происходит то тут, то там, это, можно сказать, только первые вестники того, что будет происходить в дальнейшем: духовное охватит людей, ибо это результат победы Михаила над драконом в 1879 году. И то, что стала возможной духовная наука, тоже восходит к этим обстоятельствам. Иначе бы соответствующие истины продолжали пребывать в духовных мирах и не смогли бы обитать в головах людей. Для физического мира их как бы не было.

Эти картины могут вам прояснить, какие намерения имели духи тьмы в сороковые-семидесятые годы в духовных регионах в их борьбе, которую вели против приверженцев Михаила. А с осени 1879 года они находятся внизу — среди людей. Им не удалось заполучить ничего из того, к чему они стремились: спиритизм не стал всеобщим убеждением человечества; люди не стали, если принять материалистическую точку зрения, настолько смышленными, чтобы их смышленность обернулась против них. Духовные истины укоренились среди людей.

Но зато духи тьмы среди нас, они здесь. Надо быть бдительными, чтобы замечать, где они встречаются, чтобы сознавать, где они находятся. Ибо самым опасным в ближайшее время будет поддаться бессознательным влияниям, которые ведь имеют место. Потому что неосведомленность человека никоим образом не меняет их реального присутствия.

Прежде всего задача этих духов тьмы состоит в том, чтобы перевести в ложное русло то, что насаждают на Земле духи света, и создать путаницу. Я уже указывал на одно из таких фальшивых направлений, относящееся к наиболее парадоксальным. Я уже указывал, что стихийным образом человеческие тела будут развиваться так, что предоставят место определенному спиритуализму, но материалистические взгляды, которые все больше будут распространяться по указке духов тьмы, будут этому противодействовать, и будут пущены в ход материальные средства. Я говорил вам, что духи тьмы станут инспирировать свою мишень, человека, в котором они поселятся, чтобы тот изобрел лекарственную инъекцию, способную окольным образом, через воздействие на тело, с самых юных лет отвращать человека от духовности. Как в наше время делаются прививки против той или иной болезни, так в

будущем будут прививать детям особое вещество, которое может быть открыто, чтобы при помощи этой прививки предотвратить развитие духовной жизни, трактуемой как «глупость» — глупость, естественно, с материалистических позиций.

И эти вещи уже начались — только, скорее, в литературной сфере, где это выглядит достаточно безобидно. Я вам указывал на появление работ весьма ученых медиков о патологии различных гениев. Вы знаете: Конрад Фердинанд Майер, Виктор Шеффель, Ницше, Шопенгауэр, Гёте — всех, кого принято считать гениями, пытались редуцировать к определенному виду патологии. И самым впечатляющим в этой области было то, что была сделана попытка также и Христа Иисуса, Евангелие рассматривать с точки зрения патологии. Сегодня уже имеются два сочинения, которые возводят возникновение христианства к тому, что некогда, в начале современного летоисчисления, жил некий душевно и духовно ненормальный человек, который ходил по Палестине под именем Иисуса и проявления своей душевной болезни превратил в христианство. И уже написаны две работы, посвященные патологии Христа Иисуса.

Сказанное — всего лишь невинное литературное начало, но все нацелено на то, чтобы наконец изобрести такое средство, которое позволяло бы через телесную инъекцию подавлять склонности к спиритуальным идеям и в продолжение всей жизни верить только в материю, представляющую внешним органам чувств. И как современные врачи проказничают... — пардон, обмолвился, — делают инъекции от проказы*, ровно так же будут делать прививку против склонности к спиритуальному. Этим особо парадоксальным примером хотелось только указать на то, что в этой области грядет в ходе ближайшего и отдаленного будущего, — и все это делается, чтобы внести сумятицу в то, что собирается излиться на землю из духовных миров в результате победы духов света.

Для этого, естественно, в первую очередь надо внести сумятицу в мировоззрение людей, извратить сначала человеческие понятия и представления. Это очень серьезная область, и в отношении нее надо быть особенно бдительным. Ибо эта область относится к числу наиважнейших подоснов тех событий, которые подготавливаются ныне.

Я очень предусмотрительно подбираю выражения. Я сказал «подготавливаются», хорошо зная, что когда кто-нибудь говорит о подготовке, а вслед за этим происходит

все, что происходило в последние три года, то, значит, он говорит что-то важное. Ибо кто глубже проникает в такие вещи, понимает, что дело идет о подготовке. Только поверхностный человек может верить, что завтра или послезавтра то, что не было войной в старом смысле слова, может закончиться миром в старом смысле слова. Только тот, кто поистине поверхностно судит о событиях, может такому верить. Да, многие бы охотно поверили, — что они и делают, — если бы внешне наступило то или иное, в чем можно усмотреть сходство с подобными представлениями, но тогда никогда не узнать, что дремлет под поверхностью событий. Как в целом, так и в частностях очень интересно взглядеться в минувшие десятилетия начиная с сороковых годов XIX века. Их общую характеристику мы ведь уже получили в эти недели, да и сегодня я пытался к ним до некоторой степени вернуться. Именно когда всматриваются в какую-нибудь показательную личность (а в таких личностях отображается то, что из духовных импульсов царит в развитии), то тогда и в отдельных личностях можно узреть, что вытекает из обобщенных представлений. Мне хотелось бы привести вам один маленький, но яркий пример. На эти вещи я уже указывал в прошлом году*. «Фауста» Гёте комментировали многие. Многие пытались истолковать гётевского «Фауста». Одним из тех, кто совсем не поверхностно, а довольно-таки глубоко истолковал его, был Освальд Марбах**. Можно даже сказать, что толкования профессиональных историков литературы были менее глубокими, так как профессиональная обязанность понимать предмет часто является препятствием к подлинному пониманию. И Освальду Марбаху удалось сказать прекрасные слова о «Фаусте» в своей книге «Гётевский Фауст, части первая и вторая, прокомментированные Освальдом Марбахом», именно потому, что он не был историком литературы. Он читал лекции в лейпцигском университете о гётевском «Фаусте», о математике, механике и технологии. Да и в наше время углубиться в марбахскую механику и технологию — лучшее средство прийти к познанию мировых тайн, нежели то, что историки или историки литературы в своем смысле почитают за современную науку. Но именно у Освальда Марбаха имеется нечто в высшей степени примечательное. Он говорил о «Фаусте» Гёте в сороковых годах, а затем — в конце сороковых — перестал и умолк и ничего не говорил на эту тему в пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы. И только в конце семидесятых годов и

в начале восьмидесятых он снова стал читать лекции о гётевском «Фаусте». В промежутке он говорил только о математике, механике и технологии, то есть посвятил себя тем наукам, которые в наибольшей степени по тем временам давали проявить остроту человеческого ума и критические способности. Весьма интересно, что он говорит в предисловии к своей книге: «Еще тридцать, сорок лет назад в университете в Лейпциге я читал лекции о гётевском «Фаусте» (его книга появилась в 1881 году), и совсем недавно (1875) я снова стал читать лекции в продолжение предыдущих. Почему же такой длинный перерыв? Здесь сошлось многое — внешнее и внутреннее, объективное и субъективное. Я старел и состарился, и наши молодые ученые вместе со мной: с каждым новым семестром приходит все более горестное поколение (люди становятся все смышленнее, что для более глубокого наблюдателя — все горестнее!), в нем исчезает все больше свободный духовный интерес, приходит время, когда полезное ценится больше, чем прекрасное. Уже тридцать лет, как я, «внимая более нужде, чем личному влеченью», отодвинул в сторону в моей академической деятельности Философию и Поэзию и предался точным наукам: математике, физике и технологии».

Это было во времена материалистической остроты ума. Этот абзац из предисловия весьма и весьма интересен! Ибо в нем отчетливо прослеживается след времени. Этот абзац обнаруживает, что Освальд Марбах в своем сознании придерживался того мнения, что он всегда — и когда в старые времена интерпретировал «Фауста», и когда читал лекции по технологии — делал все по собственной воле. Но теперь, когда он снова вернулся к «Фаусту» и заново взялся за его интерпретацию, он сам подтверждает, что это его мнение было только иллюзией, а внимал он духу времени. Было бы прекрасно, если бы как можно больше людей осознали, в какой мере они предаются иллюзиям. Привить человеку иллюзии, заполнить ими ум и сердце — вот что было идеалом духов тьмы еще до 1879 года и особенно утвердилось после — с тех пор, как эти духи блуждают внизу, среди нас в царстве людей.

Но интересно еще другое, когда рассматриваешь такого человека, который как бы воплощает то, что тогда действовало с неба на землю. Он говорит — и это соответствует исторической правде, — что когда он в сороковые годы комментировал «Фауста» в университете, то выбирал главным образом первую часть, ибо ко второй не

испытывал тогда никакого интереса. А когда он снова, теперь уже после победы Михаила над драконом, приступил к чтению лекций о «Фаусте», он попытался преимущественно комментировать вторую часть. И верно, эпоха остроумия, эпоха критицизма не пригодна для понимания второй части гётевского «Фауста». И даже сегодня эта вторая часть «Фауста» Гёте, значительнейший памятник гётеанизма, во многих отношениях весьма мало понята. Ведь в высшей степени неудобно прийти к этому пониманию. Так как люди пребывают сегодня на том уровне, который, собственно, нигде с таким юмором, с такой иронией не подается, как во второй части «Фауста». Люди пребывают сегодня на том уровне, который постепенно приобретался начиная с XVI века, и, оценивая то, что развилось, начиная с XVI века, как величайшее, выдающееся достижение нашего времени, люди с XVI века испытывают к нему прямо-таки сладострастную привязанность. Гёте, который душой жил не только в своем времени, но мог переноситься и в XX столетие, писал вторую часть своего «Фауста» для XX века, для XXI века, для последующих столетий. Вот, что надо понять прежде всего. Но он должен был за высоким штилем спрятать иронически-юмористическое отношение к тому развитию, что имело место с XVI столетия. Надо ведь усмотреть, как то развитие начиная с XVI века, которое вызывает такое изумление и которое принято в наше время всеми культурными народами, в «Фаусте» рассматривается как махинации Мефистофеля. И в гораздо большей степени, чем бумажный призрак золотых гульденов, который является творением Мефистофеля, все то, что с таким блеском развивалось начиная с XVI столетия, представлено у Гёте, как творение Мефистофеля. Человечество однажды обнаружит во второй части «Фауста» грандиозно-ироническую картину того, что развивалось с XVI века, когда духовно устремленному Фаусту духи тьмы, представленные фигурой Мефистофеля, в сущности, противопоставляют все, за что так цепляется человечество новейшего времени и будет еще больше цепляться, особенно в XX столетии.

Многое из того, что может помочь быть бдительным, уже наличествует в этой второй части «Фауста». И когда некто, руководствуясь физикой, механикой, математикой и технологией, в которых сокрыт дух времени, как раз после победы Михаила над драконом чувствует себя призванным отныне говорить о второй части, тогда как за десятилетия до этого он говорил только о первой части «Фауста», которая

единственно и могла быть понята в то время, то это уже глубоко значительный симптом.

Ведь мы, особенно в ходе предыдущих лет, видели, как духовная наука ведет нас шаг за шагом к тому, чтобы оживить то, что Гёте впервые мог выразить только в образах, к тому, чтобы найти более глубокий смысл во второй части «Фауста». Естественно, из «Фауста» не выведешь духовную науку; но когда ее имеешь, тогда грандиозные картины во второй части «Фауста», а также величественные повествования в «Годах странствия Вильгельма Мейстера» предстанут в истинном свете.

Тем самым мы касаемся течения, которое под влиянием прогрессивных духов света все больше должно завоевывать себе место в противовес устремлениям духов тьмы, и это место будет завоевано, когда люди отнесутся к этому течению со всей бдительностью. Эти три года были как бы побуждением к бдительности, даже если и недостаточное число душ в состоянии правильным образом воспринять этот призыв. Ведь повсеместно можно увидеть господство и противоположного течения. Можно сказать, что у самых истоков возможности духовной жизни духи препятствий особенно активны. Мы уже пережили характерные вещи и будем их и дальше переживать. И когда сегодня говорят о них только намеком, то это вызывает всегда только недоразумение за недоразумением. Современная духовная атмосфера, в которой живет человечество, настолько проникнута волей к недоразумениям, что каждое сказанное слово истолковывается сразу же по-другому, чем имелось в виду. Приходится пользоваться словами человеческой речи, которые могут быть истолкованы по-разному. Сегодня так привыкли судить, исходя из национальных страстей, что если, например, надо охарактеризовать представителя того или иного народа просто как человека, живущего на земле, то это сразу же превратно трактуется другими представителями того народа, к которому принадлежит этот человек, хотя суждение о каком-то народе и суждение о человеке, который, к примеру, причастен к современным событиям, не связаны друг с другом. Ибо вера в то, что бури нынешнего времени связаны с теми вещами, о которых сегодня повсюду говорят, — эта вера особенно вредоносна, потому что является особенно бессмысленной. Истинные причины лежат гораздо глубже и при первом приближении поначалу имеют вообще с определенных сторон (я подчеркиваю это — с определенных сторон) мало общего с

национальными амбициями. Национальные амбиции только используются определенными силами, о которых большинство человечества не желает ничего знать, не желает из поверхностности. И много воды утечет, пока в эту область проникнет объективность. Сегодня человечество по большей части из-за удобства считает великими и всеобъемлющими те идеи, которые зарождаются в головах, способных понимать не больше какого-нибудь выпускника, который только-только сдал экзамен на школьного учителя, только его учениками в данном случае будет все человечество. Я уже часто указывал, что это страшное время, что наступление этих страшных времен не было бы неизбежным, если бы, с духовнонаучной точки зрения было составлено объективное суждение о Вудро Вильсоне. Ибо уже в 1913 году в моих гельсингфорсских лекциях (вы можете это прочесть в тогдашнем цикле лекций «Оккультные основы Бхагавад-Гиты»*) я имел возможность указать на всемирного школьного учителя Вудро Вильсона, я показал, из какой мелкотравчатой поверхностности исходит то, что делает этот человек. Так что мне не было никакой необходимости в последние годы заново составлять суждение о Вудро Вильсоне. Но в те времена такое суждение о Вудро Вильсоне выглядело совершенно несвоевременным, ибо это были времена, когда гимназические сочинения Вудро Вильсона о свободе, о культуре и литературе переводились на европейские языки. И еще долго ждать того времени, когда станут стыдиться, что политика гимназического учителя Вудро Вильсона могла восприниматься всерьез.

Повсеместно духи тьмы обволакивают душу человека. И когда однажды человечество пробудится от этого марева, в котором оно в настоящее время почивает, оно не сможет понять, как было возможно, что люди не считали зазорным в начале XX века поддаваться опеке какого-нибудь Вудро Вильсона с его мудростью! И только когда начнут испытывать чувство стыда, что такое возможно, наступит момент пробуждения.

Именно в наше время трудно говорить нечто такое, что вытекает из истины, ибо как раз против этого особенно восстает то, что люди позволяют себе прививать. И трудно составить свободное, независимое суждение в этой атмосфере, которая создалась не только событиями последних трех лет, но и всем тем, что я называл в моих венских лекциях* социальной карциномой. В противовес этим вещам необходимо исполниться серьезностью и не

воспринимать их с помощью тех понятий и идей, которые вплоть до XX века были приняты в качестве критериев суждения. Люди неизбежно придут к прозрению, что современность доказывает непригодность и невозможность тех представлений, с которыми сроднилось человечество, и что это какое-то глобальное недоумие, когда продолжают судить на основании того, что как раз и привело к нынешней ситуации, причем само время опровергает такие суждения. Можно ли поверить, что современность поддается корректированию с помощью тех же самых положений, которые к ней и привели? В этом можно поистине сильно обмануться.

Человечество принесло с собой из прошлого большой запас культурных достижений. Оно ими пользуется и теперь. Можно каждодневно наблюдать, как ими пользуются в первоначальном виде. Как мало в наше время еще распространено понимания и прозрения весомости этих вещей. Сколько людей в наши дни думают точно тем же самым образом, как думали в 1913 году. Они считают, что та сила рассудка, которая применялась ими тогда, достаточна и для 1917 года, не понимая реальности того, что этот рассудок внутренне связан с тем, что произошло в 1917 году и он не смог этого предотвратить.

По-настоящему углубиться в то, что произошло с момента низвержения духов тьмы, с того момента, как духи тьмы начали блуждать среди нас, — это значит прояснить многое из того, что в восьмидесятые, девяностые годы и первые два десятилетия XX века вступило в жизнь человечества. Это весьма полезно для современности. Ибо об этих вещах люди имеют самое неясное представление.

И в первую очередь отсутствует сколько-нибудь правильное представление о том радикальном различии в чувствах и ощущениях людей после 1879 года — по сравнению с предшествующими чувствами и ощущениями. И этому может способствовать углубление во что-то вроде второй части гётевского «Фауста», которая ведь не могла быть понята его современниками, так как она содержит критику того, что Гёте, собственно, переживал как содержание XX столетия. Так что постижение второй части «Фауста» может быть нам весьма полезно. И характерным симптомом является, что такой человек, как Освальд Марбах, возвращается ко второй части «Фауста» только после низвержения духов тьмы.

Исходя из такого рода познания и импульсов, надо

пробиться к тому, что является необходимым для современности. Ибо многое из того, к чему стремились до 1879 года, не было достигнуто. И все это связано с одним чрезвычайно важным вопросом, который, собственно, в наше время должен отбрасывать свою тень на каждую душу и который я могу представить сегодня следующим образом. Человечество было приведено к тем событиям, в гуще которых мы сейчас находимся. Но дело не в том, чтобы только понимать эти события, а в том, как из них выкарабкаться. И пока не хватит воли узреть те истинно глубокие импульсы, которые привели к современному положению дел, до тех пор эти вещи не станут доступны практическому пониманию. Не надо думать, что не может быть таких людей, которым доступно достаточное понимание современной ситуации. Но их просто не хотят слышать, как не хотят внимать чему-то вроде гётеанизма, который раздаётся как глас двадцатого столетия. И этому голосу не станут внимать, пока не обретут, к примеру, серьёзного и достойного понимания значения того, что произошло по причине низвержения духов тьмы осенью 1879 года. Но придется вникать в ход духовного развития человечества, если захотят понять современность. Вот почему я обратился к Освальду Марбаху, чье ретроспективное и одновременно пророческое миропонимание я рассматривал здесь в прошлом году, знакомя вас с одним его стихотворением, посвященном душе Гёте по случаю знаменательной даты, когда душа Гёте вступила в ту взаимосвязь, которая в те времена имела другое значение, чем в наше время, — той даты, когда Гёте вступил в общину, которую называют франкмасонской или как-либо еще и которая в XVIII веке означала еще нечто другое, нежели сегодня. Гёте мог со своей точки зрения многое провидеть из того, что в качестве таких сокровенных импульсов проходит через мир и что люди в своей ограниченности не хотят видеть. Освальд Марбах напоминает своими строфами по случаю упомянутой даты о пребывании Гёте в духовном мире:

*О, Брат, Отец, возвышенный Мастер!
К тому, кто сто лет уже сегодня являет знак
Верной любви в союзе вольных духов,
Мы простираем наши плотно сомкнутые длани;
Из духов величайший и свободнейший из свободных!
К тебе мы устремляемся, равняемся на тебя;
Мы посвящаем тебе себя и наших чад,
Дабы увенчать тем наше Строение.*

*Стремился ты, как мы, но твое стремление
К Самопознанию, что приводит к Мудрости,
Всегда одушевлялось изначально здоровой жизнью,
Крепостью Творца, что влечется к деяниям,
К трудам, что возносятся к свету
И вечно сияют блеском красоты:
Ты, как Израиль, ратовал с Богом,
Покамест не вышел Победителем себя самого!*

*Что нас таинственно с тобой связует,
Не предадим непосвященным ни единым словом;
Ибо возвестится это всем народам
Чрез чистой любви неутомимые деяния,
Чрез ясный свет, что возжигает дух в духе,
Чрез вечной жизни вечнозеленые побеги.
Веди, о Мастер! Страстное стремление влечет нас
За тобой — туда, где ты пребываешь.*

Такое постижение должно отомкнуть «врата осуществления»!

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 28 октября 1917 г.

Из тех рассмотрений, которые здесь проводились, мы можем оценить важность процессов, происходивших в XIX веке как бы за кулисами всемирной истории. Ведь в природе вещей заложено, что если не хотят давать совершенно абстрактное описание, то в отношении многих вещей, о которых хотят говорить в связи с духовным миром, необходимо характеризовать их отображение, их зеркальный образ в физическом мире, зная, что происходящее здесь, на физическом плане, является именно отображением духовных свершений.

Мне хотелось бы в начале еще раз обратить ваше внимание на то важное, что, собственно, стоит за кулисами всех событий. Нам известно, что примерно в 1413 году, то есть в XV столетии, имел место переход из четвертого в пятый постатлантический культурный период. Ко всем характеристикам, которые мы в этой связи уже приводили, прибавим Руководство земными свершениями из духовного мира, которое осуществлялось таким образом, что этим руководством в основном были заняты существа из иерархии Архангелов, — подчеркиваю: в основном (кое-что о более конкретных взаимосвязях вы можете узнать из моей небольшой книжки «Духовное водительство человеком и

человечеством»). Ибо представьте себе как можно более ярко: духовные существа осуществляют свою деятельность в духовных мирах. По этой причине на Земле происходит множество событий. На Земле происходит все, что мы именуем земной историей, человеческой жизнью в четвертом постатлантическом культурном периоде. Ангелы, существа из иерархии Ангелов, служат более высоким существам из иерархии Архангелов; но это служение происходит таким образом, что отношения между существами из иерархии Ангелов и существами из иерархии Архангелов есть дело совершенно сверхчувственное, чисто духовное, мало еще затрагивающее человека. Это меняется с наступлением пятого постатлантического периода, ибо тогда в руководстве человечеством существа из иерархии Ангелов становятся как бы самостоятельными. Люди четвертой постатлантической эпохи были более непосредственно ведомы Архангелами; и наоборот, в пятую эпоху — то есть в течение всей нашей нынешней пятой эпохи вплоть до четвертого тысячелетия — будет иметь место прямое водительство людьми со стороны Ангелов. Так что теперь невозможно больше сказать: отношение Ангелов к Архангелам есть нечто исключительно сверхчувственного порядка. Таково духовное выражение этого факта.

Этот факт может быть выражен более материальным образом, ибо все материальное является отображением духовного. Когда мы исследуем те обходные пути, которыми Архангелы совместно с Ангелами во время четвертой постатлантической эпохи руководили людьми, мы можем сказать: это происходило при помощи человеческой крови. А также окольным путем через человеческую кровь строились и социальные структуры, которые были связаны с кровным родством, с кровными узами. В некотором роде обителью Архангелов, равно как и Ангелов, являлась кровь. Да, кровь это совсем не то, что анализирует химик, но кровь одновременно есть обитель сверхчувственных существ.

Итак, когда мы говорим об этой четвертой постатлантической эпохе, то кровь является обителью Архангелов и Ангелов. Но именно это меняется в пятую постатлантическую эпоху и получается так, что кровь в большей степени находится под патронатом Ангелов — я говорю в данный момент об Ангелах света, о нормальных Ангелах, — а Архангелы преобладающим образом действуют в нервной системе. Я мог бы при помощи старой терминологии с тем же успехом сказать: в пятую

постатлантическую эпоху Архангелы действуют больше в мозге человека, а Ангелы — больше в сердце. А в терминах физиологии, выражаясь в духе современной науки, приходится говорить: Ангелы больше действуют в крови, а Архангелы — больше в нервной системе. Так что вы видите, что человек претерпел огромные изменения, которые прослеживаются вплоть до материальных структур человека.

Все, что человек совершает здесь, на Земле, связано с тем, что воздействует на него. Довольно-таки неправильно представлять себе Ангелов и Архангелов витающими где-то в облаках. Если представить себе всю нервную активность человека, как некое место, а всю активность крови опять-таки, как некое место, присовокупив все, что к ним относится в сверхчувственных мирах между смертью и новым рождением, тогда откроется местонахождение царства Архангелов и Ангелов.

В XV столетии наступил особый отрезок времени в земном развитии и в развитии связанного с ним духовного мира. То, что тогда произошло, можно охарактеризовать следующим образом. Можно сказать: в это время, в XV столетии, притяжение Земли было наибольшим для Архангелов, для Архангелов правильного пути, которые искали переход из крови в нервную систему. Таким образом, когда мы переходим из XIV столетия в XIII, XII и XI столетия, то мы находим, что сила притяжения Земли ослабевает, и после того сила притяжения Земли снова будет ослабевать. Можно сказать: Архангелы были понуждаемы высшими духами к чрезмерной приверженности к земному бытию в этом XV столетии. Как бы ни показалось парадоксальным грубо мыслящему материалисту, но это верно, что происходящее на Земле связано с подобными вещами. Каким образом случилось то, что именно в то время столь примечательным образом была заново открыта Америка, что люди снова начали осваивать всю планету? Причина этого — особое притяжение к Земле Архангелов в это время. Благодаря этому они управляли частично кровью, а частично нервной системой, так что люди начали, исходя из центров своей культуры, осваивать всю планету. Такие события надо осмысливать в связи с духовной активностью, иначе их невозможно понять. Возможно, это прозвучит сегодня необычно на слух грубо материалистического мыслителя, когда говорят: Америка была открыта потому и многое другое из того, что можно прочесть в так называемой истории, произошло потому, что для Архангелов притяжение Земли в

определенных рамках было в то время наибольшим.

Тогда же началось воспитание Ангелов со стороны Архангелов, направленное на овладение кровью, тогда как сами Архангелы искали переход в нервную систему. И в начале сороковых годов процесс зашел так далеко, что определенные отставшие Ангелы попытались пребывать не в крови или править не из нее, а занять место Архангелов в нервной системе. Так что мы можем сказать: в сороковые годы XIX столетия произошла важная борьба, которая протекала описанным мной образом и которая, если рассмотреть ее отражение в грубо материальном, разыгрывалась между человеческой кровью и человеческой нервной системой. Ангелы тьмы были выдворены из нервной системы и внедрены в систему крови, так что они отныне бродят в человеческой крови, как мной описано. А поскольку они бродят в человеческой крови, то и возникает все то, что я описывал как воздействие отставших Ангелов здесь на земле. И то, что они бродят в человеческой крови, вызвало также и то, что люди сделались такими смысленными. Естественно, все происходило медленно и постепенно, так что можно сказать: истинным рубежом является 1841 год; но и все XIX столетие охвачено описанными веяниями.

Тем самым вообще в эволюцию было введено нечто, имеющее глубочайшее значение. В ходе этих лекций я уже указывал вам на один важный факт*. Я указывал вам на то, что не более чем до седьмого тысячелетия в земной эволюции будет иметься возможность деторождения у женщин, а потом оно станет невозможным. Если бы все происходило по сценарию нормально живущих в крови ангельских существ, то человеческое размножение никогда не смогло бы продлиться до этой даты, а только до шестого тысячелетия. Еще до шестого постатлантического периода включительно на Земле будет возможность физического размножения; но по мудрости духов света импульс размножения в постатлантическую эпоху не достигает седьмого культурного периода. И, тем не менее, размножение будет длиться дольше; оно будет длиться вплоть до седьмого тысячелетия включительно, а может быть, и несколько дольше. Почему так происходит? Потому что регентами размножения, силами, импульсирующими размножение, станут эти низверженные Ангелы.

Это очень важно. В шестом постатлантическом культурном периоде постепенно истощится человеческая способность к размножению в той мере, в какой оно импульсируется силами света. И потребуются вмешательство темных сил, чтобы продлить эту способность. Вы знаете, что зерном шестого постатлантического культурного периода является европейский Восток. Европейский Восток разовьет сильное стремление к тому, чтобы не дать человеческому размножению, физическому размножению перейти за грань шестого культурного периода, а сразу же по его окончании перевести Землю в более спиритуальное, более психическое бытие. А со стороны Америки в пользу седьмого постатлантического культурного периода будут действовать другие импульсы, при помощи которых низверженные Ангелы будут руководить человеческими поколениями.

Представьте себе, насколько сложны эти вещи. Эти вещи могут быть найдены — я должен это постоянно подчеркивать — только прямым наблюдением в духовном мире. Любое теоретизирование, как правило, обманчиво. Тогда исследуют какое-то одно направление и приходят к сомнительному заключению, что именно в шестом постатлантическом культурном периоде исчезнет потомственное развитие человечества. И только истинное духовное наблюдение дает возможность различные взаимодействующие течения наблюдать таким образом, чтобы составить полную картину.

Надо пустить в ход очень многое, чтобы прийти к такому важному непротиворечивому познанию, как то, о котором я только что сказал.

Человек ведь предстанет вам поистине сложным существом, если вы примете во внимание, что теперь, в пятую постатлантическую эпоху, в его нервной системе и в его крови действуют не только Архангелы и Ангелы, но также противоположно устремленные духи, аномальные духи. Это силы, которые действуют то совместно, то порознь, то друг против друга, и тогда мы видим, что, собственно, происходит в реальности. Когда наблюдают то, что внешним образом происходит в жизни, видят только как бы внешние движения волн, а не те силы, которые вызывают эти волны на поверхности жизни.

И теперь мы можем указать еще на один симптом того, что духи тьмы с 1879 года были низвержены и пытались действовать сначала из духовного мира, а теперь из царства человека. Припомните то, на что я в этих рассматриваниях вам уже указывал: человечество как целое становится все моложе. Если мы возвращаемся ко временам древней Индии, то обнаруживаем, что люди оставались молодыми, то есть способными к телесному развитию, вплоть до глубокой старости; затем, в персидскую эпоху, это продолжалось уже не так долго, в египетско-халдейскую — еще менее долго, а в греко-латинскую люди были способны к развитию на отрезке от 28 до 35 года жизни. А теперь они стали еще моложе: люди сохраняют способность к развитию, как уже говорилось, до 27 года жизни. Затем придут времена, когда люди будут оставаться способными к развитию только до 26 лет, и так далее. Припомните, как я указывал, что личность, вокруг которой разворачивается много событий, может быть понята как раз благодаря тому, что двадцатисемилетний возраст сыграл в ее жизни особую роль, — Ллойд Джордж. Ибо чрезвычайно важно, когда обстоятельства душевной жизни совпадают с обстоятельствами внешней физической жизни.

Тот факт, что люди в нашу пятую постатлантическую эпоху натуральным образом остаются способными к развитию вплоть до двадцатых годов жизни, — этот факт образует важное основание для совместной деятельности Ангелов и Архангелов. Ибо духи нормального развития, духи света, хотят совершенно определенным образом управлять этим процессом в развитии человечества. Дело обстоит так: вплоть до двадцатых годов жизни человек естественным

образом способен к развитию; эту способность к развитию духи света хотели бы поддерживать интимным способом, так, чтобы все проходило без кризисов и к 28 годам, на отрезке между 28 и 35 годами жизни, то, что разыгрывалось во внутреннем человека, могло бы выступить наружу. Вдумайтесь в это как следует. То, что развивается в крови человека вплоть до 28-летнего возраста, должно затем, начиная с 28-летнего возраста, больше проникать в самосознание человека, самопознание должно быть передано крови. Итак, в намерения духов нормального развития, духов света, входило то, чтобы человек развивал во внутренней тишине, без претензий, совершенно бескорыстно свою душевную жизнь, и только тогда она должна была быть впервые приведена в действие, когда, достигнув 28-летнего возраста, человек переходил от годов учения к годам странствия и годам мастерства.

Этому противодействуют низверженные духи, духи тьмы. Они хотят воспрепятствовать этому интимному внутреннему развитию в двадцатые годы жизни и добиваются, чтобы человек уже в это время вступал в жизнь со всей внешней интеллектуальностью, внешней активностью и мастерством.

Таким образом, мы напрямую поставили в связь социальное явление и его духовные подосновы. Подумайте только, какая многозначительная борьба происходит в человеческой среде: духи света хотели бы только по достижении 28-летнего возраста делать нас настолько зрелыми, чтобы мы тогда активно вступали в общественную жизнь, а духи тьмы хотели бы передвинуть этот момент жизни на период, лежащий до 28-летнего возраста. Они хотели бы человека раньше подтолкнуть к общественной жизни. И все, что разыгрывается в нашей социальной жизни на уровне сил, — это отражение таких процессов и проявляется, к примеру, в том, что дискутируется возрастной ценз избирателя: его хотят теперь приблизить к 20-летнему возрасту или еще более раннему. И вы видите теперь источник этих процессов.

Конечно, познание таких вещей неудобно современным людям, так как именно из этого можно усмотреть, сколь много внедрено в общественную жизнь со стороны духов тьмы. Описанное мною было до сих пор известно людям инстинктивным атавистическим образом. Но это прекратилось. И люди должны решиться то, что было инстинктивно известно, что просачивалось к людям благодаря древним мистериям, познать поистине

сознательно: то есть воспринять духовные подосновы при формировании социальных структур, по-настоящему задумываться об этом, а не так слепо, повинуюсь одним эмоциям, строить свой мир. Ибо духи тьмы лучше всего добиваются своих целей, когда люди спят относительно духовных процессов. Тогда, во время этого сна, духи тьмы великолепно проделывают свои дела, что им не удалось бы, если бы люди сознательно вникали в духовные импульсы, которые господствуют в эволюции человечества. И львиная доля распространенной в мире лживости служит сегодня тому, чтобы погрузить людей в иллюзии, то есть в состояние сна, дабы они не видели реальности, дабы отвлечь людей от реальности, давая духам тьмы возможность свободно заигрывать с человеком. Ибо их махинации будут безрезультатны, если люди станут воспринимать их в бодрствующем состоянии. Так и должно быть, если эволюция человечества должна продолжаться плодотворным образом. Мы живем в такое время, когда люди должны взять в собственные руки обстоятельства своей жизни.

Для этого настоятельно необходимо прозревать определенные вещи, что возможно только, когда имеют представление о духовных силах. Можно сказать: в XIX веке было сделано все что только можно, чтобы отклонить людей от истины. Подумайте только, что, собственно, значит, когда именно в этот важнейший период развития XIX века дарвинизм тем способом, который я часто описывал, глубоко, очень глубоко, включая расхожие мысли, проник в развитие человечества. Весьма примечательно, какого рода воззрения на эти вещи имели хождение среди людей. Так, например, в знаменитой книге Фрица Маутнера* — в его «Философском словаре» — есть интересный пассаж: важно не то, как Дарвин преодолел телеологию, то есть учение о цели, а важно, что оно *преодолено*. Поскольку Маутнер достаточно образован, чтобы знать, что Дарвин весьма несовершенно преодолел влияние духовных сил, то он и говорит: не то, как он преодолел телеологию, а то, что она была *преодолена*. Иными словами, Маутнер хочет сказать: было бы весьма плодотворным представлять ход органического развития так, как если бы никаких целей никакими духовными существами при этом развитии не ставилось, как если бы никаких таких существ при этом не присутствовало.

Но для того, кто прозревает такие вещи, они представляются следующим образом: если вы видите дрожки, а впереди них лошадь, то лошадь тянет дрожки. Вы

наверняка скажете: на козлах сидит кучер и управляет лошадью. Но если вы исключите кучера, то можете проделывать тончайшее исследование того, что происходит в лошади, дабы она могла тянуть дрожки; и вы можете во всех подробностях описывать, что делает лошадь, чтобы тянуть дрожки, если вы абстрагируетесь от того, что в первую очередь лошадь получает приказы от кучера.

Но ведь на этом основывается дарвинистское учение; кучер попросту не принимается во внимание. Утверждают: это старое суеверие, это предрассудок, что кучер управляет лошадью. Ведь дрожки тянет лошадь, это видно каждому, ибо лошадь запряжена. Дарвинистская теория построена в точности по образцу такой логики. Благодаря этому, благодаря такой односторонности, она могла, естественно, нащупать ценные истины, истины первой величины. Но по этой же причине обзор всего положения вещей затемнен, и бесчисленное множество научных фактов при таком подходе страдает сегодня как раз от того, что, если можно так выразиться, не замечают кучера. Говорят о причине и следствии; но причину движения дрожек ищут в самой лошади и считают это великим прогрессом. И не замечают, что такая путаница между лошадью и кучером, такая «лошадиная теория» — простите за грубое выражение — встречается на каждом шагу в современной науке. Доказать ложность такой подмены невозможно, потому что это ведь верно, что лошадь тянет дрожки. Все это совершенно верно, но речь не идет о правильном или неправильном во внешнем смысле слова. Вот почему материалистические мыслители постоянно опровергают мыслителя спиритуалистического, который знает, что помимо всего там еще присутствует кучер. Но это показывает, куда заводит остроумная, отточенная критическая смышленность, с помощью которой духи тьмы хотят господствовать над людьми. Тогда не стремятся к правильному и, тем более, к всеобъемлющему, а только к тому, что является верным по образцу той логики, что лошадь тянет дрожки. Такая логика может прекрасно эмансипироваться от действительности. Можно быть совершенно логичным и вместе с тем оторванным от реальности.

Но когда заходит речь об эволюции человечества, приходит в голову еще кое-что: духи тьмы располагают властью преимущественно над рассудком и интеллектуальностью. Они могут располагать ими, но не эмоциональностью и не волей, и в первую очередь — не

волевыми импульсами. И здесь я касаюсь одного очень глубокого и важного закона действительности. Мы пережили (ведь все вы, все без исключения, достигли, в некотором смысле, почтенного возраста, ибо пережитое стоит многих, не меньше двух-трех, десятилетий), что в десятилетия, предшествовавшие нашему времени, имелись разнообразные социальные устремления, которые были большей частью связаны с газетной журналистикой, отчасти с книжной публицистикой, но менее всего с подлинным знанием фактов. Мы были свидетелями весьма своеобразных структур в социально-политической жизни, которые за последнее время возникли в Европе и в Америке. И это своеобразие всего происшедшего заключалось в том, что существовали идеи в связи с концом XIX и началом XX столетия, но не было ни эмоций, ни волевых импульсов. Это весьма примечательно. К этому приходишь только в результате добросовестного, честного исследования в духовном мире. Люди, которые в сороковые годы низошли из духовного мира для воплощения в человеческих телах и теперь уже снова вернулись назад, знали такие вещи, но знали их с позиций другого мира: знали, что фактически здесь на земле властвовали в последние десятилетия рассудок, интеллект, которые созрели к тому времени, но волевые импульсы оставались такими же, как тогда, в сороковые годы. Ибо воля, по своей природе, в человеческой эволюции гораздо более неповоротлива, чем мышление. Прошу вас, примите это в качестве очень важной истины: воля гораздо неповоротливей мышления. Так что, к примеру, люди, которые больше склонялись к общепринятым обычаям, не стремились в эти сороковые годы делаться бунтовщиками или революционерами, а оставались верными общепринятому укладу, патриархальному укладу тридцатых, сороковых годов, пронесли эти привычки вплоть до тех десятилетий, которые я сейчас подразумеваю. Но идеи развиваются своим путем. Вот почему в эволюции постоянно выступает разрыв между мыслительной жизнью и жизнью волевой, который захватывает не все сферы жизни, но только отдельные из них.

И благодаря этому в XIX столетии стало возможным то, что было невозможно во все предыдущие столетия. Внешние историки могут, конечно, все это оспаривать, но это бессмысленно. Я подразумеваю только то, что никогда в известные нам исторические эпохи человеческого развития интеллект, острота мысли столь очевидно не внедрялись в жизнь. Возьмите какое-нибудь древнеримское восстание

рабов: в нем обнаруживается, в основном, подстрекательство, волевые импульсы, воздействовавшие на рабов. Все это совершенно изменилось в XIX и XX столетиях. Современную социал-демократию не надо исторически сравнивать с восстанием рабов; это нечто совершенно другое, оно порождено теоретизированием — теориями вроде лассалевской, но, главным образом, теорией Карла Маркса*, теорией классовой борьбы. Людей подняло на ноги, повело к агитаторской активности нечто чисто критическое, нечто чисто теоретическое, что базируется исключительно на идеях. Почему? Потому что люди, которые восприняли марксизм через агитацию, имели еще те же самые волевые импульсы, что и в сороковые годы. В своей воле они еще до этого не созрели. Этот разрыв между идеями и волей привел к тому, что в XIX столетии по причине водительства со стороны определенных сил чисто интеллектуальное движение могло через агитацию проникнуть в массы.

Это феномен, которого прежде не было и который может послужить лишним доказательством того, о чем я вам уже говорил вчера, — это значит, что в XIX столетии (частично еще во время пребывания духов тьмы наверху, прежде чем они были низвержены) духи тьмы собирались преимущественно пестовать материальный рассудок. Здесь мы видим их в работе, видим даже, что они проникают в эмоции тридцатых и сороковых годов, видим, что они воздействуют не просто на рассудок, чтобы привести людей к определенным убеждениям, а видим переход рассудка к прямой агитации, революционности, революционным настроениям и т.д. Никогда еще рассудок не был таким направляющим началом. Важно видеть эти вещи. Дух времени понимают благодаря тому, что обнаруживают происходящее за кулисами так называемой всемирной истории. Спросите кого-нибудь, кто весьма далек от таких вещей: сколько лет насчитывает история. С какого времени люди интересуются тем, что мы сегодня называем историей? И тот ответит: это весьма старые вещи! А ведь история насчитывает не больше сотни лет. То, что сегодня считают историей, не старше какой-нибудь сотни лет. А до того просто записывали примечательные случаи, записывали разные истории; то, что именуют всемирной историей, которая прослеживает лейтмотивы всего развития человечества, — не старше сотни с небольшим лет. Рассмотрим предыдущие виды истории, которые ей предшествовали. Они всегда представляли собой переходный

продукт. А имеются ли особые основания ту историю, которой занимаются в наше время, считать наукой? Ну да, некоторые основания для этого имеются — главным образом, то основание, что столько-то профессоров во всех университетах мира именуют себя профессорами истории. Это напоминает того преподавателя юриспруденции, о котором я часто вынужден был вспоминать, когда речь заходила о мотивах такого положения вещей. Он был преподавателем уголовного права в одном университете и всегда начинал свои лекции с того, что он должен доказать человеческую свободу. Но речь не шла об истинных доказательствах. Он говорил: судари мои, свобода просто обязана существовать, ибо не будь свободы, не было бы никакого уголовного права. А раз я профессор уголовного права, то, значит, существует и уголовное право, а значит, существует и человеческая свобода.

Достаточно часто случается слышать прелестное выражение, когда сегодня выказывается суждение о том или другом, что должно возникнуть в ходе развития человечества: история учит тому-то и тому-то. Просмотрите литературу о новейшей истории — как часто вам встретится это выражение, когда кто-то изрекает очередную благоглупость по поводу того, что будет в мирное время. Сколь часто встречается фраза: *история учит*. А далее говорится в таком роде: по окончании тридцатилетней войны было так-то, и так далее. Это истины того же порядка, вроде тех, что я вам уже приводил, когда исчислялось, что современная война не может продолжаться больше четырех месяцев. На самом деле история ничему не учит. Ибо в материалистическом смысле наукой признается только то, что дает возможность предсказывать будущее на основании повторяющихся случаев. Когда химик проводит какой-то эксперимент, он знает, что там взаимодействуют определенные вещества, в результате происходят определенные процессы; если будут приведены во взаимодействие те же самые вещества, то в результате последуют те же самые процессы и в третий раз повторится то же самое. Или, если определенное взаимодействие туч вызывает молнию и сходная ситуация повторяется, то снова надо ожидать молнию. Исходя из предпосылок современного мышления, не может быть науки, которая не строилась бы на таких повторениях. Вникните в это как следует. Но история для тех, кто мыслит, исходя из современных материалистических предпосылок, вовсе не может быть

наукой, ибо в истории никогда ничего не повторяется, все время возникают новые комбинации. Так что исторический метод не позволяет делать умозаключения, как это бывает в других науках. История — это только переходный продукт. Только в XIX веке она достигла статуса науки. Раньше просто описывали достопримечательные события. Согласитесь, что не называют же историей, когда кто-нибудь описывает свою так называемую семейную историю. Так что слово «История» совсем не такое старое. А в других языках, кроме как в немецком, такого слова нет вообще, так как слово «История» первоначально употреблялось в совершенно другой связи. Раньше говорили «история» в единственном числе — «История апостолов» и так далее, то есть то, что однажды произошло. И только потом было привнесено множественное число — «истории», что, собственно, является не чем иным, как множественным числом слова «история». И сегодня надо говорить «разные истории». И здесь, в Швейцарии уже сто пятьдесят лет «разные истории» — до сих пор множественное число от слова «историйка», а потом это переделали в Историю, когда заменили артикль из множественного числа в единственное число. Так произошло слово «история». В этом вы можете убедиться с помощью этимологического словаря*.

Понятие истории впервые получает смысл, когда учитываются духовные импульсы. Тогда можно говорить о том, что действительно происходит, тогда можно в определенных границах говорить о том, что происходит за кулисами. Границы существуют в том смысле, который можно пояснить следующим примером: можно ведь и во внешнем физическом мире предсказать будущее — скажем, в отношении солнца будущим летом и т.д., но подробности, связанные с погодой, непредсказуемы, так и в духовном мире, естественно, выступают вещи, которые относятся к будущей погоде, как будущее состояние летнего солнца. Но в целом знать что-либо о ходе развития человечества возможно, только исходя из духовных импульсов. Таким образом, история находится в эмбриональном состоянии, сегодня она еще не то, чем должна быть, и может сделаться чем-то, когда перешагнет свое столетнее состояние, включив рассмотрение духовной жизни, которая протекает по ту сторону внешних свершений в человечестве.

Для этого уже необходимо, чтобы люди действительно пробудились в отношении многих вещей. Достаточно только взять какую-либо не столь уж маловажную как раз для

современности тему, например, ту, что мы обсуждали: насколько стара история? И сколько же людей (это не упрек, который обращен к одиночкам, а упрек, который должен быть сделан всей системе школьного образования) усвоили понятие о возрасте истории, которая хоть сколько-нибудь соответствовала бы реальности? Ибо подумайте только, если какая-нибудь наука в наше время справляет столетний юбилей и ее хотят сравнить с прежними состояниями науки! Эти вещи постепенно выходят за рамки простой учености и входят в жизнь. И только тогда, когда это будет замечено, когда эти вопросы станут вопросами воспитания, только тогда смогут понимать жизнь сообразно реальности. Надо добиваться, чтобы уже в детстве люди знакомились с жизнью природы по образцу того, что может быть найдено в отдельных (подчеркиваю: в отдельных) рассказах из бременской «Жизни животных», где действительно можно найти способ наглядно представить живые процессы, происходящие в мире животных. Но надо научиться делать различие между тем, что реально коренится в действительности, и тем, что тот, кто привык скользить по поверхности вещей, рассказывает как разного рода аллегорические, символические вещи. Последние только способны отдалить детей от реально происходящего в природе. Дело совсем не в том, чтобы рассказывать им какие-то символические, аллегорические вещи, а в том, чтобы продемонстрировать им действительно происходящее в природе, — к примеру, изучить с ними жизнь пчел, но не так, как это делают энтомологи, а как тот, кто может всей душой вжиться в эти вещи, причем, без всякой сентиментальности. Метерлинковская книга о пчелах, несомненно, весьма хороша*, но для детей она не пригодна, разве что может послужить образцом написания детской книги о пчелах или также о муравьях. Только надо избегать разного рода аллегорий и также избегать абстрактных духовных рассуждений, но действительно вникать в конкретные детали.

С другой стороны, нужно так называемую историю, которая в ее нынешнем состоянии представляется для детского возраста совершенной нелепостью, преподавать так, чтобы во всем чувствовалось присутствие духовного. Естественно, вы не можете рассказать детям то, что духовно происходило в XIX веке, да и гимназистам не сможете. Но можно выразить суть дела тем, как человек рассказывает, как он группирует события, как оценивает то или другое.

Истории XIX столетия, которые стряпались в то время, поистине не могут в ком-либо из современных людей, даже в зрелом возрасте, вызывать представление о действительно происходящем. Необходимо теперь описывать, как в этом XIX столетии постепенно, в первом, во втором, в третьем, в четвертом десятилетиях, подготавливалось нечто, что особенно ярко проявилось в сороковых годах. Все сводится к тому, чтобы описания вызывали соответствующее чувство, относящееся к событиям сороковых годов в Европе и в Америке: что там нечто особенное — простите за выражение — «бродило». А когда приходишь к событиям семидесятих годов, не надо рассказывать, что Ангелы были низвержены, ведь можно описывать так, чтобы слушатели увидели, почувствовали, что произошел некий прорыв в XIX веке. Духовная наука могла бы также оплодотворить и более раннюю историю. И как можно вдохнуть жизнь в те бледные описания из греческой и римской истории, которые предлагаются теперь в наших школах, если они не будут проникнуты реальными духовнонаучными импульсами! Нет нужды открыто выражать эти понятия и идеи, а надо рассказывать так, чтобы сделать их наглядными из самого повествования. Но люди все больше и больше удаляются от этого и должны вернуться назад.

Это единственный способ обрести чувство реальности. Ибо в наши дни названное чувство отсутствует у людей даже в самых элементарных ситуациях и переживаниях. Люди стремятся в наше время быть реалистами и материалистами, а на самом деле они самые абстрактные теоретики, каких только можно себе представить, напичканные пустыми теориями, погруженные до потери сознания в свои теории и не подозревающие об этой погруженности. И когда кто-нибудь из них пробуждается, — это не случайность, но в целом можно сказать: когда кто-нибудь случайно пробуждается и говорит что-нибудь в бодрствующем сознании, то это попросту оставляют без внимания. Именно так это происходит сегодня.

Возможно, вы уже слышали о том, что определенные люди постоянно трубят по всему свету: демократия должна охватить весь культурный мир. Демократизация человечества — это то, что несет с собой благо; а потому надо разрушить все препятствия, чтобы демократия распространилась по всему миру. Поскольку такие вещи проникают в них только в качестве выхолощенной терминологии, то понятие демократии останется для них только понятием, вроде того

определения человека, которое я вам уже приводил: человек — это существо, которое ходит на двух ногах и не имеет перьев, то есть ощипанная курица. Ибо ровно столько, сколько ощипанная курица представляет собой человека, столько же люди, прославляющие в наше время демократию, понимают о ней. Люди принимают понятия за действительность. Вот почему становится возможным, что место действительности занимают иллюзии, когда речь идет о человеческой жизни: тогда люди дают себя убаюкивать и усыплять при помощи понятий. Они верят, что тогда каждый человек получит возможность выразить свою волю при помощи различных демократических устройств, и не замечают: демократия устроена так, что только парочка людей находится у руля, а остальные являются ведомыми. И только потому, что постоянно трезвонят о демократии, люди не чувствуют себя ведомыми, а ведь заправил — единицы. И эти единицы тем лучше могут осуществлять это, когда все другие верят, что они идут самостоятельно и никто их не тянет. Так можно при помощи абстрактных понятий прекрасно убаюкивать людей, и они станут верить в противоположное тому, что есть на самом деле. И благодаря этому темные силы могут наилучшим образом делать свою работу, а когда кому-то случается пробудиться, то никто не обратит на него внимания.

Любопытно, что еще в 1910 году был высказан прекрасный тезис: мировому капитализму удалось сделать из демократии удивительнейшее, действеннейшее свинцовое орудие эксплуатации большинства. Принято изображать финансистов врагами демократии, — так пишет автор этого тезиса, — но это принципиальное заблуждение. Скорее они являются ее руководителями и сознательными инициаторами, ибо она — то есть демократия — строит непроницаемую ограду, которая маскирует ее эксплуататорские махинации, и в ней они находят лучшие способы защиты от прокламируемого народовластия.

Вот что однажды увидел один из пробудившихся: дело не в том, чтобы прокламировать демократию, а в том, чтобы прозревать действительность, не поддаваться лозунгам, а видеть, что происходит на самом деле. Сегодняшний день особенно настоятельно требует, чтобы люди увидели, как нынешние события, собственно, дирижировались и дирижируются из немногочисленных центров, — те события, которые столь страшно, столь кроваво властвуют над всем человечеством. Но к этому никогда не придут, если будут

продолжать жить в той безумной идее, что народы воюют друг с другом; если будут позволять усыплять себя европейской и американской прессе об отношениях народов в современных событиях. Все, что говорится об антагонизме и противоположных интересах разных народов, служит тому, чтобы завуалировать истинные причины, ибо к результатам приходят не тем, что словами объясняют события, а тем, что указывают на конкретные личности. Только это подчас весьма неудобно. И тот же самый пробужденный автор, который в 1910 году выдвинул указанный тезис, в своей книге приводит весьма впечатляющую статистику: он составил целый список из 55 человек, которые в действительности господствуют и эксплуатируют всю Францию. Этот список приводится в книге «Демократия и финансовый мир» 1910 года выпуска — автор Франсис Делязи*, тот самый, который успел тем временем написать еще одну нашумевшую книгу, вышедшую в 1912 году. Его «Демократия и финансовый мир» содержит ряд тезисов фундаментального значения. В ней присутствует человек, пробудившийся в отношении действительности. И в этой книге заложены импульсы, позволяющие прозревать многое из того, что сегодня надо прозревать, противоядие против размягчения мозгов. И в отношении этих вещей надо решиться смотреть в глаза действительности.

Естественно, эта книга осталась незамеченной. Но в этой книге поднимаются определенные вопросы, которые должны в наше время быть подняты по всему миру, ибо они весьма поучительны в отношении того, погребения чего добиваются под маской разных декламаций о демократии и аристократии и прочих лозунгов. В этой книге можно найти также, к примеру, прекрасное описание того бедственного положения, в котором, собственно, находится парламентарий. Ведь люди верят, что парламентарий действует в согласии со своими убеждениями, не правда ли? Но если знать все нити, которые связывают такого парламентария с действительностью, тогда только станет понятным, почему в одном случае он говорит «да», а в другом случае «нет». Ибо определенные вопросы должны быть подняты. И Делязи делает это. Например, он поднимает такой вопрос, связанный с парламентарием: на чьей стороне приходится ему, бедному, быть? Налогоплательщик платит ему ежегодно три тысячи франков жалования, а акционеры — тридцать тысяч! А поставить вопрос — значит уже получить ответ. Выходит, что этот бедный богач получает от народа свои три тысячи франков

жалования, а со стороны акционеров тридцать тысяч! Не правда ли, какое прекрасное доказательство остроты ума, если сказать: до чего же замечательно, что хоть раз парламентское кресло занимает такой социалист, такой представитель народа, как Миллеран**! Как замечательно, что такое стало возможным. Но Делязи спрашивает о чем-то другом. Он спрашивает: а как обстоит дело с независимостью кого-то вроде Миллерана, который ежегодно зарабатывает тридцать тысяч франков в качестве представителя страховой компании?

Итак, кто-то один пробудился и он прекрасно знает, как тянутся нити от действий такого человека к разным страховым компаниям. Но именно такие вещи, которые говорятся в бодрствующем сознании о действительности, и не принимают во внимание. Конечно, можно с успехом декламировать о демократии западного мира, но если хотят сказать правду, то надо говорить: такой-то и такой-то делает то-то и то-то, а такой-то и такой-то делает то-то. И Делязи насчитывает 55 человек — не какое-то демократическое сообщество, а 55 вполне конкретных лиц, — о которых говорит, что они владеют Францией и эксплуатируют ее. Здесь человек нащупывает реальные факты, ибо и в обыденной жизни должно быть пробуждено понимание реальных фактов.

От Делязи можно также узнать: жил-был однажды один адвокат. Множество нитей связывало его не только со многими страховыми компаниями, но и с финансовыми центрами, с финансовыми сферами. И этот адвокат был очень честолобив; он искал поддержки не только со стороны мира финансов, индустриального мира, торгового мира, но искал еще поддержки со стороны ученого мира Академии. А это такое место, где вас могут с помощью ученого сообщества возвести в сферу Бессмертия. И вот в составе Академии нашлась парочка Бессмертных*, которые как раз проделывали разные махинации. Они находили вполне приемлемым совмещать свою деятельность ради бессмертия с сомнительными махинациями, запрещенными законом страны. А затем, когда оба «бессмертных» предстали перед судом, эти двое нашли весьма хитроумного адвоката и им удалось выйти сухими из воды, так что они совсем избежали приговора. И они приняли этого адвоката в число «Бессмертных». И наука, которая озабочена не этим преходящим миром, а миром вечности, управляемым Бессмертными, нашла себе представителя в лице этого

бескорыстного адвоката. Его имя Раймон Пуанкаре^{**}. Делязи рассказывает в названной книге его историю.

Небесполезно знать и такие вещи, как ингредиенты действительности. Такие вещи не надо упускать из внимания. И если человек воспримет духовную науку, то, руководствуясь ею, он выйдет на след истины, тогда как материалистическое образование нашего времени, которое по бессчетным каналам вливается в деятельность нашей прессы, приспособлено не для того, чтобы указывать на действительность, а только для того, чтобы при помощи разных лозунгов прикрывать ее. Но если кто-то вдруг пробуждается, как этот Делязи, и описывает вещи, каковы они есть, — то многим ли становится это известно? Сколько людей вообще слышали об этом? И вы тоже могли ничего об этом не слышать, так как все это погребено работой прессы, которая заправляет всей жизнью. Делязи высказывается в своей книге о демократии и финансовом мире как поистине светлая голова, как тот, кто немало потрудился, чтобы прийти ко многим прозрениям. Он не из числа слепых поклонников парламентаризма, не из числа слепых поклонников демократии. Он предсказывает, что эти вещи, от которых современные люди ждут страшно много добра, вообще прекратятся. Он говорит это твердо, а также говорит и о «машине голосования» — это то выражение, которое он здесь применяет. И с научной точки зрения безупречно и со всей серьезностью Делязи анализирует эту парламентскую машину голосования, ибо он видит насквозь весь аппарат, который встроен в эту машину голосования и который предназначен пробуждать у людей веру в то, что голоса отдает просвещенное большинство, вытесняя недоразвитое меньшинство. Он знает, что, если грядет здоровое развитие, то на это место придет нечто совершенно иное.

Сегодня еще невозможно назвать то, что придет на это место, ибо это сильно шокировало бы людей. В наше время это может, в сущности, знать только человек, посвященный в духовную науку. Формации прошлого наверняка не заступят это место. Вам не надо опасаться, что тот, кто говорит с позиций духовной науки, озвучит какие-либо реакционные или консервативные идеи; это не будет чем-то из области прошлого. Но и то, что составляет сегодня машину голосования, настолько многообразно, что может вызвать только шок. Когда-нибудь это признают неким умопомешательством. И, тем не менее, необходимо вживаться в импульсы развития будущего. И Делязи тоже

считает: как в поздних стадиях органического развития выступают бесполезные органы, которые возникают по инерции, хотя они уже утратили свою функциональную значимость, так же еще долгое время будет продолжаться это парламентское голосование; но живая жизнь покинет его.

Вы знаете, у человека есть такие органы: многие могут шевелить ушами, ибо на прежних ступенях развития имелись для этого определенные мускулы, которые теперь потеряли свое назначение. Человек до сих пор сохранил эти мускулы, но это так называемые атавистические органы, которые не имеют больше своего значения. Вот так представляет себе Делязи парламент будущего; парламент долго будет таким засохшим, отмирающим атавистическим пережитком, но в развитие человечества вступит нечто иное.

Я указал вам именно на Делязи, указал на книгу, которая появилась относительно недавно, в 1910 году, чтобы обратить ваше внимание на то, что, собственно, имеется достаточно людей — ибо ведь одного хватит *для* многих тысяч, так что дело только в том, чтобы такие люди не оставались незамеченными. И помимо того, что я пытался ввести вас в закономерности духовной жизни, привести импульсы духовной жизни, — помимо того я считал своей задачей указать на важные явления современности, даже если получится так, что те из них, которые здесь, в этих лекциях, были названы важными событиями, во внешней жизни вообще не рассматриваются как важные, если вообще о них упоминается. Происходящее в нашем кругу должно радикально и капитально отличаться от того, что происходит во внешнем мире. И только тогда, когда мы поймем это во всей глубине и со всей серьезностью, мы сможем надлежащим образом развивать духовную науку.

Перевод по изданию 1999 г.

Die spirituellen Hintergründe der äußeren Welt.

Der Sturz der Geister der Finsternis

из Собрания сочинений Рудольфа Штайнера,
выпускаемого издательством

Rudolf Steiner Verlag (Дорнах, Швейцария) под редакцией
Управления наследием Р. Штайнера.

В состав Управления также входит Архив Рудольфа Штайнера, продолжающий публикацию материалов за счет пожертвований. Информацию об Архиве и Международной ассоциации Архивов Штайнера можно получить по адресу: Rudolf Steiner Archiv, Postfach 135, CH-4143 Dornach, а также — <http://rudolf-steiner.com>.

В издательстве **ЛОНГИН** вышли в свет:

ПСС. Т. 230 **Человек как единое звучание Творящих Мировых Слов**

ПСС. Т. 233а **Средневековые центры Мистерий**

ПСС. Т. 234 **Антропософия и Мистерии Нового времени**

ПСС. Т. 243 **Сознание посвященных**

ПСС. Т. 254 и 258 **Оккультные движения XIX и XX столетий**

ПСС. Т. 348 **Здоровье и болезни**

из ПСС. Т. 104а **Язык образов Апокалипсиса**

из ПСС. Т. 291 **Сущность цвета и тайна радуги**

Штайнер Рудольф

Низвержение духов Тьмы.

Духовные подосновы внешнего мира

14 лекций, прочитанных в Дорнахе с 29 сентября по 28 октября 1917 г.

Библ. №177

Редактор

Тамара Логачева

Технический редактор, верстка

Лусине Коджиброян

Корректор Ирина Маркарян

Подписано в печать 17.06.08. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Баскервиль». Усл.-печ. л. 17,64.

Тираж 2000 экз. Заказ № 2936.

Издательство «Лонгин Гратаракчютюн»,

375078, Ереван,

ул. Башинджагыана,

189-12

<http://longin.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати - ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Rudolf Steiner *Die spirituellen Hintergründe der äußeren Welt Der Sturz der Geister der Finsternis
Vierzehn Vorträge, gehalten in Dornach vom 29.September
bis 28.Oktober 1917*

1999

RUDOLF STEINER VERLAG DORNACH/SCHWEIZ

**Библ. № 177 Перевод с немецкого С. Шнитцера
В оформлении обложки использована картина
М.Врубеля «Демон поверженный»
«Лонгин» Ереван 2008**

УДК 1/14

ББК 87

Ш 871

Штайнер Рудольф

Низвержение духов Тьмы. Духовные подосновы внешнего мира / Пер. с нем. С. Шнитцера — Ереван : Лонгин, 2008. — 336 с.

Целью данного курса лекций было показать, как события, происходящие в духовных мирах, влияют на все сферы жизни людей, включая индивидуальное здоровье человека. В результате битвы Архангела Михаила с Ариманом в XIX веке был очищен духовный мир, а демонический сонм был низвергнут в мир людей. На конкретных примерах из культурной, социальной и политической жизни (рассматриваются также события в России 1917 года) Р. Штайнер показывает, как демонические существа вносят разрушение, хаос и неприятие истины в душевный мир человека. Подпавшие их влиянию люди в частности утрачивают способность увязывать факты в единую картину, а массы людей обретают склонность к националистическим проявлениям. Возможность противодействия опасным разрушительным тенденциям автор видит в преодолении материалистического характера мышления, правильном воспитании детей и доведении событий в духовных мирах до сознания людей.

Оригинал этой книги опубликован на немецком языке под

названием

Die spirituellen Hintergründe der äußeren Welt.

Der Sturz der Geister der Finsternis в издательстве Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz)

как том 177 в Собрании трудов Рудольфа Штайнера (Rudolf Steiner Gesamtausgabe).

Публикация данного перевода согласована с Управлением наследием Рудольфа Штайнера

(Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung, Dornach)

© Rudolf Steiner Nachlassverwaltung, 1999 ISBN 978-99941-871-1-9 © Лонгин Гратаракчутюн, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция, 29 сентября 1917 г.

Освещение событий в России при помощи духовной науки. Вхождение метафизического мира в исторический процесс. Недееспособность Сухомлинова как феномен времени. Папское послание о мире. Связь между материалистическим настроением людей и разрушительными силами.

Вторая лекция, 30 сентября 1917 г.

Разрыв между интеллектуальным и моральным развитием человечества. Человеческий организм во сне и в бодрствующем состоянии. Внесение импульсов мудрости, свободных от морали, из состояния сна в земную жизнь. Духовно-социальный импульс в трудах Иоганна Валентина Андреэ. Омоложение человечества. Ллойд Джордж — типичный представитель современности.

Третья лекция, 1 октября 1917 г.

Оторванность от реальности привычек современного мышления. Изречение Христа: «Царство мое не от мира сего». Стремление к земному совершенству как материалистическая иллюзия. Вудро Вильсон как «Спаситель мира». Правильная позиция в отношении возвещения духовнонаучных истин. Отклонения от этой позиции. Два вынужденных мероприятия в отношении частных эзотерических указаний.

Четвертая лекция, 6 октября 1917 г.

Элементарные духи рождения и смерти. Их деятельность на службе богов и переход власти над ними в руки людей — процесс, сходный с тем, что был в древней Атлантиде. Необходимость превращения добродетелей в свою противоположность, от созидательных сил к разрушительным. Инстинктивное предчувствие этого факта у Рикарды Хух. Одна из тенденций современности — собственная точка зрения вместо поиска истины.

Пятая лекция, 7 октября 1917 г.

Изменения в переживании окружающего мира начиная с греческой эпохи и до наших дней. Отмирание земли и деградация тел. Отражение этого факта в геологическом труде Эдуарда Зюсса и в психологическом учении Франца Brentano. Отделение нашего внутреннего существа от телесности. Учение о предопределении у Августина и Кальвина. Евгеника как отзвук атлантических обычаев. Психопатология как симптом времени. «Устранение души» при помощи медикаментов.

Шестая лекция, 8 октября 1917 г.

Окружающий нас мир живых мыслей и безжизненные мысли внутри нас. Голова как наследие прошлых воплощений Земли, остальное тело как феномен космических иерархий, уплотненный из-за люциферического искушения. Духовная связь с окружающим миром и толкование сновидений в четвертую постатлантическую эпоху. Необходимость инспирированных идей в области социального. Знание об этом у Якова Бёме и Сен-Мартена. Важность интуитивно-пророческих способностей для педагогического призвания.

Седьмая лекция, 12 октября 1917 г.

«Легковесность» расхожих исторических представлений. Лютер как «приверженец» четвертой культурной эпохи в начале пятой. Пробуждение сознания благодаря обману чувств в прошлые времена. Необходимость преодоления этого обмана чувств в будущем. Внутреннее углубление. Испытания огнем на современном пути посвящения. Значение идеи кармы в области воспитания. Вред раннего развития рассудка. О правильном отношении к инакомыслящим. Внутреннее углубление отношений между воспитателем и воспитанником.

Восьмая лекция, 13 октября 1917 г.

Стремление современности к унифицированным, упрощенным понятиям. Недостаточность подобных понятий в отношении действительности. Ошибочность сравнения организма и государства у Рудольфа Кьеллена и Альберта Шеффля. Социальная жизнь всей Земли как организм. Опровержение абстрактных теорий со стороны действительности. Повернутость Запада в сторону прошлого. Вильсонизм. Разрыв с прошлым на Востоке. Абстрактный характер теософских идеалов и необходимость конкретного познания.

Девятая лекция, 14 октября 1917 г.

Битва между Архангелом Михаилом и ариманическими

силами с 1841 года и до осени 1879 года. Низвержение духов тьмы и его последствия: персональное переживание материалистического импульса как симптом этого (высказывание Анри Лихтенберже). Инфекционные болезни и влияния Луны как следствие подобной борьбы в ранние земные периоды. Примеры ариманического образа мышления в области современной науки. Влияние духовного мира на действия современных людей. Отражение духовного события в земном свершении. Соловьев и познание русского национального духа.

Десятая лекция, 20 октября 1917 г.

Оторванность от жизни многих идеалов. Распространение определенных идей в XVIII столетии и их дальнейшее проявление. «Тринадцатый» Вильгельма Вебера. Предрассудок, невежество и страх как требование ариманических сил. Постигание прошлого при помощи современного естествознания и необходимость прийти к познанию будущего. Взгляды Джеймса Дьюара как образец недостаточности современных представлений. Проявления ариманических существ в монистических теориях. Необходимость пронизания материалистической науки спиритуальным мышлением. Необходимость преобразования воспитания. Значение благоприятных детских воспоминаний для жизни взрослого.

Одиннадцатая лекция, 21 октября 1917 г.

Углубление душевной природы человека. Экстериоризация научной культуры. Новые импульсы в искусстве воспитания как средство против ариманизации внутренней жизни. Отношение животного и человека к солнечному и лунному течениям. Образное повествование из мира животных и растений как педагогическая необходимость. Опора на «Жизнь животных» Брема. Обеднение понятий по причине специализации. Пример реальной связи между духовнонаучными познавательными импульсами и узко специальной областью: книга Романа Бооса об общем трудовом договоре. Ценная статья того же автора в журнале «Знание и жизнь». Пустая игра понятий в другой статье в том же номере журнала.

Двенадцатая лекция, 26 октября 1917 г.

Низвержение духов тьмы как причина современных событий. Задача духов света в предыдущих эпохах: укрепление кровных связей; задача темных сил: освобождение человека от кровных уз. Противоположная задача в XIX веке. Учение Дарвина о происхождении

человека как импульс прошлого; учение Гёте о метаморфозе как сила будущего. Связь человека с землей с помощью наследственности и его высвобождение от сил земли благодаря одухотворению. «Индеанизация» европейцев, заселивших Америку, и преодоление этой тенденции.

Тринадцатая лекция, 27 октября 1917 г.

Намерения духов тьмы: высшее развитие остроты человеческого разума и ограничение отношения к духу с помощью спиритических методов. Благодаря победе Михаила становится возможной прямая связь человека с духом. Противодействие темных сил. События XIX века как следствие борьбы в духовных областях. Материалистическая медицина будущего: инъекции против спиритуальных наклонностей. Комментарий Освальда Марбаха к «Фаусту» Гёте. Вудро Вильсон как «всемирный школьный учитель». Духовное стремление Гёте, выраженное в стихотворении Марбаха.

Четырнадцатая лекция, 28 октября 1917 г.

Действие Ангелов и Архангелов в истории и в человеческом организме. Исчезновение физического размножения в шестом или в седьмом тысячелетии. Устремления духов тьмы в отношении помолодевшего человечества. Фриц Маутнер и дарвинизм. Разрыв между жизнью мыслей и жизнью воли. Проявление этого разрыва в современной социал-демократии. Краткий возраст исторической науки и необходимость оплодотворения ее через антропософию. Книга Метерлинка о пчелах. Прожектерство речей о демократии. Франсис Делязи о демократии и финансовом мире. Александр Миллеран и Раймон Пуанкаре как примеры влияния финансового капитала на политические действия.